

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 12(180)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Парадоксы цифровизации и эффективность государственного управления

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

9 ШУМИЛОВ М. М.

Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США (Часть 2)

34 КАМИНЧЕНКО Д. И.

Роль местных интернет-сообществ в реализации государственной и муниципальной политики: мнение молодой аудитории

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

50 БОРЩЕВСКИЙ Г. А.

Оценка документов стратегического планирования на Дальнем Востоке

64 ГАМИДУЛЛАЕВА Л. А., ЗИНЧЕНКО С. В.

Развитие туристической индустрии в регионе: цифровые инструменты принятия решений на основе геоаналитических данных

85 ГЕТМАН А. Г.

Развитие теории и практики расчета стоимости логистических услуг как элемента управления таможенно-логистическими рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

96 КОВАЛЕВ С. П., ЯШИНА Е. Р., ТУРЗИН П. С., ЛУКИЧЕВ К. Е.

Современное состояние системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения регионов страны

109 АЛЕКСАНДРОВА О. А., МИНИНА М. В.

Умный город как элемент устойчивого развития мегаполиса

118 ГРИГОРЬЕВ В. Ю., БЕДАРЕВА Л. Ю.

Анализ регионального СПО: что в приоритете?

131 ЗАРЕЦКИЙ А. А., КОЗЫРЕВ А. А.

Стратегическое проектное управление социально-экологическим развитием Арктической зоны РФ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**145 ГРИДНЕВ В. П.**

Политико-воспитательная работа в частях тылового обеспечения на Курской дуге

A LINEA**158 ВЕКШИН В. О.**

Актуальность внеинституциональных способов политизации молодежи

167 ГАЛУСТОВ К. А.

Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**192 КОЗЫРЕВА Л. Д.**

Цифровизация социальной сферы: новые подходы и решения

НОВОСТИ**195** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург**ГODOBое СОДЕРЖАНИЕ****197** Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2023 г.

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Paradoxes of Digitalization and the Effectiveness of Public Administration

POLICY AND LAWFUL STATE

- 9** **MIKHAIL M. SHUMILOV**
Engagement of European Countries in the Implementation of the US Indo-Pacific Strategy (Part 2)
- 34** **DMITRIY I. KAMINCHENKO**
The Role of Local Online Communities in the Implementation of State and Municipal Policies: the Opinion of a Young Audience

POWER AND ECONOMY

- 50** **GEORGY A. BORSHCHEVSKIY**
Strategic Planning Documents Assessment of the Russian Far East
- 64** **LEILA A. GAMIDULLAEVA, SVETLANA V. ZINCHENKO**
Development of the Tourism Industry in a Region: Digital Decision-Making Tools Based on Geoanalytical Data
- 86** **ANASTASIA G. GETMAN**
Development of the Theory and Practice of Calculating the Cost of Logistics Services As an Element of Customs and Logistics Risk Management in International Supply Chains for Goods Containing Intellectual Property

SOCIETY AND REFORMS

- 96** **KOVALEV S. P., YASHINA E. R., TURZIN P. S., LUKICHEV K. E.**
The Current State of the Management System for the Process of Reducing the Disability of the Working Population of the Country's Regions
- 109** **OLGA A. ALEKSANDROVA, MARINA V. MININA**
Smart City as an Element of Sustainable Development of the Metropolis
- 118** **VALERY YU. GRIGORYEV, LARISA YU. BEDAREVA**
Analysis of Regional Secondary Vocational Education: What Is the Priority?
- 131** **ANDREJ A. ZARETSKY, ALEKSANDR A. KOZYREV**
Strategic Project Management of the Socio-Ecological Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

HISTORY AND CULTURE

- 145 VALERY P. GRIDNEV**
Political and Educational Work in the Rear Support Units on the Kursk Bulge

A LINEA

- 158 VLADISLAV O. VEKSHIN**
Relevance of Extra-Institutional Modes of Politicisation Young People
- 167 KIRILL A. GALUSTOV**
Impact of the Urban Regime on the Urban Spatial Transformation of Saint Petersburg in the 21st Century (On the Example of Ecological and Eco-Cultural Conflicts)

SCIENTIFIC LIFE

- 192 LARISA D. KOZYREVA**
Digitalization of the Social Sphere: New Approaches and Solutions

NEWS

- 195** News of RANEPА Saint Petersburg

ANNUAL CONTENT

- 197** Content of the Journal "Administrative Consultation" for 2022

Парадоксы цифровизации и эффективность государственного управления

Paradoxes of Digitalization and the Effectiveness of Public Administration

Двенадцатый номер нашего журнала не тематический. Точнее, он планировался не тематическим, но стал таковым из-за интуитивного стремления коллектива авторов затронуть наиболее актуальные вопросы экономической и политической жизни в России и за рубежом. Целый ряд наших материалов посвящен вопросам цифровизации. Укажем на то, что цифровизация — это не цель общественного развития, а средство обеспечения этого развития.

Цифровизация — это процесс внедрения цифровых технологий в разные сферы жизни и деятельности человека. Она включает в себя использование компьютеров, интернета, мобильных технологий, больших данных и искусственного интеллекта для улучшения и оптимизации процессов, услуг и продуктов.

Цифровизация может иметь различные последствия, как положительные, так и отрицательные. Положительные стороны достаточно очевидны любому человеку, который хотя бы один раз пользовался «Госуслугами». Современные теории управления основаны на предположении о том, что сокращение управленческих итераций является стратегической целью общественного прогресса, что достигается за счет экономии времени, которое уходит на неоптимизированное управление. Таким образом, повышение эффективности управления, улучшение качества жизни и создание новых возможностей для бизнеса являются вполне реальным результатом цифровизации. С другой стороны, цифровизация также может привести к потере рабочих мест, нарушению конфиденциальности данных и усилению социального неравенства. Есть и собственно технические проблемы. Роботизированная система работает на алгоритмах, а человеческая жизнь создает такие ситуации, которые никаким алгоритмам не подчиняются.

В целом цифровизация является неотъемлемой частью современного мира, и она, еще являясь предметом для дискуссий, уже вошла в общественную жизнь, а ее влияние на общество будет только усиливаться в будущем.

Важно, чтобы правительства, бизнес и общество в целом разрабатывали стратегии, которые учитывают как преимущества, так и вызовы цифровизации. Однако еще важнее формирование общественного консенсуса по поводу замены сервиса «человек — человек» на сервис «человек — машина».

В специфических российских условиях 2024 года стратегическим ресурсом становится человеческий потенциал. Таким образом, ограниченные демографические возможности России предполагают экономию на непроизводительных должностях и ускорение управленческих процедур за счет цифровизации.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета*

Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США

Часть 2*

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Глобализация способствовала развитию экономических отношений Европы и Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Вместе с тем после 2011 г. они оказались под влиянием американского «разворота в Азию» и переключения внимания США с противодействия международному терроризму на соперничество с «ревизионистскими» державами — Россией и Китаем. В 2019 г. с принятием Индо-Тихоокеанской стратегии США их главным региональным соперником стал Китай. Соперничество с ним предусматривало объединение американцами своих азиатских союзников в сети управляемых формальных альянсов, а также подключение к решению стратегических задач Великобритании и Франции. 11 февраля 2022 г. появилась новая Индо-Тихоокеанская стратегия США. В этом документе особо подчеркивалась стратегическая ценность и возрастающая роль в ИТР Великобритании, Франции, ЕС и НАТО и ставилась задача по наведению мостов между Индо-Тихоокеанским и Евроатлантическим регионами. Главная роль в ее решении отводилась AUKUS — трехстороннему военному альянсу США, Великобритании и Австралии, созданному 15 сентября 2021 г. Примерно тогда же Франция, Германия, Нидерланды и Евросоюз утвердили собственные стратегии в ИТР. Общим для них было нежелание видеть в Китае главного противника в контексте американско-китайского соперничества. Вместе с тем документы не свидетельствовали о равноудаленности Европы от глобальных соперников. С одной стороны, являясь частью коллективного Запада, ЕС демонстрировал Америке свою поддержку, с другой, будучи важнейшим экономическим партнером Поднебесной, он отказывался видеть в ней экзистенциальную угрозу своей безопасности. На этом фоне выделялся опубликованный в марте 2021 г. аналогичный британский документ, отличавшийся враждебным отношением к Китаю. Однако существенные различия в стратегиях европейских стран нивелировались их членством в НАТО. На саммите альянса в Мадриде в июне 2022 г. европейцы вместе с другими союзниками провозгласили стратегический курс на «системное соперничество» с КНР в контексте взаимосвязи безопасности Евроатлантики и развития ситуации в ИТР. С подписанием 10 января 2023 г. в Брюсселе совместной декларации НАТО и ЕС произошло дальнейшее сближение двух западных структур на антикитайской основе, а также полное подчинение Европы интересам американской глобальной политики.

Ключевые слова: соперничество великих держав, Индо-Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море, территориальные споры, АСЕАН, AUKUS, Quad, Евросоюз, НАТО

Для цитирования: Шумилов М. М. Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США (Часть 2) // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 9–33.

* Продолжение статьи. Первую часть см.: Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 25–45.

Engagement of European Countries in the Implementation of the US Indo-Pacific Strategy (Part 2)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

Globalization has contributed to the development of economic relations between Europe and the Indo-Pacific. However, after 2011 they were influenced by the American “pivot to Asia” and the shift of US attention from countering international terrorism to rivalry with the “revisionist” powers — Russia and China. In 2019, with the adoption of the US Indo-Pacific Strategy, China became their main regional rival. The rivalry with him provided for the Americans to unite their Asian allies in a network of managed formal alliances, as well as to connect Great Britain and France to solving strategic tasks. On February 11, 2022, a new Indo-Pacific strategy of the United States appeared. This document emphasized the strategic value and increasing role of Great Britain, France, the EU and NATO in Indo-Pacific and set the task of building bridges between the Indo-Pacific and Euro-Atlantic regions. The main role in its solution was assigned to AUKUS, a trilateral military alliance of the United States, Great Britain and Australia, created on September 15, 2021. At about the same time, France, Germany, the Netherlands and the European Union approved their own strategies in Indo-Pacific. They had in common an unwillingness to see China as the main opponent in the context of the US-Chinese rivalry. At the same time, the documents did not indicate that Europe was equidistant from global rivals. On the one hand, being part of the collective West, the EU demonstrated its support to America, on the other, being the most important economic partner of the Celestial Empire, it refused to see it as an existential threat to its security. Against this background, a similar British document published in March 2021 stood out, characterized by a hostile attitude towards China. However, significant differences in the strategies of European countries were offset by their membership in NATO. At the Alliance summit in Madrid in June 2022 the Europeans, together with other allies, proclaimed a strategic course for “systemic rivalry” with the PRC in the context of the interconnection of the security of the Euro-Atlantic and the development of the situation in the Indo-Pacific. With the signing of the NATO-EU joint declaration in Brussels on January 10, 2023, there was a further rapprochement of the two Western structures on an anti-Chinese basis, as well as the complete subordination of Europe to the interests of American global policy.

Keywords: Great-Power Competition, Indo-Pacific, The South China Sea, Territorial disputes, ASEAN, AUKUS, Quad, European Union, North Atlantic Treaty Organization, NATO

For citing: Shumilov M. M. Engagement of European countries in the implementation of the US Indo-Pacific Strategy (Part 2) // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 9–33.

Стратегические интересы европейских стран — членов НАТО и ЕС в АТР/ИТР

Занимаясь строительством азиатского НАТО, Соединенные Штаты, как отмечалось выше, продолжают объединять и ресурсы своих европейских и азиатских **союзников** с прицелом на их использование в собственных военно-политических целях. Такие попытки всякий раз встречают противодействие Китая, который, ссылаясь на мнение большинства стран региона, открыто противодействует поползновениям НАТО в АТР/ИТР¹. Конкретизируя ситуацию, секретарь Совбеза РФ Н. П. Патрушев высказывает озабоченность планами США и Великобритании начать экспансию НА-

¹ В Китае заявили, что большинство азиатских стран выступают против экспансии НАТО в регионе // ТАСС. 2023. 5 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17928071> (дата обращения: 01.07.2023).

ТО в АТР посредством подконтрольных им блоков AUKUS и Quad¹. С. В. Лавров тоже «ставит на вид» США их союзникам по НАТО стремление «освоить» пространство АТР². Очевидно, глава МИД России имеет в виду Великобританию, Францию и Германию — европейских союзников США по блоку НАТО. Именно на них в условиях «азиатского разворота 2.0» США возлагают свои надежды и призывают, прежде всего, путем расширения военно-морского присутствия в ЮКМ играть более заметную роль в АТР/ИТР³.

Считая Соединенные Штаты своим главным стратегическим союзником, Великобритания после выхода из единого рынка и таможенного союза ЕС в начале 2021 г. прониклась собственными глобальными и региональными интересами. В документе, опубликованном в марте 2021 г. под названием «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики», она открыто заявила о своих лидерских амбициях, простирающихся на весь мир. Правительство этой «европейской страны с глобальными интересами», намереваясь продемонстрировать свою «передовую военную мощь в поддержку НАТО и международной морской безопасности», поставило перед собой задачу глубокого проникновения к 2030 г. в ИТР — критически важный для британской экономики — «в качестве европейского партнера с самым широким, наиболее интегрированным присутствием в поддержку взаимовыгодной торговли, общей безопасности и ценностей». Одновременно она, солидаризуясь с США, возвела Китай в ранг самой большой государственной угрозы экономической безопасности и сделала упор на укрепление сотрудничества в области обороны и безопасности с Австралией⁴, Новой Зеландией, Малайзией и Сингапуром — партнерами по FPDA, расширение взаимодействия с региональными группировками безопасности, а также на свои зарубежные военные базы⁵.

Следуя выработанной стратегии, 22 мая 2021 г. Великобритания направила свой единственный действующий авианосец Queen Elizabeth в 28-недельный поход, запланировав остановки в Индии, Японии, Южной Корее и Сингапуре. 5 августа 2021 г. Великобритания стала партнером по диалогу с АСЕАН. Участие в AUKUS в какой-то мере возместило Великобритании геополитические потери от Брексита, а также помогло закрепить ее военно-морское присутствие в АТР/ИТР, решить ряд других важных задач в рамках реализации стратегии «Глобальная Британия» [6, с. 200–201].

¹ Патрушев: США с помощью объединений типа AUKUS планируют начать экспансию НАТО в АТР // ТАСС. 2022. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/15512067> (дата обращения: 01.07.2023); Максимова К. Патрушев: дестабилизировав Евроатлантику, Вашингтон нацелился на АТР // Газета.ru. 2022. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/30/18685423.shtml> (дата обращения: 01.07.2023).

² Пресс-конференция Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам Восточноазиатского саммита, Пномпень, 13 ноября 2022 года // МИД РФ. 2022. 13 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1838341&lang=ru> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Севастопуло Д., Хилл К. Как США укрепляют военные союзы на «заднем дворе» Китая // Financial Times, Великобритания. 2023. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230606/tikhookeanskiy-region-263413565.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Значительным событием в области военно-технического сотрудничества Великобритании с Австралией явился подписанный в 2018 г. контракт с оборонной фирмой BAE Systems стоимостью 26 млрд долл. на поставку Королевским ВМС Австралии девяти противолодочных фрегатов.

⁵ Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Updated 2 July 2021 // Cabinet Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 01.07.2023).

В мае 2022 г. Великобритания первой из стран Европы достигла договоренности об оборонном сотрудничестве с Японией, согласно которой японские и британские силы получили возможность совместно работать, проводить учения и оперативные мероприятия⁶. Затем под предлогом своей приверженности ИТР и обеспечению глобального мира и безопасности, Великобритания подписала 11 января 2023 г. соглашение с Японией о взаимном доступе войск на свои территории при проведении совместных учений и реагировании на ЧП⁷. В марте 2023 г. главы ВВС Великобритании и Воздушных сил самообороны Японии подписали соглашение, определяющее будущее сотрудничество в области космоса⁸. Эти действия Лондона свидетельствуют о его особой роли по вовлечению Японии в военный блок AUKUS. Наряду с США, Японией и Австралией он также содействует превращению Филиппин в «ключевой хаб военного сотрудничества демократических стран Юго-Восточной Азии»⁹.

В своем выступлении на 20-й конференции «Диалог Шангри-Ла» 3 июня 2023 г. министр обороны Великобритании Бен Уоллес публично заявил о продвижении своей страны в направлении ИТР. В этой связи он отметил увеличение национального экспорта в страны региона до 127 млрд фунтов стерлингов. Признавая невозможность решения вопиющих глобальных проблем «без взаимодействия с Китаем», он вместе с тем отважился на антикитайский выпад, подчеркнув неделимость атлантической и тихоокеанской безопасности, и подтвердил факт постоянной дислокации в регионе двух кораблей королевского флота *Sprey* и *Tamar*. Выказав уверенность в дальнейшем возрастании региональной роли FPDA, он также объявил о «параллельной» работе по развитию новых партнерских отношений с Японией и Италией в рамках технологических и оборонных программ AUKUS и GCAP — Global Combat Air Programme¹⁰. Известно, что в рамках последней Великобритания, Италия и Япония работают над созданием к 2035 г. перспективного истребителя нового поколения¹¹.

Заинтересованным субъектом региональной политики со стороны ЕС выступает и Франция, претендующая на роль связующего звена между Европой и ИТР, где она располагает многочисленными заморскими территориями (Майотта, Реюньон, Новая Каледония, Французская Полинезия и др.). Этот ресурс обеспечивает ей вторую по величине (после американской) исключительную экономическую зону в мире площадью 11 млн км², где проживает 1,65 млн французских граждан. Франция граничит с пятью странами в Индийском океане и 12-ю — в Тихом океане¹².

⁶ Британия первой из стран Европы заключит соглашение об оборонном сотрудничестве с Японией // ТАСС. 2022. 5 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14549839> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ Великобритания и Япония подписали соглашение об укреплении сотрудничества в военной сфере // ТАСС. 2023. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16781161> (дата обращения: 01.07.2023).

⁸ Япония и Великобритания подписали соглашение о космическом сотрудничестве // RT на русском. 2023. 17 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1124415-yaponiya-britaniya-kosmos> (дата обращения: 01.07.2023).

⁹ *Ен-кван Ю*. Как Китай потерял Азию // Project Syndicate, США. 2023. 16 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230316/aziya-261441598.html> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁰ Шангри-Ла Сингапур: Выступление министра обороны Великобритании Бена Уоллеса на 20-й конференции IISS Shangri-La Dialogue // VikiVisa. 2023. 3 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://vikivisa.ru/shangri-la-singapur-vystuplenie-ministra-oborony-velikobritanii-bena-uollеса-na-20-j-konferenczii-iiss-shangri-la-dialogue/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹¹ *Рябов К.* Великобритания, Италия и Япония начинают разработку истребителя GCAP // Военное обозрение. 2022. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/206871-velikobritaniya-italiya-i-japoniya-nachinajut-razrabotku-istrebitelja-gcap.html> (дата обращения: 01.07.2023).

¹² *Morcos P.* France: A Bridge between Europe and the Indo-Pacific? // The Center for Strategic and International Studies, CSIS. April 1, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/france-bridge-between-europe-and-indo-pacific> (дата обращения: 01.07.2023).

Франция стала первой европейской страной, официально оформившей стратегию в ИТР. В мае 2018 г. президент Республики Эммануэль Макрон первым назвал Францию «Индо-Тихоокеанской державой» и определил основные направления ее региональной стратегии, дополнив их «руководящими принципами обороны». Заявив о своей готовности выстраивать неформальный альянс — «Индо-Тихоокеанскую ось» — вместе с Австралией и Индией (а в перспективе и с Японией), он также определил его основные задачи: предотвращение конфликтов и кризисов, защита свободы судоходства, координация усилий в киберпространстве, сотрудничество в сфере защиты климата и ликвидации последствий природных катастроф. В целом, обоснованно утверждал эксперт РСМД А. Ю. Чихачев, новая стратегия «задумывалась отнюдь не столько в пику США, которых Париж считал на этом театре естественным союзником, сколько как дополнительный механизм для кооперации стран, имеющих схожее понимание региональной обстановки и существующих угроз. В то же время “ось” не была официально направлена и против Китая, к фронтальному противостоянию с которым Елисейский дворец не торопился присоединиться, видя в Поднебесной ценного экономического и климатического партнера»¹.

Ровно через год в Сингапуре министр Вооруженных сил Франции Флоранс Парли представила «Стратегию обороны Франции в Индо-Тихоокеанском регионе», которая была завершена в июле 2021 г.² Сегодня Франция является единственной страной ЕС, которая имеет постоянно размещенные военные корабли, подводные лодки или самолеты в регионе. В сравнении с другими европейскими странами она располагает здесь наиболее значительными морскими силами: почти 5000 военнослужащих, 10 военно-морских плавсредств, включая четыре легких фрегата класса *Floréal*, и 18 самолетов, плюс еще 2000 военнослужащих, базирующихся в Джибути и ОАЭ³.

Сегодня Франция осуществляет взаимодействие на высоком уровне со своими стратегическими партнерами в регионе — Индией, Японией, Соединенными Штатами, а также Индонезией, Сингапуром и Вьетнамом, работает над укреплением партнерских отношений с Малайзией, Филиппинами и АСЕАН, с которой в марте 2021 г. было подписано соглашение о партнерстве в области развития. Она продолжает демонстрировать приверженность «Диалогу Шангри-Ла» — ежегодному (с 2002 г.) межправительственному форуму безопасности, проводимому «Международным институтом стратегических исследований» (IISS), в котором принимают участие министры обороны, постоянные руководители министерств и другие военные руководители 28 государств АТР. Так, на международной встрече в этом формате в 2019 г. Ф. Парли заверила, что французские военные корабли продолжат выходить в ЮКМ не реже двух раз в год.

В апреле 2021 г. Париж объявил, что присоединяется к Индо-Тихоокеанской инициативе (IPOI) Индии, появившейся в 2019 г., и направил свой единственный авианосец «Шарль де Голль» в Индийский океан для участия в совместных учени-

¹ Чихачев А. Кризис подлодок: сможет ли ответить Париж? // РСМД. 2021. 27 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russianscouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/krizis-podlodok-smozhet-li-otvetit-parizh/> (дата обращения: 01.07.2023).

² France's Indo-Pacific Strategy 2022 // Ministry for Europe and Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

³ Bachelier J., Frécon E. France's Defense Strategy in the Indo-Pacific // The Diplomat. December 21, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/12/frances-defense-strategy-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 01.07.2023); Decis H. France in the Indo-Pacific: Expanded Horizons // The International Institute for Strategic Studies, IISS. August 19, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2022/08/france-in-the-indo-pacific-expanded-horizons> (дата обращения: 01.07.2023).

ях с Индией. Ранее в том же году он направлял в ЮКМ атомную подлодку SNA Emeaude, а в мае участвовал в совместных с США, Японией и Австралией военно-морских учениях Jeanne D'Arc 21 (ARC-21) у берегов Японии и т. д.¹

При этом Франция пытается избежать конфронтации с Китаем, хотя по этому поводу высказываются самые разные суждения. Так, приглашенный научный сотрудник Программы «Европа, Россия и Евразия» Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Пьер Моркос акцентировал внимание на обеспокоенности Франции «напористой позицией» Китая, якобы стремившегося «пересмотреть стратегический баланс в регионе... в котором отсутствует надежная архитектура региональной безопасности, выходящая за рамки двусторонних гарантий безопасности США»². Сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН А. А. Гарин подчеркивал, что, хотя Китай напрямую не упоминался в документе, фактически его действия в ЮКМ подверглись критике, поскольку французская сторона зафиксировала на бумаге свое негативное отношение к любым односторонним непропорциональным силовым действиям по изменению существующих морских границ [1, с. 69].

Напротив, действующий офицер ВМС Индии, являющийся старшим научным сотрудником Национального Морского фонда Сарабджит С. Пармар, отмечал, что несмотря на непризнание Китаем Франции в роли законного игрока в ИТР, он вместе с тем не оспаривал ее суверенитет над французскими территориями в регионе и не рассматривал ее как непосредственную угрозу, равновеликую США. Со своей стороны, Франция, начиная с 2018 г., призывала к «укреплению и наращиванию партнерства с Китаем, в том числе через ЕС, в рамках уверенного и конструктивного политического диалога с акцентом на углубление экономических и торговых отношений и человеческих обменов»³. Следовательно, Париж, как точно определил его поведение в ИТР руководитель группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН А. В. Куприянов, «вел сложную игру сразу по нескольким направлениям, пытаясь нарастить влияние и выступая одновременно и в качестве противовеса Китаю, и как альтернатива США» [5].

Более того, французы все еще не избавились от предубеждения против Австралии, которая в сентябре 2021 г. пошла на разрыв доверительного партнерства с Францией, которое включало многомиллиардный контракт на строительство подводных лодок, без предварительных консультаций или предупреждения. Это привело к переоценке стратегического партнерства двух стран. В обновленной стратегии Франции говорится о «продолжении двустороннего сотрудничества с Австралией на индивидуальной основе, в соответствии со своими национальными интересами и интересами региональных партнеров»⁴.

2 сентября 2020 г. правительство Германии, которая в 2016 г. первой из европейских стран получила статус «партнера по развитию» АСЕАН [9, с. 63], выпустило документ под названием «Руководящие принципы политики для Индо-Тихоокеанского региона. Германия — Европа — Азия: вместе формируем 21 век». В нем

¹ *Morcos P.* France: A Bridge between Europe and the Indo-Pacific?; *Пажон С.* AUKUS, ИТР и роль Франции.

² *Morcos P.* France: A Bridge between Europe and the Indo-Pacific?

³ *Parmar S. S.* France's-Indo-Pacific-Strategy-2022-An-Analysis // National Maritime Foundation, New Delhi. May 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://maritimeindia.org/wp-content/uploads/2022/05/3.-France's-Indo-Pacific-Strategy-2022-An-Analysis-for-uploading.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ *France's Indo-Pacific Strategy 2022; Chrisafis A., Boffey D.* 'Stab in the back': French fury as Australia scraps submarine deal // *The Guardian*. September 16, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/16/stab-in-the-back-french-fury-australia-scraps-submarine-deal> (дата обращения: 01.07.2023).

ФРГ впервые на официальном уровне поддержала концепцию ИТР¹. Впрочем, силовая составляющая присутствия Германии в регионе сильно уступает британской и французской по причине отсутствия здесь у нее постоянного воинского контингента и пунктов базирования [9, с. 64]. В ноябре 2020 г. собственную Индо-Тихоокеанскую стратегию обнародовали Нидерланды².

К тому времени ЕС находился в процессе выработки собственной позиции в контексте американско-китайского соперничества в ИТР, а также своих региональных интересов, целей, направлений, форм и механизмов их достижения. В этом плане заслуживает внимания попытка сотрудничавших с Фондом Карнеги за международный мир Эрика Браттберга и Филиппа Ле Корре проанализировать все эти вопросы, а также возможности и перспективы американско-европейского партнерства в ИТР³. Они пришли к выводу о наличии объективной основы для координированных действий сторон в регионе на основе совпадающих ценностей и принципиальных подходов в таких вопросах, как защита основанного на правилах международного порядка, свобода слова и верховенство закона в Гонконге и СУАР КНР, обеспечение свободной и открытой торговли, свободы судоходства в ЮКМ и др.

Вместе с тем эксперты Фонда Карнеги признали наличие существенных расхождений в европейской и американской позициях. Так, большинство европейских стран, опасаясь дальнейшего обострения соперничества Вашингтона и Пекина, официально не поддержали Индо-Тихоокеанскую стратегию США. Если в конце 2010-х годов политика США приобрела ярко выраженную антикитайскую направленность, то ЕС не признавал в Китае «антагонистического конкурента». В споре великих держав он по возможности придерживался нейтральной линии поведения, проявляя готовность к сотрудничеству с Пекином, своим «экономическим конкурентом» и «системным соперником», при условии его «ответственного» поведения.

Сильной стороной политического присутствия ЕС в ИТР авторы называли его взаимодействие с АСЕАН в укреплении региональной архитектуры безопасности на основе стратегического партнерства, установленного в январе 2019 г. Они отмечали расширение военно-морского присутствия Великобритании и Франции в ИТР, участие этих стран в двусторонних и многосторонних совместных учениях, продажу ими оружия и на этом основании утверждали о возможности ЕС усилить свою военно-политическую роль в ИТР. Одновременно констатировали, что на тот момент большинство региональных государств ИТР «не воспринимали ЕС как стратегически значимого игрока». Прогнозируя расширение европейского присутствия в регионе, Э. Браттберга и Ф. Ле Корре призывали ЕС и Великобританию «больше инвестировать в региональные платформы сотрудничества и многонациональные структуры управления», а также укреплять двусторонние, трехсторонние и «минилатеральные» отношения с партнерами-единомышленниками — Австралией, Индией и Японией, а также Индонезией, Сингапуром и Вьетнамом.

¹ “Germany — Europe — Asia: shaping the 21st century together”: The German Government adopts policy guidelines on the Indo-Pacific region. September 1, 2020 // Federal Foreign Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/about-us/contact> (дата обращения: 01.07.2023).

² Indo-Pacific: Guidelines for strengthening Dutch and EU cooperation with partners in Asia. November 13, 2020 // Government of the Netherlands [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.nl/documents/publications/2020/11/13/indo-pacific-guidelines> (дата обращения: 01.07.2023).

³ *Brattberg E., Corre Ph. Le.* The Case for Transatlantic Cooperation in the Indo-Pacific // The Carnegie Endowment for International Peace. December 18, 2019 [Электронный ресурс]. <https://carnegieendowment.org/2019/12/18/case-for-transatlantic-cooperation-in-indo-pacific-pub-80632> (дата обращения: 01.07.2023); *Кузьмина К.* Смогут ли США и Европа работать вместе в Индо-Тихоокеанском регионе? // РСМД. 2020. 14 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-council.ru/kseniya-kuzmina/> (дата обращения: 01.07.2023).

Как бы то ни было, при поддержке Франции, Германии и Нидерландов в апреле 2021 г. ЕС опубликовал собственную индо-тихоокеанскую программу действий, получившую название «Стратегия ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе»¹. В документе выражалась заинтересованность ЕС в расширении и укреплении партнерств с различными региональными субъектами, а также его намерение взаимодействовать с Quad по вопросам, представляющим общий интерес, и Китаем, «для продвижения в решении общих проблем, сотрудничества по вопросам, представляющим общий интерес, и поощрения Китая играть свою роль в мирном и процветающем Индо-Тихоокеанском регионе». При этом ЕС претендовал на защиту своих интересов и продвижение собственных ценностей, не собираясь «сдавать назад» в случае фундаментальных разногласий с Китаем, например, по вопросам прав человека.

На первый взгляд, Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС не противоречила выводу Л. Одгаард об «оперативном» или «инструментальном» характере расхождений европейских и американских интересов в АТР/ИТР и фактическом отсутствии у западников препятствий для достижения общей фундаментальной цели, заключавшейся в противодействии китайскому посягательству на либеральные экономические и политические принципы [11, с. 131, 157–158]. Вместе с тем очевидно, что европейцы не проявили готовности к силовому противоборству с Китаем ради защиты этих самых либеральных принципов. Поэтому, несмотря на внутреннюю близость Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС с американским аналогом 2019 г., нельзя полностью согласиться с выводом Чжао Хуашэнго о том, что обе «они рассматривали Китай в качестве главной цели и стремились сдержать рост стратегического влияния Китая»². Сдержать-то пытались, но по-разному.

Вместе с тем вывод программного координатора РСМД Ю. Ю. Мельниковой о закреплении в связи с принятием стратегического документа «независимой роли Брюсселя в АТР/ИТР и меняющемся мире через сохранение там ЕС-центричных режимов развития» [7, с. 36] тоже вызывает вопросы, даже несмотря на стремление Евросоюза увеличить свое военно-морское присутствие в ИТР [2, с. 225]. Эмоциональное выступление Жозепа Борреля 16 сентября 2021 г. в связи с принятием обновленной редакции стратегии расширения влияния ЕС в ИТР³, на первый взгляд, свидетельствовало о желании Брюсселя играть «независимую роль» в АТР/ИТР. В тот день глава внешнеполитической службы ЕС не только выразил сожаление о создании AUKUS втайне от европейских партнеров, но и подчеркнул необходимость расширения «стратегической автономии» ЕС и его присутствия, в том числе военного, в ИТР⁴. Однако реальные дела ЕС в ИТР свидетельствовали, скорее, о его пассивной роли в геополитике далекого от Европы региона. Признавая нацеленность Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС на обеспечение «значимого», «скоординированного» европейского военно-морского присутствия и участия в многосторонних учениях, Г. Мохан вместе с тем отмечала слабость европейских военно-морских сил, проявлявшуюся в «очевидных ограничениях и нехватке ресурсов» [10].

¹ The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

² *Huasheng Zh.* Assessing the Trend of the Indo-Pacific Strategy // RIAC. May 31, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/assessing-the-trend-of-the-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 01.07.2023).

³ The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. Brussels, 16.9.2021 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ ЕС представил стратегию расширения своего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 2021. 16 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12424295> (дата обращения: 01.07.2023).

Более того, еще в 2021 г. в российском экспертном сообществе возобладало критическое отношение к «самостоятельности» региональной политики Евросоюза. Так, постоянный представитель России при АСЕАН А. А. Иванов упрекал европейцев в неспособности выработать «самостоятельную концепцию политики» в АТР/ИТР, привычном следовании «блоковой дисциплине» и копировании «американских построений с некоторыми не очень существенными собственными нюансами»¹. Ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО (У) МИД Е. В. Колдунова сомневалась в активном вмешательстве стран ЕС «в региональные политические дела» в качестве силы, обеспечивающей противовес обостряющимся американо-китайским противоречиям [4, с. 144]. Более того, по мнению М. А. Сучкова, военно-политическая зависимость Европы от США обрекала ее в условиях «азиатского разворота 2.0» на подчинение американской стратегии в отношении Китая: «...времена „разворота в Азию“ Обама, когда европейцы задавались вопросом будут ли они нужны Америке, прошли. Созданием AUKUS Байден дает ответ на этот вопрос — Соединенным Штатам по-прежнему нужна Европа (можно успокоиться), но как лояльный солдат в новом великодержавном противостоянии, а не как маршал со своими идеями о том, как работать с главным противником» [8]. Такую позицию разделяет и журналист хорватского издания Geopolitika Зоран Метер, уверенный в том, что ЕС, несмотря на внутренние разногласия, «совершенно точно последует линии, заданной США»².

Тем временем проводимая политика США провоцирует усиление милитаризации в АТР/ИТР с очевидной нацеленностью на сдерживание Китая³. Более того, она вступает в противоречие с «Индо-Тихоокеанским видением АСЕАН» — документом, подписанном членами ассоциации в 2019 г. Всем своим поведением американцы показывают нежелание поддерживать такие его принципы, как укрепление центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре безопасности, открытость, транспарентность, инклюзивность, уважение суверенитета, равенство, верховенство международного права⁴.

Реагируя на активизацию в ИТР антикитайских сил, Россия предостерегает против намерений США ослабить роль АСЕАН как универсальной платформы регионального сотрудничества. Она отстаивает целесообразность и необходимость сохранения в регионе открытой, равноправной структуры, представленной инклюзивными форматами, сложившимися вокруг АСЕАН. Со своей стороны, председатель КНР призывает США к прекращению размежевания государств по идеологическому принципу, а также противостоянию альянсов и блоков, способных «лишь расколоть мир и воспрепятствовать глобальному развитию и прогрессу человечества»⁵.

¹ Иванов А. Американский слон и европейские кролики в Азии // РСМД. 2021. 9 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-slon-i-evropeyskie-kroliki-v-azii/> (дата обращения: 01.07.2023).

² Метер З. Недельный анализ: о «китайско-российской коалиции», Украине, США, стратегических ошибках... // Geopolitika.news, Хорватия. 2023. 11 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230511/geopolitika-262826973.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Лавров заявил, что США и НАТО пытаются освоить АТР, милитаризируя регион // ТАСС. 2022. 13 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16309317> (дата обращения: 01.07.2023); Лавров: НАТО создает взрывоопасную ситуацию в АТР, в ответ РФ и КНР укрепляют партнерство // ТАСС. 2022. 1 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16473437> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ 2019 ASEAN's Outlook on the Indo-Pacific. Adopted in Bangkok, Thailand on 23 June 2019 // Centre for International Law, CIL [Электронный ресурс]. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/09/2019-ASEANs-Outlook-on-the-Indo-Pacific.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Си Цзиньпин: идеологическое размежевание и блоковое противостояние подрывают прогресс // ТАСС. 2022. 15 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16324469> (дата обращения: 01.07.2023).

Механизмы вовлечения стран — членов НАТО и ЕС в региональное противостояние США и КНР

В конце 2019 г. по настоянию Д. Трампа вопрос роста влияния Китая в мире был впервые включен в повестку дня встречи глав государств и правительств НАТО в Лондоне. В процессе его обсуждения участники саммита признали в успехах Китая как возможность для углубления сотрудничества, так и вызов для альянса. Год спустя появился экспертный доклад «НАТО 2030: единство в новой эре». Из документа следовало, что на тот момент НАТО по-прежнему не считала Китай военной угрозой, лишь противником в сфере экономики, технологий и ценностей. Вместе с тем в докладе говорилось о необходимости создать в структуре альянса консультативный орган для оценки последствий технологического развития Китая и мониторинга его действий, способных причинить ущерб коллективной обороне и устойчивости НАТО. Также ставилась задача по усилению обмена информацией, углублению консультаций и даже взаимодействию в сфере НИОКР с Австралией, Японией, Новой Зеландией и Республикой Корея, а также Индией в интересах «управления стратегическими и политическими последствиями подъема Китая»¹. В начале декабря 2020 г. в режиме on-line состоялась первая встреча министров иностранных дел стран НАТО с четверкой партнеров из ИТР, где стороны обсудили глобальный сдвиг баланса сил, связанный с подъемом Китая.

В дальнейшем представители НАТО регулярно встречались с азиатскими партнерами в том числе и в военном формате. Так, в мае 2022 г. в штаб-квартире НАТО состоялось заседание Военного комитета НАТО в составе начальников штабов обороны с участием Австралии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии².

Наряду с США наиболее активно к глобализации функций НАТО призвала Великобритания. 27 апреля 2022 г. глава МИД Великобритании Лиз Трасс призвала НАТО стать глобальной организацией, чтобы иметь возможность решать мировые проблемы: «Нам требуется глобальная НАТО. Говоря это, я не имею в виду, что нужно расширить членство на страны из других регионов. Я имею в виду, что у НАТО должно быть глобальное видение, готовность решать глобальные угрозы... Мы... отвергаем ложный выбор между Евроатлантической и Индо-Тихоокеанской безопасностью. В современном мире мы нуждаемся в обеих»³.

В июне 2022 г. участники саммита НАТО в Мадриде пришли к общему пониманию опасности политики КНР для «порядка, основанного на правилах». Они впервые провозгласили «системное соперничество» с КНР в контексте взаимосвязи безопасности Евроатлантики и развития ситуации в ИТР стратегическим курсом альянса на среднесрочную перспективу. Подводя итоги мадридской встречи, руководитель Центра новой американской безопасности Ричард Фонтейн подчеркивал, что новая стратегическая концепция НАТО явилась одним «из многих признаков того, что началась новая стратегическая эра»⁴, а директор КИМО Робин Ниблетт провозгласил создание Вашингтоном нового атлантико-тихоокеанского партнерства, свя-

¹ NATO 2030: United for a New Era // NATO. November 25, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

² Relations with partners in the Indo-Pacific region // NATO. April 11, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_183254.htm?selectedLocale=is (дата обращения: 01.07.2023).

³ Глава МИД Британии считает, что НАТО должна решать глобальные задачи // ТАСС. 2022. 28 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14500485> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Фонтейн Р. Сражение с Китаем и Россией // Foreign Affairs, США. 2022. 21 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221121/usa-258038056.html> (дата обращения: 01.07.2023).

завшего обязательства США «по обеспечению европейской безопасности перед лицом действий России с обязательствами перед азиатскими союзниками на фоне растущей воинственности Китая»¹.

Примечательно, что саммит НАТО впервые посетили лидеры Австралии, Японии, Новой Зеландии и Республики Корея — стран Азиатско-Тихоокеанского партнерства НАТО (АР4), которые вместе с «партнерами» участвовали в обсуждении «китайской угрозы»². Приглашенные на саммит признали нерасторжимую связь вопросов обеспечения безопасности ИТР и Европы, а также «договорились о четырехстороннем взаимодействии и о продвижении сотрудничества и партнерства с НАТО, используя особенности каждой из стран, также об укреплении взаимопонимания между НАТО и Индо-Тихоокеанским регионом»³.

При этом наибольшее рвение к сближению с западными, прежде всего, англосаксонскими союзниками проявляет Япония. С принятием 16 декабря 2022 г. трех обновленных документов — Стратегии национальной безопасности, Стратегии национальной обороны и Программы развития обороны — Токио определяет Пекин как самый большой стратегический вызов⁴. Страна восходящего солнца задумала реорганизацию и перевооружение сил самообороны, с тем чтобы они могли проводить не только оборонительные, но и наступательные операции, планирует удвоить оборонные расходы в течение пяти лет и выйти на третий по размерам военный бюджет в мире — после США и Китая⁵. В начале 2023 г. США и Япония договорились модернизировать двусторонний альянс «в новую эру стратегического соперничества», продемонстрировав единство в вопросе сдерживания Китая⁶. Многие политики и эксперты в Токио не сомневаются, что в случае военного столкновения США и КНР из-за Тайваня Япония окажется втянутой в войну на стороне своего союзника «почти автоматически»⁷.

В то же время не следует переоценивать готовность японской нации идти на жертвы во имя американских интересов. Об этом, в частности, свидетельствуют опросы World Values Survey (2017–2022). В 2019 г. на заданный вопрос «Готовы ли вы сражаться, чтобы защитить свою страну?» только 13% респондентов ответили «да»; 48% выбрали «нет», а 38% заявили, что не определились⁸.

24 июня 2022 г. США, Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и Япония объявили о создании нового альянса в ИТР — Partners in the Blue Pacific

¹ Фикс Л., Ниблет Р., Расмуссен А. Ф., Олден Э. Как украинский вопрос меняет национальную стратегию США. Часть 2 // Foreign Affairs, США. 2022. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220918/ssha-256086733.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Мельникова Ю. Маршрут восстановлен? Итоги саммита НАТО в Мадриде // РСМД. 2022. 1 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/marshrut-vosstanovlen-itogi-sammita-nato-v-madride/> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Встреча на высшем уровне Азиатско-Тихоокеанских партнеров НАТО (АР4) // МИД Японии. 2022. 29 июня [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/ocn/shin6_000029.html (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ National Security Strategy of Japan. December 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Челлани Б. Пределы военного пробуждения Японии // Project Syndicate, США. 2023. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230113/yaponiya-259682891.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Толоконица А. Антикитайский плацдарм США в Азии // РСМД. 2023. 13 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikitayskiy-platsdarm-ssha-v-azii/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ Филип Б. Напряженность на Дальнем Востоке подтолкнула Японию к ремилитаризации. Она отдаляется от своего пацифистского идеала // Le Monde, Франция. 2023. 4 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230604/yaponiya-263305479.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁸ Там же.

(РВР)¹. Ему отводилась роль неформального механизма расширения сотрудничества между странами ИТР и остальным миром, более эффективной и действенной поддержки тихоокеанского регионализма, в частности, в решении таких вопросов, как образование, здравоохранение, борьба с изменением климата островных государств, а также обеспечение их безопасности морскими силами участников РВР.

На деле же создание РВР, заключавшего в себе «неоспоримый компонент безопасности»², явилось американским ответом на укрепление позиций КНР в островных государствах Океании³. Опрошенные RT эксперты отмечали встроенность РВР в стратегию США по сдерживанию Китая и укреплению своих позиций в ИТР. При этом политолог Д. Г. Евстафьев предположил в РВР «масштабирование AUKUS», а его коллега по ВШЭ В. Б. Кашин — реализацию американской многоходовки в направлении создания системы союзов, подобных НАТО. «В идеале, — отмечает он, — США заинтересованы в создании в регионе некоего аналога НАТО. Но до этого пока еще далеко. Вместе с тем механизм РВР объединяет тех, кто уже готов максимально тесно взаимодействовать с американцами, и прежде всего в сфере сдерживания Китая. То есть это шаг в сторону повышения координации совместных действий по ограничению китайского влияния на менее крупные тихоокеанские страны». Важно отметить и то, что созданию РВР предшествовали консультации не только со странами ИТР, но и с европейскими партнерами, включая Францию. В качестве наблюдателей на этих встречах выступали представители Евросоюза⁴.

Наглядным свидетельством претворения в жизнь мадридских договоренностей явилось участие стран НАТО в многосторонних учениях BBC Pitch Black, регулярно проводимых с 2006 г. в городе Дарвин на севере Австралии. В августе — сентябре 2022 г. в них наряду с региональными партнерами США, включая AUKUS и Quad, участвовали подразделения из Германии (впервые), Канады, Нидерландов и Франции с целью «отработки взаимодействия при совместном проведении операций и укреплении отношений»⁵. Неудивительно, что директор Третьего департамента Азии МИД РФ Н. С. Ноздрев констатировал четкое оформление линии на продвижение потенциала НАТО с опорой на региональных фокусных партнеров — Австралию, Японию, Южную Корею и Новую Зеландию — в качестве свя-

¹ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // White House. June 24, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения: 01.07.2023).

² Толоконина А. Антикитайский плацдарм США в Азии.

³ Еще в 2019 г. власти Соломоновых Островов — островного государства в Тихом океане, расположенного в 2000 км к северо-востоку от Австралии и в 3400 тыс. км к северу от Новой Зеландии с населением менее 700 тыс. человек — разорвали дипломатические отношения с Тайванем и установили их с материковым Китаем. 30 марта 2022 г. Китай и Соломоновы Острова заключили рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. В дальнейшем стороны намеревались подписать оборонное соглашение, по которому Китай сможет иметь постоянную военную миссию на территории островного государства и построить там военную базу.

⁴ Духанова П., Медведева А. «Заинтересованы в создании аналога НАТО»: как США продолжают наращивать активность в Тихоокеанском регионе // RT на русском. 2022. 26 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1018747-partnyorstvo-atr-ssha> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Дунаевский И. Зачем Североатлантический альянс проводит учения у азиатских южных морей // Российская газета. 2023. 18 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/08/18/vostochnyj-flang-v-avstralii.html> (дата обращения: 01.07.2023).

зующих элементов проектируемой западниками глобальной блоковой архитектуры по евроатлантическим стандартам и с помощью любых инструментов в АТР. Токио, по его словам, выступал за «придание „натофикации“ Азии необратимого характера»¹.

В ноябре 2022 г. по итогам участия в Восточноазиатском саммите в Пномпене С. В. Лавров фактически обвинил НАТО в стремлении играть ведущую роль в АТР и сдвигении в этой связи ее «линии обороны» к Южно-Китайскому морю. Он напомнил, что на саммите НАТО в Мадриде страны альянса заявили о своей «глобальной ответственности» и неделимости безопасности Евроатлантики и ИТР в связи с чем наметилась «тенденция к милитаризации региона путем сопряжения усилий союзников США — Австралии, Новой Зеландии, Японии с расширением присутствия НАТО в АТР»². Вскоре затем эксперт Центра кризисных и политических исследований в Анкаре (Ankara Center for Crises and Policy Research, ANKASAM) Ченк Тамер охарактеризовал стратегический диалог генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга с Южной Кореей, Японией, а также Индией как расширение НАТО в направлении АТР/ИТР³.

Однако, вопреки российским предостережениям, госсекретарь США Энтони Блинкен по итогам встречи глав внешнеполитических ведомств стран НАТО в Бухаресте, состоявшейся в конце ноября 2022 г., подтвердил курс США и их европейских союзников на конкуренцию с Китаем за возможность определить направление дальнейшего развития мира⁴. Ранее он же говорил о необходимости для США участвовать в соревновании с Китаем, «за форму следующего за холодной войной периода. <...> Для США выбор такой: если мы не участвуем в организации, если не занимаем лидерскую роль, это означает одно из двух — ее занимает кто-то другой, возможно, Китай, не в том ключе, который полностью совпадает с нашими интересами и ценностями; или, того не лучше, — никто не занимает, тогда получится вакуум, который могут заполнить плохие вещи, прежде чем заполнят хорошие»⁵. При этом Вашингтон неизменно повторял, что не стремится к конфликту с Пекином и к отказу от взаимодействия с ним по широкому спектру вопросов глобальной повестки.

Прямым подтверждением дальнейшей институализации продвижения США/НАТО в ИТР являются появившиеся в мае 2023 г. сообщения СМИ о переговорах японского правительства с руководством НАТО об открытии в Токио бюро по связям с этим военно-политическим блоком. Й. Столтенберг подтвердил такие намерения⁶. На пресс-конференции 10 мая 2023 г. М. В. Захарова сделала заявление относительно столь безответственного демарша японской стороны. Она увидела в нем

¹ В МИД России рассказали о продвижении НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе // РИА Новости. 2022. 5 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221005/nato-1821593248.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Пресс-конференция Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам Восточноазиатского саммита, Пномпень, 13 ноября 2022 года.

³ Tamer C. İngiltere'nin AUKUS'u Genişletme Önerisi // ANKASAM. 2023. 20 Şubat [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ankasam.org/ingilterenin-aukusu-genisletme-onerisi/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Блинкен: США и ЕС считают, что находятся в соперничестве с КНР, но не хотят конфликта // ТАСС. 2022. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16464561> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Мир должен оставаться под руководством США — Блинкен // EurAsia Daily. 2022. 18 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/18/mir-dolzhen-ostavatsya-pod-rukovodstvom-ssha-blinken> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Столтенберг подтвердил планы открыть офис НАТО в Японии // ТАСС. 2023. 10 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17715049> (дата обращения: 01.07.2023).

«очередное свидетельство, уже практическое, а не иллюзорное, глобальных амбиций и планов альянса основательно закрепиться в АТР, чтобы плодотворно реализовать форматы антироссийской и антикитайской заряженности»¹.

Важно сказать и о том, что 18 мая в Хиросиме премьер-министры Великобритании и Японии Риши Сунак и Фумио Кисида договорились о сотрудничестве в широком спектре областей, включая оборону, чистую энергетику, кибербезопасность и полупроводники. Ранее в тот же день Р. Сунак объявил о планах более тесного взаимодействия военных ведомств двух стран, получившего название «Острова бдительности» путем удвоения масштабов совместных военных учений, развертывания британской авианосной ударной группы в ИТР в 2023 г. и расширения программы противовоздушной обороны². Вскоре на конференции «Диалог Шангри-Ла» в Сингапуре Б. Уоллес поставил в заслугу Лондону расширение собственной сети «атташе по вопросам обороны и региональных военных сотрудников, включая недавно восстановленную секцию обороны в Маниле, Филиппины, чтобы углубить наше понимание и влияние в более чем 20 странах», а также усиление присутствия в регионе. При этом он особо подчеркнул значение подписанного в январе 2023 г. соглашения с Японией о взаимном доступе³.

Фактически подчинив в условиях СВО свой суверенитет американским целям, Евросоюз в 2022 г. превратился в агрессивного воинствующего игрока, простиравшего свои амбиции далеко за пределы Европейского континента. Ссылаясь на слова Урсулы фон дер Ляйен об обязанности ЕС играть активную роль в обеспечении безопасности ИТР, С.В. Лавров отмечал движение ЕС по стопам НАТО, слияние с ней и превращение в ее придаток⁴. Следуя этим курсом, 10 января 2023 г., в штаб-квартире НАТО в Брюсселе Североатлантический альянс (генеральный секретарь организации Йенс Столтенберг) и Евросоюз (глава Евросовета Шарль Мишель и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен) подписали декларацию о расширении партнерства.

В результате, вопреки мнению Р. Ниблетта о возникновении каких-то новых обязательств США перед союзниками, на деле произошло полное подчинение европейских спутников задачам НАТО, являющейся инструментом силового обеспечения интересов США. «Генеральный секретарь альянса, — утверждает глава МИД РФ С.В. Лавров, — выступая с arrogantными заявлениями, выполняет волю Вашингтона, в том числе в том, что касается претензий НАТО на Азиатско-Тихоокеанский регион, который они называют „Индо-Тихоокеанским“. То есть Североатлантический блок теперь не обороняется, а обеспечивает безопасность во всем мире»⁵.

На следующий день после подписания декларации официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова заявила: «Под вывесками „упрочения трансатлантической связи“, „укрепления стратегического партнерства ЕС и НАТО“ продвигаются за-

¹ Россия резко раскритиковала планы Токио открыть офис НАТО в Японии // Yahoo News Japan, Япония. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230512/nato-262870580.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Kurtenbach E. Japan, Britain strike 'historic accord' on cooperation in defense, clean energy, semiconductors // AP news. May 18, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/g7-japan-britain-cooperation-sunak-kishida-76343d234d21ed6f83f5ea524ac062b6> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Шангри-Ла Сингапур: Выступление министра обороны Великобритании Бена Уоллеса на 20-й конференции IISS Shangri-La Dialogue.

⁴ Лавров по итогам заседания Совета глав МИД стран СНГ в Душанбе // Известия. 2022. 13 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1333896/video/lavrov-po-itogam-zasedaniia-soveta-glav-mid-stran-sng-v-dushanbe> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу «Царьград», Москва, 17 мая 2023 г. // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/foreign_policy/news/1870675/ (дата обращения: 01.07.2023).

дачи, зафиксированные в принятой на саммите в Мадриде в июне 2022 г. новой стратконцепции альянса. ... В глобальном плане Евросоюз переходит на „новый уровень партнерства“ с НАТО и таким образом подтягивается к геополитическому соперничеству с Китаем, обеспечению превосходства Североатлантического альянса в таких операционных областях, как защита критической инфраструктуры, космос, СМИ и даже борьба с изменениями климата»¹.

Демонстрируя определенную автономию Евросоюза в Индо-Тихоокеанском регионе, Ж. Боррель сегодня призывает членов объединения патрулирование в Тайваньском проливе силами своих ВМС, «чтобы подтвердить приверженность Европы свободе навигации в этом критически важном районе»². Однако в России не придают подобным риторическим приемам практического значения. По словам С. В. Лаврова, подписав январскую (2023) декларацию, Европа «уступила все свои позиции Североатлантическому альянсу. Причем уступила даже в правовом смысле... Поэтому американцы будут решать, когда и как использовать Европу в своих интересах»³.

Еще одним форматом вовлечения ведущих европейских партнеров США в соперничество с Китаем становится «Большая семерка». В ходе начавшегося 11 мая 2023 г. в японском городе Ниигата заседания министры финансов и главы центробанков стран Группы семи (G7) проявили обеспокоенность в связи с использованием Китаем «экономического принуждения» в своих сделках за рубежом и обсудили американскую инициативу введения контроля за инвестициями в экономику Китая⁴. Таким образом, США удалось продемонстрировать поддержку со стороны союзников своей политики, направленной на отсечение Китая от передовых технологий, позволяющих ему добиваться военных преимуществ.

На саммите G7, который в 2023 г. проходил с 19 по 21 мая в японской Хиросиме, ЕС и Япония добились изложения в коммюнике по итогам встречи достаточно сбалансированной позиции в отношении Пекина, которая предусматривает координацию совместных предупредительных действий против нерыночной политики и практики Китая. Страны «семерки» поддержали экономический прогресс и развитие Китая, высказались за конструктивные и стабильные отношения с ним. Одновременно участники встречи сделали недружественный выпад против Китая, призвав его к ответственному поведению и соблюдению «международных правил». Они же проявили обеспокоенность обстановкой в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, Тайваньском проливе, ситуацией с правами человека в Тибете и Синьцзяне, решительно выступили против любых односторонних попыток Пекина изменить статус-кво в отношениях с Тайбэем с помощью силы или принуждения⁵.

¹ Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с подписанной в Брюсселе совместной декларацией ЕС-НАТО // МИД РФ. 2023. 11 января [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846856/ (дата обращения: 01.07.2023).

² Боррель призвал европейские ВМС патрулировать Тайваньский пролив // ТАСС, 2023. 23 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17587889> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «Царьград», Москва, 17 мая 2023 г.

⁴ *Hunnicutt T.* Exclusive: G7 summit statement to target China's 'economic coercion' // Reuters. May 12, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/g7-summit-statement-target-chinas-economic-coercion-source-2023-05-12/> (дата обращения: 01.07.2023); *Wickham A., Nardelli A., Leonard J.* China Targeted in New G-7 Push Against 'Economic Coercion' // Bloomberg. May 11, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-11/us-g7-target-china-with-push-against-economic-coercion> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ G7 Hiroshima Leaders' Communiqué. May 20, 2023 // The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/g7-hiroshima-leaders-communicue/> (дата обращения: 01.07.2023).

Примечательно, что премьер-министр Великобритании Риши Сунак на саммите ожидаемо проявил большую жесткость в отношении Китая по сравнению с представителями континентальной Европы. Ему вздумалось отождествить Поднебесную с величайшим вызовом для безопасности всего мира. В ответ последовала гневная оповедь со стороны посольства КНР в Великобритании с требованием прекратить клеветническую кампанию¹.

Проблемные вопросы вовлечения европейских союзников США в систему американских партнерств и форматов в АТР/ИТР

Несмотря на очевидные подвиги ЕС и его участников в азиатском направлении на стороне США, было бы неверно преувеличивать их реальное вовлечение в геополитику АТР/ИТР. В этой связи Ю.И. Беккеволл резонно полагал, что хотя новая стратегическая концепция НАТО, принятая на Мадридском саммите, «посылала четкий сигнал о трансатлантическом единстве, вывод о том, что она обеспечила совместный слаженный американско-европейский подход к Китаю, делать пока рано. Причина осторожности обусловлена географическим фактором. ... Что касается Китая, его географическое положение никак не предопределяет трансатлантическое единство»².

В пользу вывода о стратегической осторожности и геополитической невнятности ЕС свидетельствует и его стратегия по сотрудничеству в ИТР в редакции от 21 февраля 2022 г. Лишенная прямых антикитайских выпадов, она лишь требует от участников европейского объединения «продвигать открытую и основанную на правилах региональную архитектуру безопасности в ИТР, включая защищенные морские линии связи (основные морские маршруты между портами. — *М. Ш.*)», в том числе посредством гипотетического усиления военно-морского присутствия в регионе³. После состоявшегося 14 мая 2023 г. Министерского форума ЕС — АТР в Стокгольме Ж. Боррель заявил, что встреча не заключала в себе антикитайской направленности: «Мы не имеем ничего против Китая. Китай не был здесь, но встреча не является антикитайской»⁴.

Безусловно, европейское «миролюбие» в отношениях с Китаем во многом объясняется логикой обеспечения экономической безопасности. Невозможно отрицать опасения европейцев, связанные с возможностью резкого нарушения связей со своим важнейшим торговым и инвестиционным партнером. К тому же визиты отдельных европейских политиков в Пекин свидетельствуют о сохраняющейся заинтересованности ЕС в «стратегической автономии». В практическом плане это проявилось в ходе трехдневного государственного визита президента Франции Эммануэля Макрона в Китай, в котором его сопровождали более 50 руководителей крупных французских корпораций. После продолжительного общения с Си Цзинь-

¹ UK firms more optimistic about Chinese market, but London's slander sparks concern // The Global Times. May 23, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1291238.shtml> (дата обращения: 01.07.2023); Lee L., Sugiyama S. Beijing Rebukes Japan, Britain Over 'Anti-China' G7 Summit // Reuters. May 21, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-summons-japanese-ambassador-over-actions-g7-2023-05-22/> (дата обращения: 01.07.2023).

² Беккеволл Ю.И. НАТО предстоит непростая задача по распределению сил для борьбы с РФ и КНР // Foreign Policy, США. 2022. 13 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220713/nato-254990784.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. 21.02.2022 // The Diplomatic Service of the European Union [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-strategy-cooperation-indo-pacific_en (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Боррель заявил, что форум Евросоюз — Азиатско-Тихоокеанский регион не был «антикитайским» // Интерфакс. 2023. 14 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/901373> (дата обращения: 01.07.2023).

пином в Пекине и Гуанчжоу французский лидер публично заявил о поддержке китайских мирных инициатив по урегулированию украинского кризиса, необходимости ЕС ослабить свою зависимость от США и американского доллара, сосредоточиться на развитии собственной оборонной промышленности и не втягиваться в противостояние США с Китаем из-за Тайваня¹. Китай приветствовал такие шаги, ведущие к сближению стран на двусторонней основе, так как в принципе предпочитал «развитие билатеральных торговых отношений со странами — членами ЕС»².

Хотя отдельные авторы объясняли «автономистскую» риторику Макрона личными мотивами, тем не менее его заявления отвечали чаяниям немалого числа европейцев, стремящихся к большей сбалансированности партнерства с США³. Проамерикански настроенным представителям французской элиты, «не слишком верящим в европейский автономизм»⁴, приходится учитывать такие настроения. Несмотря на то, что пафосная риторика Макрона вызвала насмешки у читателей французской газеты *Le Figaro*⁵, он продолжает призывать ЕС к большей независимости от США. «Да, — признает он, — мы действуем с таким союзником, как США, но мы же должны быть в состоянии построить многосторонние отношения, включающие и связи с китайцами. Нет ответа на климатический кризис без китайцев. Биоразнообразию тоже не сохранить без сотрудничества с Китаем»⁶.

Следовательно, вывод А.Ю. Чихачева и Е.В. Гуляева о том, что Франция, несмотря на свое стремление в АТР/ИТР «к сохранению стратегической автономии и налаживанию собственных связей, в целом остается участником общего западного лагеря, нежели подлинно равноудаленным игроком» [9, с. 62], представляется недостаточным. Следует признать, что Париж, оставаясь представителем коллективного Запада, придерживается в американо-китайском противостоянии особой позиции, отличной от той, что насаждает американская пропаганда. Убедительным примером такой «особости» служит отказ Парижа поддержать предложение союзников по НАТО открыть офис альянса в Токио по причине нежелания обострять отношения с Китаем и другими азиатскими партнерами. Газетой *The Financial Times* был отмечен призыв Э. Макрона сосредоточить внимание НАТО на традиционной зоне ответственности альянса — Североатлантическом регионе⁷. В определенной мере такое поведение обусловливается трезвой оценкой Парижем своих военно-морских возможностей в АТР/ИТР: они далеко не соответствуют провозглашенным

¹ *Андерлини Ж., Колкатт К.* Макрон призвал европейцев не считать себя «последователями» США // *Politico*, США. 2023. 11 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230411/evgora-262110728.html> (дата обращения: 01.07.2023); *Трофимов А.* Призрак Шарля де Голля бродит по Западной Европе // *ИноСМИ*, Россия. 2023. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230412/makron-262151983.html> (дата обращения: 01.07.2023); *Коваль Н., Панченко Ю.* Франция берет курс на дружбу с Китаем: зачем Макрон начал игру вопреки интересам США // *Европейська правда*, Украина. 2023. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230412/makron-262140631.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² *Метер З.* Недельный анализ: о «китайско-российской коалиции», Украине, США, стратегических ошибках.

³ *Дисуки М.И.* Ад. Европа бунтует // *Al Ahram*, Египет. 2023. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230412/evgora-262150710.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ *Чихачев А.* Кризис подлодок: сможет ли ответить Париж?

⁵ Французы подняли на смех захотевшего перечить США Макрона // *РИА Новости*. 2023. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230410/makron-1864142885.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ *Бейту Н.* Эммануэль Макрон: «Европа должна избегать роста конфронтации, который ускорит ее превращение в вассала» // *L'Opinion*, Франция. 2023. 15 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230515/makron-262933751.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ *Строкань С.* «Мозг НАТО» взорвала Азия // *Коммерсантъ*. 2023. 7 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6029683> (дата обращения: 01.07.2023).

стратегическим целям. По-прежнему остро стоит проблема недофинансирования инфраструктуры ВМС, продолжается сокращение численности личного состава развернутой группировки, существует необходимость ремонта и даже замены кораблей и устаревших систем вооружений¹.

В Национальной стратегии безопасности Германии, опубликованной 14 июня 2023 г., Китай именуется сначала «партнером» и лишь затем «конкурентом и системным соперником». Признавая нарастание элементов соперничества и конкуренции в отношениях с КНР, власти ФРГ одновременно признают необходимость сотрудничества с Китаем в решении наиболее острых глобальных проблем. Комментируя стратегию, канцлер ФРГ Олаф Шольц высказался против рискованной политики по разъединению (decoupling) Запада и Китая. Отводя НАТО роль «главного гаранта защиты» от военных угроз, документ вместе с тем ограничивает территориальные рамки ее деятельности сферой «немецкой, европейской и трансатлантической безопасности». Одновременно ставится задача по превращению Евросоюза в геополитически активного игрока².

Таким настроениям подыгрывают влиятельные силы в Вашингтоне, которые, понимая невозможность для США одновременного участия в двух войнах, в Европе и АТР, все активнее выступают за уменьшение оборонных обязательств США в Европе и перенос центра тяжести военных усилий в Азию. Американские политики Эмма Эшфорд, Джошуа Ицковиц Шифринсон и Стивен Вертхайм призывают не драматизировать такую перспективу, которая, по их мнению, не только не угрожает разрушением сотрудничества между Соединенными Штатами и Европой, но, напротив, позволяет странам по обе стороны Атлантики выиграть «от передачи большей части ответственности за защиту Европы самим европейцам». Одновременно они оппонировать своему коллеге Майклу Мазарру, который рекомендует американским властям активизировать усилия по вовлечению европейских союзников в противостояние с Китаем в АТР. Их вывод на этот счет весьма категоричен: даже если США удастся «втянуть европейские государства в азиатский театр военных действий», это «не гарантирует, что Европа последует за США в Азию, и уж точно не делает из европейских государств умелых игроков, способных снизить военное бремя США»³.

Поэтому, прогнозируя в среднесрочной перспективе динамику отношений европейских стран с КНР и США, следует проявлять уместную сдержанность в оценках. При всей своей стратегической уязвимости и комплексной зависимости от США, Брюссель вынужден принимать во внимание факт тесного сопряжения рынков Европы и ИТР: по масштабам товарооборота в 2020 г. главными торговыми партнерами ЕС за пределами Европы были КНР (586 млрд евро), США (555 млрд евро) и АСЕАН (около 200 млрд евро). Зависимость Европы от импорта из КНР ноутбуков и другой электроники достигла почти 80%, солнечных модулей — превысила 80%,

¹ Perrot S. Can France's Military Live Up to Its Ambitions in the Indo-Pacific? // The Diplomat. June 22, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2022/06/can-frances-military-live-up-to-its-ambitions-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 01.07.2023).

² Первая в истории Германии стратегия нацбезопасности: Россия — главная угроза // EurAsia Daily. 2023. 14 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/14/pervaya-v-istorii-germanii-strategiya-nacbezopasnosti-rossiya-glavnaya-ugroza> (дата обращения: 01.07.2023); Германия. Первая стратегия национальной безопасности нацелена против России и Китая // EurAsia Daily. 2023. 15 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/15/germaniya-pervaya-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-nacelena-protiv-rossii-kitaya> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Эшфорд Э., Шифринсон Дж. И., Вертхайм С. Нужна ли Америке Европа? // Foreign Affairs, США. 2023. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230523/amerika-263112995.html> (дата обращения: 01.07.2023).

а редкоземельных элементов приблизилось к 90%. Только в мобильных сетях одной Германии доля технологии Huawei составляет 50–60%. По данным Федерального статистического управления ФРГ, в 2022 г. Китай седьмой раз подряд сохранил статус важнейшего торгового партнера Германии: их взаимный товарооборот достиг почти 300 млрд евро¹.

Неудивительно, что в ходе опроса, проведенного Европейским советом по международным отношениям (ECFR) в разных странах ЕС, почти три четверти (74%) респондентов поддержали мнение Э. Макрона о необходимости принятия мер по обеспечению собственной оборонной стратегии, а 43% опрошенных высказались за сохранение партнерских отношений с КНР против 20%, по мнению которых торговые и инвестиционные отношения Европы и Китая несут в себе больше рисков, чем выгод. Большинство респондентов также высказались против любой вовлеченности Европы в возможный конфликт с Тайванем²; в случае возникновения конфликта между США и КНР 62% всех респондентов ожидали «нейтралитета» от своих лидеров, и только 23% прямо указали, что их правительства обязаны автоматически поддержать США³.

Вместе с тем многие ведущие европейские политики, желая угодить заокеанскому сюзеру, продолжают настаивать на ужесточении «европейского» подхода в отношении Китая. В частности, 9 мая 2023 г. канцлер Германии Олаф Шольц, констатируя, что Китай все чаще выступает в роли соперника, а не партнера, призывал Брюссель уменьшить свою зависимость от Пекина. Затем во время неформальной встречи министров иностранных дел Евросоюза в Стокгольме глава германского МИД Анналена Бербок, указав на усиление в «триаде» Ж. Борреля аспектов конкуренции и соперничества⁴, пригрозила Китаю негативными последствиями в случае оказания им военной помощи России⁵. Она же обвинила Китай в нарушении международных норм честной конкуренции и попытках возбудить в мире соперничество.

Еще в 2020 г. под предлогом по причине «высокого риска для безопасности» правительство Великобритании приняло решение удалить китайскую компанию Huawei из национальных сетей 5G. В июне 2023 г., следуя рекомендациям США, Еврокомиссия потребовала от Германии и других стран ЕС немедленно прекратить сотрудничество с Huawei и ZTE, чтобы избавиться от использования «высокорискованных» китайских технологий в мобильных сетях пятого поколения. При этом еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон угрожал европейским компаниям телекоммуникационного сектора — Vodafone, Telefonica и Deutsche Telekom — санкциями за продолжающееся сотрудничество с китайскими техноло-

¹ Без экономических связей с Китаем Европу ждет упадок — СМИ // EurAsia Daily. 2023. 1 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/01/bez-ekonomicheskikh-svyazey-s-kitaem-evropu-zhdet-upadok-smi> (дата обращения: 01.07.2023).

² Гилкрист К. В два раза больше европейцев стало относиться к России как к противнику после начала украинского конфликта // CNBC, США. 2023. 10 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230610/evropa-263559431.html> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Моретти Э. Европейцы не хотят участвовать в будущих войнах США // CGTN, Китай. 2023. 11 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230611/ssha-263552069.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Nussbaum A., Delfs A., Drozdziak N. Europe Needs Stronger Line on China Ties, Ministers Urge // Bloomberg May 12, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-12/europe-needs-stronger-line-on-china-relations-ministers-urge> (дата обращения: 01.07.2023). Согласно Боррелю, для ЕС Китай является одновременно и партнером, и конкурентом во многих областях, и системным соперником.

⁵ Глава европейской дипломатии Жозеп Боррель призывает Пекин повлиять на Москву // Bild на русском. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/BILD_Russian/8872 (дата обращения: 01.07.2023).

гическими гигантами¹. Впрочем, глава Deutsche Telekom Тимофеус Хеттгес отказался подчиниться требованию Еврокомиссии и согласился удалить оборудование Huawei из инфраструктуры 5G компании только случае правительственного запрета на его использование².

Как можно заметить, подобные антикитайские выпады большей частью обусловлены антикитайскими стереотипами и фобиями, распространяемыми американскими СМИ. Примером такой взаимосвязи является поддержка «морально-го идеализма» А. Бербок — главы МИД Германии — со стороны влиятельной газеты Die Welt и ее главного редактора Дженнифер Уилтон³. Российские авторы коллективного исследования «Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнерство?» (2022), изданной под эгидой РСМД, оценивают характер европейско-китайских отношений в 2020–2022 гг. как политизированный и конфликтный именно по причине «существенных различий в ценностных установках и понимании будущего миропорядка, лежащих в основе внешнеполитических действий Брюсселя и Пекина» [3, с. 36]. Карикатурным проявлением европейской позиции в отношениях с Китаем может служить предложение главы литовского МИД Габриэлюса Ландсбергиса на встрече в Стокгольме выработать европейскую стратегию сопротивления Китаю. Он, в частности, призвал коллег отказаться от пассивного наблюдения за попытками Китая изменить мировой порядок, основанный на правилах, и разговаривать с ним «на языке силы»⁴.

Китайские аналитики не оставляют без внимания недружественные выпады в адрес своей страны. Так, признавая устойчивость американского влияния на политику ЕС в отношении Китая, младший научный сотрудник Исследовательского центра отношений Китая и ЕС при Фуданьском университете Янь Шаохуа отмечает его усиление при президенте США Джо Байдене, особенно в условиях СВО: «В геозкономических и геополитических вопросах, таких как безопасность и оборона, инвестиции, контроль за экспортом технологий в КНР и тайваньский вопрос, воздействие США на китайскую политику ЕС стало очень заметным». Со своей стороны, европейцы стали больше интересоваться ситуацией в ИТР, а «протайваньские силы внутри ЕС воспользовались возможностью, чтобы раздуть риск конфликта в проливе»; в согласованном в марте 2022 г. первом официальном оборонном документе ЕС «Стратегический компас» Китай фигурирует вместе с Россией как определенный вызов европейской безопасности⁵.

Со своей стороны заместитель директора Института глобального управления Шанхайской академии международных исследований Чжао Лун констатирует историческую перестройку трансатлантического партнерства: «НАТО постепенно завершила расширение своих механизмов и модернизировала функции, а также ускорила институционализированное сотрудничество со странами Азии. Стимуля-

¹ Добров Д. Еврокомиссия требует незамедлительного запрета на китайские технологии 5G // ИноСМИ. 2023. 17 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230617/zapret-5g-263720263.html> (дата обращения: 01.07.2023).

² Morris I. Deutsche Telekom boss prepared to defy EU and stick with Huawei // Light Reading. June 21, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lightreading.com/security/deutsche-telekom-boss-prepared-to-defy-eu-and-stick-with-huawei/d/d-id/785345> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Уилтон Дж. Бербок сделала это снова // Die Welt, Германия. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230512/berbok-262880307.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Глава МИД Литвы призвал ЕС говорить с Китаем «на языке силы» // Sputnik Литва. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20230512/glava-mid-litvy-prizval-es-govorit-s-kitaem-na-yazyke-sily-28506348.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Шаохуа Я. В 2023 году у отношений Китая и Европы может открыться новое «окно возможностей» // The Paper, Китай. 2023. 1 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230301/sotrudnichestvo-260996299.html> (дата обращения: 01.07.2023).

тором этих процессов также стала теория „китайско-российского вызова существующему миропорядку“, основанная на западоцентризме»¹.

Заключение

Глобализация способствовала развитию торгово-экономических отношений Европы со странами АТР/ИТР. Уже в 1972 г. установилось партнерство между ЕС (тогда Европейское экономическое сообщество, ЕЭС) и АСЕАН. В 2007 г. стороны подписали Нюрнбергскую декларацию об усиленном партнерстве. В условиях наметившегося после 2008–2009 гг. нисходящего тренда глобализации экономическое взаимодействие ЕС с АСЕАН продолжало нарастать. В 2016 г. они подписали Бангкокскую декларацию об активизации глобального партнерства ради достижения стратегических целей. В целом успешно развивались и европейско-китайские отношения. В 2013–2020 гг. их определяла «Повестка стратегического сотрудничества между Европейским союзом и Китаем до 2020 г.». В самом конце 2020 г. ЕС и КНР удалось заключить Всеобъемлющее соглашение об инвестициях (CAI).

Вместе с тем после 2011 г. развитие отношений Европы со странами АТР/ИТР оказалось под влиянием объявленного в том году Соединенными Штатами «разворота в Азию». Впрочем, при Бараке Обаме влияние этого фактора на содержание европейско-китайских отношений было незначительным. В дальнейшем ситуация изменилась по причине обновления американцами в 2017–2018 гг. своих стратегических документов в области национальной безопасности и обороны. В годы президентства Дональда Трампа произошла рокировка приоритетов США в сфере внешней политики, их переключение с глобального противодействия международному терроризму на продолжительное соперничество с «ревизионистскими» державами — Россией и Китаем. С принятием США в 2019 г. Индо-Тихоокеанской стратегии главным региональным соперником был объявлен Китай. Одновременно возросло внимание американцев к объединению своих азиатских союзников в сети управляемых формальных альянсов, основанных на системе двусторонних оборонных соглашений.

Важно отметить, что в документе 2019 г. упоминались европейские союзники — Великобритания и Франция, которым наряду с Канадой приписывалась «решающая роль в поддержании свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Европе, зависимой от США в отношении технологий, энергии, капитала и военной защиты, пришлось считаться с новой для себя реальностью. Авианосцы, подводные лодки и корабли Великобритании и Франции стали чаще появляться в водах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Своим участием в маневрах с азиатскими партнерами, демонстрирующими готовность к ограничению территориальных посягательств Китая, также отметились Германия и Нидерланды.

Преемник Трампа в должности президента США, Джо Байден, продолжил курс на усиление глобального и регионального соперничества с Китаем. Учения «Малабар» продемонстрировали возможности четырехстороннего партнерства Quad (США, Индия, Япония и Австралия), а Large Scale Global Exercise 21 (LSGE 2021) с участием США, Великобритании, Австралии и Японии — Индо-Тихоокеанского командования США. Подчиняясь обстоятельствам, депутаты Европарламента 20 мая 2021 г. приняли решение о заморозке CAI, а 21 октября 2021 г. — одобрили и приняли враждебный Пекину доклад «Политические связи и сотрудничество между ЕС и Тайванем».

¹ Лун Ч. Независимая ценность и мировое значение китайско-российских отношений не могут быть очернены // Хуаньюэ шибао, Китай. 2023. 20 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230320/kitay-261514497.html> (дата обращения: 01.07.2023).

11 февраля 2022 г. появилась новая Индо-Тихоокеанская стратегия США, которая предусматривала укрепление союзнических отношений с Австралией, Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом и партнерских — с Индией, Индонезией, Малайзией, Монголией, Новой Зеландией, Сингапуром, Тайванем, Вьетнамом и островными государствами Тихого океана. Важно подчеркнуть, что в документе особо подчеркивалась стратегическая ценность и возрастающая роль в ИТР Великобритании, Франции, ЕС и НАТО, в практическом плане ставились задачи по наведению мостов между Индо-Тихоокеанским и Евроатлантическим регионами, усилению влияния Quad, поддержке АСЕАН в решении насущных проблем региона. Главная роль в укреплении связей в области безопасности отводилась AUKUS — трехстороннему военному альянсу США, Великобритании и Австралии.

Действительно, AUKUS, созданный 15 сентября 2021 г., в сравнении с Quad, отличается большей нацеленностью на решение военных задач и выступает главным элементом выстраиваемой Вашингтоном архитектуры региональной безопасности. Соединенные Штаты планомерно вовлекают в этот альянс Японию, Новую Зеландию, Южную Корею и Канаду, рассчитывая со временем превратить его в индо-тихоокеанский аналог НАТО. AUKUS также действует как механизм вовлечения европейских союзников в индо-тихоокеанские хитросплетения американской политики и действующие региональные партнерства, находящиеся под управлением Индо-Тихоокеанского командования США. В последнее время важную роль в мобилизации союзников США против Китая также играет «Большая семерка».

Американский «разворот 2.0» в Азию способствовал появлению европейских концептуальных и стратегических документов с изложением геополитических задач стран ЕС в АТР/ИТР. В мае 2018 г. президент Франции Эммануэль Макрон первые назвал свою страну «Индо-тихоокеанской державой» и определил основные направления ее региональной стратегии: готовность выстраивать неформальный альянс — «Индо-Тихоокеанскую ось» — вместе с Австралией и Индией, а в перспективе и с Японией. В следующем году была обнародована «Стратегия обороны Франции в Индо-Тихоокеанском регионе». 2 сентября 2020 г. увидели свет «Руководящие принципы политики для Индо-Тихоокеанского региона. Германия — Европа — Азия: вместе формируем 21 век»; в ноябре 2020 г. — Индо-Тихоокеанская стратегия Нидерландов и, наконец, в апреле 2021 г. — «Стратегия ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе». Национальные и общеевропейские документы имели каждый свою специфику. Общим для них было нежелание видеть в Китае главного противника в контексте американо-китайского соперничества. Вместе с тем они не свидетельствовали о равноудаленности Европы от сторон конфликта. С одной стороны, являясь частью коллективного Запада, ЕС демонстрировал Америке свою поддержку, с другой, будучи важнейшим экономическим партнером Поднебесной, он отказывался видеть в лице последней экзистенциальную угрозу. Неудивительно, что геополитическая субъектность ЕС в АТР/ИТР оказалась усеченной, ограниченной и размытой.

На фоне немногочисленных геополитических разработок, определяющих интересы и задачи стран континентальной Европы в АТР/ИТР, выделяется опубликованный в марте 2021 г. документ «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики». Примечательно, что он появился после выхода Великобритании из ЕС (Brexit) и по сравнению с аналогичными документами континентальной Европы отличается выработанной враждебностью по отношению к Китаю. В последние годы Великобритания выступает главным европейским партнером США, участвующим в решении их стратегических задач в АТР/ИТР. Одновременно Лондон пытается играть самостоятельную глобальную роль. Во всяком случае, его относительная автономия и субъектность проявляются в особых отношениях с Токио и Манилой. Велико-

британия показательно вовлекает Страну восходящего солнца и Филиппины в сферу функционала AUKUS в рамках американской стратегии в АТР/ИТР. Можно также отметить ее роль в привлечении Италии к непосредственному участию в технологических и оборонных программах AUKUS, а также GCAP, которая предусматривает создание в результате взаимодействия Италии, Великобритании и Японии перспективного истребителя нового поколения. В начале 2023 г. Лондон и Токио подписали соглашение о взаимном доступе, а вскоре договорились о более тесном взаимодействии военных ведомств двух стран.

Следовательно, можно говорить о различиях в восприятии странами континентальной Европы и Великобританией Китая и готовности участвовать в соперничестве с последним на стороне США. Ведь, если для Лондона Пекин предстает наибольшей государственной угрозой экономической безопасности, то Берлин и Париж воспринимают его как главного внешнеэкономического партнера, а уже затем как конкурента и соперника. Верно и то, что наибольшую независимость от англосаксов в данном вопросе демонстрирует Париж, позволяющий себе нелояльные выпады в адрес США, а также заявления о неготовности поддержать главного союзника в случае опасного обострения его отношений с Китаем из-за Тайваня.

Важнейшим передаточным и одновременно связующим звеном, объединяющим ресурсы европейских и азиатских союзников США, выступает НАТО — инструмент американской глобальной политики. В 2019 г. состоялась встреча глав государств и правительств стран альянса в Лондоне, на которой они впервые обсудили рост влияния Китая в мире. В 2020 г. появился экспертный доклад «НАТО 2030: единство в новой эре» и прошла первая встреча министров иностранных дел НАТО с коллегами из стран — участниц Азиатско-Тихоокеанского партнерства НАТО (АР4) — Австралии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии. В мае 2022 г. в Брюсселе партнеры из АР4 участвовали в заседании Военного комитета НАТО на уровне начальников штабов обороны. На саммите НАТО в Мадриде в июне 2022 г. был провозглашен стратегический курс на «системное соперничество» с КНР в контексте взаимосвязи безопасности Евроатлантики и развития ситуации в ИТР. Саммит впервые посетили лидеры стран АР4. В июне 2022 г. также оформился новый антикитайский альянс Partners in the Blue Pacific (PBP) с участием США, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и Японии, а в августе — сентябре того же года в Австралии представители стран НАТО — Германии (впервые), Нидерландов и Франции — участвовали в многосторонних учениях BVC Pitch Black.

К числу несомненных успехов администрации Байдена также можно отнести подписание 10 января 2023 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе декларации о расширении партнерства между НАТО и ЕС. По мнению российской стороны, произошло не только сближение двух западных структур на антикитайской основе, но также полное подчинение Европы интересам американской глобальной и региональной политики. Примечательно, что в мае 2023 г. состоялись переговоры японского правительства с руководством НАТО об открытии в Токио бюро по связям с этим военно-политическим блоком. Все это говорит об усилении комплексной зависимости европейских стран, включая Великобританию, от США, которые в условиях нисходящего тренда глобализации и формирующейся многополярности во что бы то ни стало пытаются сохранить свое лидерство в мировой политике.

Будучи членами НАТО, европейские страны вынуждены следовать руководящим указаниям своего сюзерена. В свою очередь, США понимают их нежелание и физическую неспособность полноценно участвовать в изнурительной борьбе с Китаем. Они опасаются чрезмерного перенапряжения сил своих союзников, чреватого обострением у них внутренних противоречий, усилением их конкуренции между собой и с наднациональной брюссельской бюрократией за право контролировать финансовые потоки, распределять ограниченные ресурсы и военные заказы. По-

этому американцы прорабатывают различные варианты перераспределения ответственности в деле военной защиты коллективного Запада. Исходя из этой логики, они могут и подыграть Европе в ее стремлении к «стратегической автономии». Если необходимость дальнейшего сосредоточения сил и средств в АТР/ИТР требует от Вашингтона ослабить военное присутствие в Европе, в этом случае он перестанет вовлекать своих союзников в дела далекого от них региона, но настойчиво предложит им увеличить военные расходы и сосредоточиться на всесторонней помощи Украине в ее попытках нанести историческое поражение России.

Литература

1. *Гарин А. А.* Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия Франции: анализ ключевых положений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. IV. № 4 (53). С. 67–76.
2. *Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.
3. *Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнерство? : рабочая тетрадь № 65 / 2022 / [В. Б. Кашин, С. А. Шеин, Ю. Ю. Мельникова, Л. В. Красикова и др. ; под ред. Е. О. Карпинской, К. А. Кузьминой, Ю. Ю. Мельниковой, И. А. Цымбал]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2022. 40 с.*
4. *Колдунова Е. В.* Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 136–154.
5. *Крамник И. А.* Австралия и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2021. 21 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-i-vse-vse-vse/> (дата обращения: 25.04.2023).
6. *Леонова О. Г.* Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 194–211.
7. *Мельникова Ю. Ю.* Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 31–37.
8. *Сучков М. А.* Инфраструктура сдерживания: «гибкие союзы» США в Азии // Россия в глобальной политике. 2021. 1 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastruktura-sderzhivaniya-sshah/> (дата обращения: 25.04.2023).
9. *Чихачев А., Гуляев Е.* Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 59–67.
10. *Mohan G.* Assessing the EU's new Indo-Pacific strategy // European Politics and Policy. September 24, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/09/24/assessing-the-eus-new-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 25.04.2023).
11. *Odgaard L.* European Engagement in the Indo-Pacific: The Interplay between Institutional and State-Level Naval Diplomacy // Asia Policy. 2019. October. Vol. 14. N 4. P. 129–159.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. *Garin A. A.* Updated Indo-Pacific strategy of France: analysis of key provisions // South-East Asia: actual problems of development [Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya]. 2021. Vol. IV. N 4 (53). P. 67–76 (in Rus).
2. *Degterev D. A., Ramich M. S., Tsvyk A. V.* USA — CHINA: “power transit” and contours of “conflict bipolarity” // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 21. N 2. P. 210–231 (in Rus).

3. The European Union and the People's Republic of China: (not) a strategic partnership? *Workbook N 65 / 2022* / [V. B. Kashin, S. A. Shein, Yu. Yu. Melnikova, L. V. Krasikova, etc.; ed. E. O. Karpinskaya, K. A. Kuzmina, Yu. Yu. Melnikova, I. A. Tsymbal]; Russian Council for International Affairs (INF). M. : NP INF, 2022. 40 p. (in Rus).
4. Koldunova E. V. Dilemmas and contradictions of trans-regional relations of ASEAN with the EU, USA and Russia // *Actual problems of Europe [Aktual'nye problemy Evropy]*. 2020. N 1 (105). P. 136–154 (in Rus).
5. Kramnik I. A. Australia and all-all-all // *Russia in global politics*. 2021. September 21 [Electronic source]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-i-vse-vse-vse/> (accessed: 04.25.2023) (in Rus).
6. Leonova O. G. Influence of the AUCUS strategic partnership on the geopolitical situation in the Indo-Pacific region // *Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]*. 2022. Vol. 17. N 3. P. 194–211 (in Rus).
7. Melnikova Yu. Yu. EU strategy in the Indo-Pacific region: internal drivers and the factor of the PRC // *Humanities. Bulletin of the Financial University [Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta]*. 2022. Vol. 12. N 2. P. 31–37 (in Rus).
8. Suchkov M. A. Containment infrastructure: “flexible alliances” of the USA in Asia // *Russia in global politics*. 2021. October 1 [Electronic source]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastruktura-sderzhivaniya-ssha> (accessed: 04.25.2023) (in Rus).
9. Chikhachev A., Gulyaev E. Strategies of France and Germany in the Indo-Pacific region // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2022. Vol. 66. N 5. P. 59–67 (in Rus).
10. Mohan G. Evaluation of the new Indo-Pacific strategy of the EU // *European Policy*. September 24, 2021 [Electronic source]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/09/24/assessing-the-eus-new-indo-pacific-strategy> (accessed: 04/25/2023)
11. Odgaard L. European participation in the Indo-Pacific region: interaction between institutional and state naval diplomacy // *Asia Policy*. 2019. October. Vol. 14. N 4. P. 129–159.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Роль местных интернет-сообществ в реализации государственной и муниципальной политики: мнение молодой аудитории

Каминченко Д. И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; dmitkam@iee.unn.ru

РЕФЕРАТ

Работа посвящена анализу роли территориальных интернет-сообществ в общественной и политической коммуникации. Рассматривается восприятие современной студенческой молодежью общественно-политической роли, выполняемой локальными онлайн-сообществами.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить особенности отношения активной аудитории социальных медиа к идеи функционирования местных интернет-сообществ в контексте решения общественно значимых вопросов и сферы государственного и муниципального управления и установить наличие либо отсутствие устойчивой группы пользователей, которые одновременно рассматривают местные интернет-паблики и группы и как значимый и эффективный механизм развития конкретной территории, и инструмент для реализации государственной и муниципальной политики.

Теоретическую основу исследования составили теория информационного общества и концепт «Территориальное интернет-сообщество». Основной эмпирический метод — социологический опрос студенческой молодежи. Общая выборка респондентов составила 292 человека. Результаты опроса обработаны при помощи частотного и перекрестного анализа данных, построены соответствующие таблицы сопряженности.

Результаты проведенного анкетирования показали, что абсолютное большинство респондентов согласны с тем, что местные интернет-сообщества помогают в решении общественно значимых вопросов и создают новые возможности для прямого гражданского участия в решении подобных вопросов. Большинство опрошенных поддержали и идею о том, что локальные онлайн-сообщества являются эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики. Впрочем, при ответе на этот вопрос мнение аудитории серьезно разделилось, многие участники опроса не согласились с этой идеей или затруднились ответить. Перекрестный анализ данных опроса позволил выявить наличие относительно большой по своей численности группы респондентов, которые оптимистично настроены по отношению к роли местных интернет-пабликов и групп и в вопросе решения значимых для общества вопросов, и в проведении эффективной государственной и муниципальной политики. Сделан обобщенный вывод о значимости использования локальных онлайн-сообществ для политических и общественных субъектов при выполнении ими своих функций.

Ключевые слова: политическая коммуникация, сетевое общество, информационное общество, государственное управление, муниципальное управление, сообщество, территориальное интернет-сообщество

Для цитирования: Каминченко Д. И. Роль местных интернет-сообществ в реализации государственной и муниципальной политики: мнение молодой аудитории // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 34–49.

The Role of Local Online Communities in the Implementation of State and Municipal Policies: the Opinion of a Young Audience

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; dmitkam@iee.unn.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the role of local Internet communities in public and political communication. The perception of modern student youth of the socio-political role performed by local online communities is considered.

The purpose of this paper is to identify the features of an active audience of social media attitude to the idea of the local Internet communities functioning in the context of solving socially significant issues and the sphere of state and municipal government. The aim of the article is to establish the presence or absence of a stable group of users who simultaneously consider local Internet publics and groups, and as a significant and effective mechanism for the development of a particular territory, and an instrument for the implementation of state and municipal policy.

The theoretical basis of the study is the theory of the information society and the concept of "Local Internet Community". The main empirical method is a sociological survey of student youth. The total sample of respondents is 292 people. The results of the survey have been processed using frequency and cross-sectional data analysis, and the corresponding contingency tables have been constructed.

The results of the survey have showed that the vast majority of respondents agree that local Internet communities help in solving socially significant issues and create new opportunities for direct civic participation in solving such issues. The majority of respondents also has supported the idea that local online communities are an effective tool for implementing state and municipal policies. However, when answering this question, the audience's opinion has been seriously divided, many survey participants have not agree with this idea or found it difficult to answer. A cross-sectional analysis of the survey data has made it possible to identify the presence of a relatively large group of respondents who are optimistic about the role of local Internet publics and groups both in resolving issues significant to society and in pursuing an effective state and municipal policy. A generalized conclusion has been made about the importance of using local online communities for political and public actors in the performance of their functions.

Keywords: political communication, network society, information society, public administration, municipal administration, community, local Internet community

For citing: Kaminchenko D. I. The role of local online communities in the implementation of state and municipal policies: the opinion of a young audience // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 31–49.

Введение

Продолжающаяся стремительная цифровизация общества накладывает свой отпечаток на функционирование различных сфер общественной жизни. Современные информационно-коммуникационные технологии и выстроенные на их основе интернет-платформы поддержки социальных медиа (пользователи которых активно участвуют в формировании контента [12, с. 88], и где наблюдается очень высокий темп внедрения новых разработок [34, р. 229]) нередко определяют сегодня логику и результаты различных общественных и политических процессов. Неслучайно ученые пишут о том, что современные социальные медиа «превращаются в цифровые экосистемы, включающие в себя множество сервисов, информирующих, предлагающих товары, осуществляющих просветительскую и культурную деятельность, предоставляющих консультационные услуги» [27, с. 82–83], отмечая влияние цифровых экосистем в целом на политическую сферу [26, с. 51].

Информатизация общества оказывает немалое воздействие и на коммуникативные процессы между органами государственной власти и обществом. Использование цифровых медиа, по мнению С. Кнорре и Я.-Н. Кокс, дает основание надеяться на простой, быстрый и прямой обмен информацией между властью и гражданами [31, р. 244]. Интернет, как пишут в одной из своих недавних работ И.А. Ветренко и С.А. Штриков, трансформирует современное информационно-коммуникативное поле и создает при этом новые общественные институты [4, с. 61]. Вместе с тем ученые также отмечают, что цифровизация способствует скорее «эволюции прежней субъектности, что позволяет политическим режимам и корпорациям переходить на новый уровень сотрудничества...формируя все признаки гибридного политического субъекта, заинтересованного в сохранении власти» [5, с. 42]. Подобный масштаб влияния на процессы коммуникации между властью и обществом (когда новые технологии способные создавать общественные институты) в условиях постоянной изменчивости и динамичности сетевого информационного поля свидетельствует о наличии запроса на изучение природы данного влияния и тех механизмов, через которые оно проявляется.

Одним из подобных механизмов является коммуникация посредством интернет-сообществ, что особенно актуально для регионального и муниципального уровня. Эффективное функционирование местных онлайн-сообществ позволяет гражданам выразить свое отношение к тому или иному вопросу и предложить свои идеи по решению возникшей проблемы на местном уровне, а органам государственной власти — выявить существующие проблемы и получить обратную связь со стороны общества. Современные интернет-порталы и социальные медиа становятся площадками для реализации идеи функционирования подобных территориальных онлайн-сообществ.

Основная цель данной работы — выявить особенности восприятия и отношения активной аудитории социальных медиа к идее функционирования местных интернет-сообществ в контексте решения общественно значимых вопросов и сферы государственного и муниципального управления. Вспомогательная цель заключается в том, чтобы установить наличие либо отсутствие среди активной аудитории пользователей социальных медиа большой, устойчивой группы, которая рассматривает местные интернет-сообщества одновременно как значимый и эффективный (1) механизм развития конкретной территории (в том числе — для самого общества) и (2) инструмент для реализации государственной и муниципальной политики.

Теоретические основания

Изучению вопросов, связанных с использованием современных ИКТ и социальных медиа в сфере коммуникации между органами государственной власти и обществом, в последнее время уделено немало внимания со стороны научного сообщества. Тематически можно выделить два больших блока: в работах одного из них основное внимание сконцентрировано на использовании цифровых технологий непосредственно органами власти, а в работах другого блока главный акцент делается на применении цифровых технологий гражданами для взаимодействия с властью. Говоря о первом из указанных тематических блоков, необходимо выделить целый ряд работ ученых, например, одно из недавних исследований Даниэлы Вей, в котором она обращает внимание, в частности, на специфику общения в пространстве социальных медиа для представителей власти. По ее мнению, письменное общение следует строгим правилам, особенно в сфере государственного управления. Этот тип общения сильно отличается от общения в социальных медиа и поэтому требует изменений и некоторой предварительной тренировки [34, р. 238]. На рассмотрении влияния современных ИКТ и социальных медиа на политическую коммуникацию, в целом и на взаимодействие, связанное с органами государственной власти, в частности, фокусируются и С. Кнорре, и Я.-Н. Кокс [31, р. 247].

Сохраняется в последнее время и интерес к изучению концепта электронного правительства [3; 9; 10; 16; 21; 28]. В одной из своих недавних работ М. Браун отмечает, что концепт электронного правительства описывает внедрение, упрощение и поддержку процессов, связанных с распространением информации и коммуникации внутри и между государственными, муниципальными и другими органами власти, а также — между этими учреждениями и гражданами или компаниями посредством использования цифровых информационных технологий [29, р. 76]. В исследовании В. С. Авдониной и Е. Ю. Мелешкиной устанавливаются факторы, которые объясняют страновые различия в развитии электронного правительства. На примере двух государств с разными конфигурациями факторов — Германии и Эстонии — авторами демонстрируются особенности внедрения и функционирования технологий электронного правительства в каждой из двух стран [1, с. 342].

Активно изучаются вопросы использования политическими лидерами и представителями органов государственной власти различных интернет-платформ поддержки социальных сетей [11; 15; 18; 19; 28]. Например, в одном из недавних исследований коллектив авторов на основании анализа данных о различных сообщениях в адрес губернаторов в социальных медиа попытались «количественно определить характеристики субъектов и их глав, позволившие относительно успешно справиться с «имиджевыми» последствиями децентрализации ответственности в условиях пандемии» [15, с. 166]. Результаты проведенного авторами регрессионного анализа показали, что «чем выше строгость мер и выше уровень самоизоляции, тем выше доля негативных комментариев по отношению к губернаторам и тем ниже — позитивных» [15, с. 176].

Немалое внимание со стороны научного сообщества уделяется и второму тематическому блоку, связанному с изучением использования гражданами информационно-коммуникационных технологий во взаимодействии с органами власти [13; 14; 23; 30; 33]. В частности, ученые указывают на множественность и доступность инструментов и способов реализации гражданской активности в современном сетевом пространстве [14, с. 53], оценивают их эффективность [6], формулируют дефиницию инструментов электронного участия и разрабатывают их классификацию [23], изучают популярность тех или иных функциональных операций, выполняемых гражданами посредством ИКТ, в диалоге с властью [22].

В одной из своих недавних работ Дж. Шванхольц и Д. Цинзер рассматривают вопрос о том, могут ли инновационные онлайн-форматы гражданского участия быть подходящим инструментом для расширения участия индивидов и групп в общественно-политической жизни, а в конечном итоге — и для повышения доверия к государственной политике в целом [33, р. 300]. Гражданскому онлайн-участию в ходе политических событий в Белоруссии в 2020 г. посвящена и одна из работ К. Л. Зуйкиной, в которой автором ставится вопрос о том, можно ли утверждать о наличии «взаимосвязи между особенностями контента и онлайн-активизмом пользователей» [13, с. 57].

Активное использование сетевых инструментов общественно-политического участия (в том числе, в рамках создаваемых государством интернет-порталов) помимо дискуссий о создаваемых ими возможностях неизбежно порождает вопросы, связанные с рисками подобного участия для граждан. Один из рисков подобного типа имеет отношение к неприкосновенности и «суверенитету персональных данных» («Datensouveränität»), о чем в своем исследовании пишут М. Хайне и Д. Вессел, подчеркивая значимость идеи о высокой степени цифрового суверенитета («Digitale Souveränität») при поиске определенного рационального баланса между, с одной стороны, процессами эффективного внедрения технологий электронного правительства, а с другой — неприкосновенностью и «суверенитетом» конкретных персональных данных пользователей сети [30, р. 1085].

Отдельно отметим работы, посвященные анализу электронного взаимодействия между властью и обществом на региональном и местном уровнях. Изучением барьеров, с которыми сталкивается функционирование электронного участия на локальном уровне, занимается в одном из своих исследований Д. А. Аркатов. Он выдвигает предположение о том, что барьерами, стоящими на пути эффективного функционирования подобных каналов участия граждан, могут быть «проблемы государственного администрирования на мезо- (организационном уровне)» [2, с. 299].

В своей недавней работе, посвященной анализу коммуникации между общественными и политическими субъектами на муниципальном уровне в условиях цифровизации, А. Мозер пишет о том, что в условиях распространения интернет-технологий сложившиеся подходы к пониманию общих условий и появляющихся вызовов для коммуникации органов местного самоуправления подлежат радикальному изменению. Причем, по его мнению, в этом случае возникает целый ряд вопросов, среди которых вопрос о том, как процессы цифровизации влияют на коммуникацию в городах и сообществах, а также, каковы требования к построению активной практико-ориентированной и антикризисной коммуникативной стратегии на местном (коммунальном) уровне [32, р. 202–203].

В работе А. А. Лихтина анализируется сущность «цифровой трансформации муниципалитета на примере реализации проекта “Цифровой муниципалитет”» [20, с. 164]. Автор работы отмечает, что «своевременное внедрение и потребление информационного контента как источника цифровых технологий в системе органов местного самоуправления на уровне муниципальных образований активизирует один из элементов “цифрового муниципалитета”, что, в свою очередь, станет важным шагом на пути формирования доверия граждан к государству, поскольку расширит возможности общественного контроля и установит некую зону прозрачности в деятельности органов муниципальной власти» [20, с. 171].

Безусловно, необходимо обратить внимание и на исследования общественно-политической роли местных интернет-сообществ. В частности, как отмечают в своей монографии «Сетевые взаимодействия: предмет исследования и объект моделирования» В. В. Тищенко, Т. И. Жукова и Ю. С. Попкова, онлайн-сообщества подобного типа «демонстрируют как процессы социальной активности и взаимодействия „превращаются“ в формы и способы социального партнерства в виртуальном пространстве» [25, с. 92]. Проведя комплексное изучение разных онлайн-сообществ Москвы, С. Г. Давыдов и О. С. Логунова пришли к выводу, что проанализированные ими группы и паблики можно рассматривать «в качестве простейших форм совместных региональных медиа, независимых от власти, востребованных аудиторией и имеющих потенциал для дальнейшего развития» [8, с. 219]. Заметим, что изучение особенностей функционирования местных интернет-сообществ проводится и в работах авторов данного исследования [17].

Несмотря на немалый пласт работ, посвященных изучению использования электронных инструментов коммуникации как органами государственной власти, так и обществом, изучению роли местных интернет-сообществ в общественно-политической коммуникации отведен, на наш взгляд, недостаточный объем внимания, особенно учитывая динамичность и изменчивость процессов, происходящих в современном сетевом информационном поле. При этом локальные онлайн-сообщества способны выполнять значимые функции во взаимодействии между властью и обществом. С одной стороны, они позволяют обществу самостоятельно сигнализировать власти о наличии нерешенных проблем и вопросов общественного функционирования, способствуя формированию определенной локальной идентичности граждан, с другой стороны, выступают эффективным инструментом для органов власти по вовлечению общества и граждан к проявлению более активной гражданской позиции по тем или иным вопросам (например, вопросам благоустройства). Поэтому

изучение общественно-политической роли локальных интернет-сообществ является актуальным направлением исследований. В данной работе проведен анализ восприятия молодой, студенческой аудиторией местных онлайн-сообществ в контексте их роли в решении значимых для общества вопросов и в функционировании сферы государственного и муниципального управления.

Материалы и методы

Теоретико-концептуальную основу проводимого исследования составляет теория информационного общества, одним из важнейших проявлений (и результатов использования) которой, по мнению ученых, является «исследование роли информационных технологий в политическом процессе, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, выявление новых тенденций, характерных для сферы политического, проявившихся в условиях информационной революции» [7, с. 755].

Ключевой концептуальной единицей, анализируемой в работе, выступает «территориальное (местное, локальное) интернет-сообщество». Локальное интернет-сообщество, — как пишет в А. Б. Скуратов, — это «единица локальной социальной организации сети Интернет, имеющая стратификационную систему, устоявшиеся социальные нормы, роли и статусы участников, включающая в свой состав не менее трех акторов, разделяющих общий интерес и ценности и осуществляющих посредством использования соответствующих аппаратных и программных средств на регулярной основе социальные взаимодействия, а также имеющих доступ к контенту и иным общим ресурсам» [24, с. 50].

Местное интернет-сообщество как единица виртуальной, социальной организации способно выполнять важную роль, как для общества, так и для органов государственного управления в рамках взаимодействия «власть-общество». Общественным субъектам локальные онлайн-сообщества открывают возможности для (1) осуществления прямого гражданского активизма, (2) оказания реального воздействия на процессы принятия политических решений, (3) сплочения (объединения) граждан в группы, в которых, в частности, складываются и проявляются элементы идентичности, символически выраженной на основе территориального принципа и т. д. Органам государственного управления местные онлайн-сообщества позволяют (1) дополнительно выявить актуальные для общества проблемы и вопросы, требующие своего решения, (2) определить специфику общественных настроений и позицию граждан по тем или иным вопросам, (3) активизировать общество для совместной выработки, принятия и реализации конкретных решений и т. д. Вместе с тем одним из важнейших факторов, обуславливающих эффективное функционирование территориальных онлайн-сообществ в структуре диалога власти и общества, является восприятие индивидами сообществ подобного типа как значимых площадок для общественного и политического участия, выражения собственного мнения по конкретным вопросам. Мы предполагаем, что, чем более значимой в этом случае воспринимается роль местных онлайн-сообществ, тем, вероятнее, выше активность пользователей подобных интернет-групп, тем эффективнее их влияние на коммуникативные процессы между властью и обществом.

Основным эмпирическим методом, используемым в данном исследовании, является анкетирование молодой студенческой аудитории, которая является активным пользователем современных социальных медиа. Обозначенный метод релевантен поставленным в работе задачам исследования. В анкетном бланке представлены вопросы, анализ ответов на которые позволит выявить отношение молодой студенческой аудитории к местным интернет-сообществам в контексте выполняемой ими общественно-политической роли. С этой целью были сформулированы вопросы закрытого типа с возможностью выбора одного варианта ответа.

1. Как вы полагаете, можно ли с помощью местных интернет-сообществ решать общественно значимые вопросы (гражданского, культурного, политического и иного характера) развития той территории (города, района, поселка и т.п.), которой посвящены подобные интернет-сообщества?

2. Как вы думаете, открывают ли местные интернет-сообщества новые возможности для прямого участия граждан в решении общественно значимых вопросов на той территории (города, района, поселка и т.п.), которой посвящено функционирование подобного интернет-сообщества?

3. Являются ли, на ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики?

Первые два из обозначенных выше вопроса близки по своему содержанию, но в них присутствует определенное различие: в содержании первого вопроса внимание респондента обращается в целом на возможность решения значимых для общества вопросов с помощью местных интернет-сообществ, а в содержании второго вопроса сделан акцент именно на создании в рамках сообществ подобного типа возможности для прямого участия самих граждан в решении значимых для конкретной территории вопросов. Использование в анкете обоих вопросов необходимо для получения более точной информации об особенностях восприятия молодой аудиторией роли местных онлайн-сообществ в решении общественно значимых вопросов в масштабах той или иной территории.

Помимо указанных вопросов в анкете представлен еще один вопрос закрытого типа (с возможностью выбора одного варианта ответа) о том, подписаны ли респонденты на местные паблики/группы или нет.

Результаты опроса обработаны при помощи частотного и перекрестного анализа данных с построением соответствующих таблиц сопряженности, что позволяет выполнить поставленные в работе цели, например, выявить наличие либо отсутствие большой и устойчивой группы (среди пользователей современных социальных медиа), которая воспринимает местные интернет-сообщества одновременно в качестве эффективного и значимого (1) механизма развития конкретной территории (через возможность участия с их помощью в решении общественно значимых вопросов), а также — (2) инструмента для реализации государственной и муниципальной политики.

Результаты

Социологический опрос студенческой молодежи был проведен осенью 2020 г. среди студентов гуманитарных факультетов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Всего в анкетировании приняли участие 292 студента, среди них: 165 женщин (56,5%) и 127 мужчин (43,5%). Абсолютное большинство участников анкетирования — молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет (92,8% всех респондентов), 5,5% респондентов — в возрасте от 23 до 30 лет, 1% всех опрошенных — в возрасте 31–40 лет, 0,7% опрошенных — в возрасте от 41 до 59 лет.

Согласно данным опроса, абсолютное большинство респондентов (73,3%) подписаны на местные (городские, районные, поселковые и т.п.) группы и паблики в современных социальных медиа, а 24,3% от всех опрошенных — не подписаны, 2,4% всех респондентов выбрали вариант ответа — «Затрудняюсь ответить». Частота распределения ответов на обозначенный вопрос отражена на рис. 1.

Результаты опроса показали, что 71% респондентов согласны с тем, что, используя локальные онлайн-сообщества, можно решить значимые вопросы развития территории, которой и посвящено функционирование виртуального паблика и/или группы. Не согласились с данной точкой зрения 18% от всех опрошенных, а 11% респондентов — затруднились с ответом. Частота выбора того или иного ответа на данный вопрос представлена на рис. 2.

Близко распределились и ответы респондентов на вопрос о том, открывают ли локальные онлайн-сообщества новые возможности непосредственно для прямого гражданского участия в решении значимых для конкретной территории (которой и посвящена тематика группы/паблика) вопросов: 70% опрошенных солидаризируются с этой точкой зрения, 15% респондентов отрицательно ответили на данный вопрос и столько же опрошенных затруднились ответить. Частота распределения ответов на обозначенный вопрос представлена на рис. 3.

Иными словами, участники анкетирования в большинстве своем согласны и с тем, что с помощью локальных интернет-сообществ в целом можно решать важные для конкретной территории вопросы, и с тем, что сообщества подобного типа создают реальные возможности именно для прямого участия самих граждан в решении значимых для той или иной территории вопросов.

Распределение ответов участников анкетирования на вопрос о том, являются ли, по их мнению, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики, оказалось не столь одно-

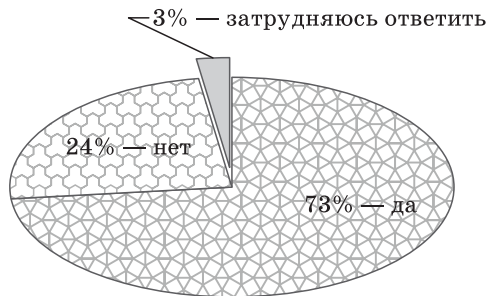

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: Подписаны ли Вы на местные (городские, районные, поселковые и т. п.) интернет-сообщества в социальных медиа (включая паблики и/или группы)?

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: Are you subscribed to local (city, district, settlement, etc.) Internet communities in social media (including public pages and/or groups)?

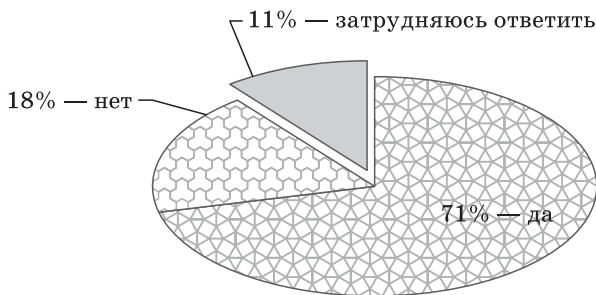

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: Как Вы полагаете, можно ли с помощью местных интернет-сообществ решать общественно значимые вопросы (гражданского, культурного, политического и иного характера) развития той территории (города, района, поселка и т. п.), которой посвящены подобные интернет-сообщества?

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: Do you think it is possible with the help of local Internet communities to solve socially significant issues (civil, cultural, political and other nature) of the development of the territory (city, district, village, etc.) to which such Internet communities are dedicated?

значным, как в предыдущих вопросах, и вызвало расхождения в оценках со стороны опрошенных: 42% респондентов ответили «Да», по 29% опрошенных выбрали варианты ответа «Нет» и «Затрудняюсь ответить». Распределение ответов на обозначенный вопрос отражено на рис. 4.

Помимо частотного анализа ответов респондентов проведен перекрестный анализ данных и построены две таблицы сопряженности. В первой таблице сопряженности (табл. 1) представлены результаты перекрестного анализа ответов респондентов на следующие вопросы: (1) «Как Вы полагаете, можно ли с помощью местных интернет-сообществ решать общественно значимые вопросы (гражданского, культурного, политического и иного характера) развития той территории (города, района, поселка и т.п.), которой посвящены подобные интернет-сообщества?», с одной стороны, и (2) «Являются ли, на Ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики?» — с другой. Во второй таблице сопряженности (табл. 2) отображены итоги перекрестного изучения ответов респондентов на следующие вопросы: (1) Как Вы думаете, открывают ли местные интернет-сообщества новые возмож-

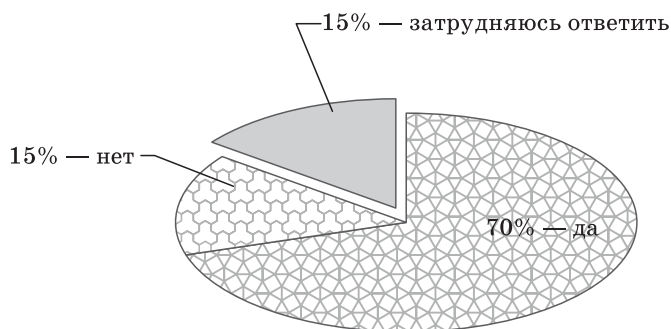

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: Как Вы думаете, открывают ли местные интернет-сообщества новые возможности для прямого участия граждан в решении общественно значимых вопросов на той территории (города, района, поселка и т.п.), которой посвящено функционирование подобного интернет-сообщества?

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question: Do you think that local Internet communities open up new opportunities for direct participation of citizens in solving socially significant issues in the territory (city, district, village, etc.) to which the operation of such an Internet community is dedicated?

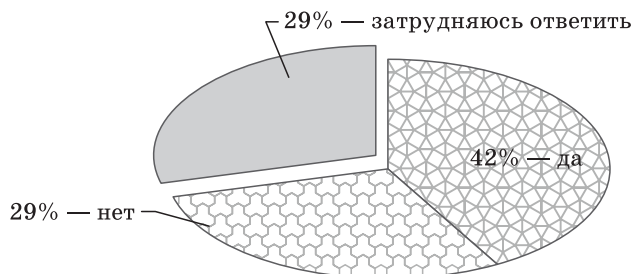

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: Являются ли, на Ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики?

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: Are, in your opinion, local Internet communities an effective tool for implementing state and municipal policies?

ности для прямого участия граждан в решении общественно значимых вопросов на той территории (города, района, поселка и т. п.), которой посвящено функционирование подобного интернет-сообщества? и (2) Являются ли, на Ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики? Подчеркнем, необходимость проведения подобного анализа обусловлена целью установить наличие либо отсутствие большой группы участников опроса, кто воспринимает местные интернет-сообщества в качестве значимого общественно-политического инструмента для коммуникации между властью и обществом, как для представителей общества, так и для представителей органов управления.

В обеих таблицах сопряженности необходимо обратить внимание, прежде всего, на группы тех респондентов, кто утвердительно ответил на вопросы о полезности локальных интернет-сообществ в решении общественно значимых вопросов, так

Таблица 1

Результаты перекрестного анализа ответов: решение общественно значимых вопросов/эффективный инструмент государственной и муниципальной политики

Table 1. Results of responses cross-analysis: the solving socially significant issues / an effective instrument of state and municipal policy

Являются ли, на Ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики?	Как Вы полагаете, можно ли с помощью местных интернет-сообществ решать общественно значимые вопросы (гражданского, культурного, политического и иного характера) развития той территории (города, района, поселка и т. п.), которой посвящены подобные интернет-сообщества?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Да	52,88%	18,87%	6,45%
Нет	18,75%	67,92%	32,26%
Затрудняюсь ответить	28,37%	13,21%	61,29%
Всего	100%	100%	100%

Таблица 2

Результаты перекрестного анализа ответов: создание новых возможностей для прямого участия граждан в решении общественно значимых вопросов/эффективный инструмент государственной и муниципальной политики

Table 2. Results of responses cross-analysis: creation of new opportunities for direct participation of citizens in solving socially significant issues / an effective instrument of state and municipal policy

Являются ли, на Ваш взгляд, местные интернет-сообщества эффективным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики?	Как Вы думаете, открывают ли местные интернет-сообщества новые возможности для прямого участия граждан в решении общественно значимых вопросов на той территории (города, района, поселка и т. п.), которой посвящено функционирование подобного интернет-сообщества?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Да	53,66%	20,45%	6,98%
Нет	20,49%	68,18%	30,23%
Затрудняюсь ответить	25,85%	11,36%	62,79%
Всего	100%	100%	100%

как они в обоих случаях представляют абсолютное большинство всех опрошенных. Согласно данным табл. 1 52,88% тех респондентов, кто согласен с тем, что с помощью местных интернет-сообществ можно решать общественно значимые вопросы конкретной территории, солидарны с мнением об эффективности подобных интернет-сообществ в качестве инструмента реализации государственной и муниципальной политики. По данным табл. 2 53,66% тех респондентов, кто разделяет мнение о том, что локальные интернет-сообщества открывают новые возможности для прямого участия самих граждан в решении значимых для конкретных территорий вопросов, согласны с позицией об эффективности онлайн-сообществ подобного типа как инструмента реализации государственной и муниципальной политики. Это позволяет сделать вывод о том, что среди молодой студенческой аудитории присутствует относительно большая группа респондентов, кто высказывается об эффективности и значимости локальных интернет-сообществ как для граждан в решении важных для общества вопросов, так и для органов государственной власти разного уровня. Любопытно, что среди респондентов, кто не согласен с идеей о значимости и открытием новых возможностей локальными онлайн-сообществами для решения важных для общества вопросов, абсолютное большинство 67,92% (по данным табл. 1) и 68,18% (по данным табл. 2) отрицательно отвечают и на вопрос об эффективности интернет-сообществ в качестве инструмента осуществления государственной и муниципальной политики. Вместе с тем численно это относительно небольшие группы респондентов, учитывая степень популярности варианта ответа «Нет» на вопросы о роли онлайн-сообществ в решении значимых для общества вопросов, в отличие от тех двух групп (указанных в табл. 1 и табл. 2), представители которых в обоих случаях отвечали утвердительно.

Учитывая размер и характер выборки (студенты гуманитарных факультетов Университета Лобачевского), результаты и выводы исследования не могут быть экстраполированы на всю студенческую аудиторию и, тем более, — на все российское общество. Поэтому работа носит скорее пилотный характер и содержит в себе контуры потенциально более масштабного изучения общественного мнения.

Обсуждение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, необходимо отметить популярность местных интернет-сообществ среди молодой студенческой аудитории. Запрос на подобные онлайн-сообщества, вероятнее всего, обусловлен возможностью поиска в них новостного контента, связанного с конкретной территорией, информации развлекательного плана и общением с другими пользователями.

Во-вторых, абсолютное большинство респондентов согласны с тем, что местные интернет-сообщества помогают в решении значимых для общества вопросов, создавая при этом и новые возможности для прямого участия граждан в решении подобных вопросов. Вместе с тем, намного меньше представителей молодой студенческой аудитории высказались за то, что онлайн-сообщества территориального типа являются качественным и действенным инструментом для реализации государственной и муниципальной политики. Многие высказались против подобной идеи, а многие — затруднились ответить. Это дает основания предположить, что в сознании молодых пользователей функционирование местных интернет-сообществ ассоциируется, прежде всего, с некоторой общественной и гражданской активностью, и в намного меньшей степени — с деятельностью государства (хотя в формулировке анкетных вопросов не было уточнения о том, связаны ли те или иные местные онлайн-сообщества с органами власти или нет). Иными словами, интернет-сообщества твердо воспринимаются в качестве значимого инструмента общественного и политического участия со стороны граждан, а, учитывая долю тех респондентов,

кто подписан на данные онлайн-сообщества, можно сделать предположение и о готовности самих пользователей участвовать при помощи сообществ в решении значимых для определенной территории вопросов. Впрочем, степень такой готовности и масштаб конкретных действий, в которых пользователи потенциально могли бы участвовать, требуют последующего изучения.

В-третьих, установлено наличие относительно большой по своей численности группы респондентов, которая оптимистично относится к идее о важности и полезности местных интернет-сообществ как с точки зрения использования их для решения общественно значимых вопросов (в том числе — с прямым участием самих граждан), так и применения их в качестве инструмента проведения государственной и муниципальной политики. При этом среди опрошенных присутствуют и группы (хотя намного меньшие по своей численности, чем группы «оптимистов»), которые настроены пессимистично относительно важной роли территориальных онлайн-сообществ как в решении общественно значимых вопросов, так и в рамках реализации государственной и муниципальной политики. Причиной подобной дифференциации может выступать изначально сформированное мнение (возможно, на основе собственного опыта участия в работе данных пабликов и групп) по поводу роли территориальных интернет-сообществ в функционировании современного информационного поля вне зависимости от того, о какой сфере идет речь (политика, социальная сфера, развлечение и т. п.).

В-четвертых, помимо групп «оптимистов» и «пессимистов» в отношении роли местных интернет-сообществ в решении общественно значимых вопросов (в том числе, с точки зрения создания новых возможностей для прямого гражданского участия) и в реализации государственной и муниципальной политики среди молодой студенческой аудитории представлены и сравнительно немалые группы тех, кто согласен с важной ролью интернет-сообществ подобного типа в решении общественно значимых вопросов, но при этом не согласны с тем, что данные онлайн-сообщества являются эффективным инструментом реализации государственной и муниципальной политики (18,75% — в табл. 1 и 20,49% — в табл. 2) либо затруднились с ответом (28,37% — в табл. 1 и 25,85% — в табл. 2). Наличие обозначенных групп респондентов еще раз подтверждает уже сделанный ранее вывод о том, что активность территориальных интернет-сообществ чаще ассоциируется именно с участием общества в решении значимых для него вопросов, чем с деятельностью органов управления, хотя, подчеркнем, что численно преобладают, прежде всего, группы «оптимистов».

Полученные результаты демонстрируют значимость территориальных онлайн-сообществ в восприятии молодой аудитории с точки зрения их роли в решении важных для общества вопросов. Подобный запрос подтверждает идею о том, что местные интернет-сообщества способны быть крайне эффективным механизмом, активизирующим общественное и политическое участие на региональном и муниципальном уровнях (причем, в данном случае речь идет именно о молодой аудитории), что, в свою очередь, способствует складыванию и укреплению локальной идентичности граждан. Наличие сформированной локальной идентичности кумулятивным образом способно в дальнейшем поддерживать определенный уровень общественного и политического участия в решении вопросов, значимых для развития конкретной местности. Поэтому работа с локальными интернет-сообществами (формирование новых и интеграция в уже существующие в сетевом информационном поле) представляется важным аспектом для функционирования общественных и политических субъектов, в том числе — для государственных институтов.

Заключение

Продолжающееся распространение в обществе современных интернет-технологий оказывает существенное воздействие на происходящие в нем процессы и складыва-

ющиеся отношения, что открывает новые возможности и создает риски для общественных и политических субъектов. Благодаря развитию современных ИКТ появляются новые инструменты и механизмы для общественного и политического участия, степень активности использования которых не в последнюю очередь определяется отношением к ним со стороны самих граждан и наличием запроса на их применение. В данной работе изучаются особенности восприятия молодой студенческой аудиторией общественной и политической роли местных интернет-сообществ. Результаты проведенного анализа демонстрируют наличие среди молодежи численно большой и устойчивой группы тех, кто согласен одновременно с тем, что с помощью территориальных онлайн-сообществ можно решать значимые для функционирования общества вопросы (а также — с тем, что данные сообщества создают новые возможности непосредственно для прямого участия самих граждан в решении подобных вопросов) и с тем, что локальные онлайн-сообщества являются эффективным инструментом реализации государственной и муниципальной политики. Это позволяет сделать вывод о наличии в молодой аудитории запроса на участие в функционировании подобных интернет-сообществ, что целесообразно учитывать различным общественным и политическим субъектам в их текущей деятельности.

Принимая во внимание характер и размер социологической выборки, необходимо сказать, что данная работа носит скорее пилотный характер, в дальнейшем можно расширить аудиторию участников опроса, что позволит верифицировать полученные результаты исследования. Кроме того, в дальнейшем перспективным выглядит и более детальное изучение того, что молодая студенческая аудитория включает для себя в перечень общественно значимых вопросов, а также любопытно измерить особенности и степень готовности пользователей социальных медиа к прямому участию в решении подобных вопросов при помощи территориальных интернет-сообществ.

Литература

1. Авдонин В. С., Мелешкина Е. Ю. Электронное правительство: от сервисных технологий к новой парадигме управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 4. С. 341–359.
2. Аркатов Д. А. Проблемы электронного гражданского участия в публичной политике города: случай Санкт-Петербурга // Политическая наука. 2022. № 3. С. 296–316.
3. Васильев В. П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6. С. 4–11.
4. Ветренко И. А., Штриков С. А. Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло? // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 54–64. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-54-64.
5. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40–55.
6. Волошинская А. А. «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // Информационное общество. 2016. № 1. С. 40–47.
7. Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И. (ред.). Современная политическая наука: Методология. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2020. 776 с.
8. Давыдов С. Г., Логунова О. С. Сообщества московских районов в социальных медиа: контент и его модерация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 204–221.
9. Добролюбова Е. И. Оценка цифровой зрелости государственного управления // Информационное общество. 2021. № 2. С. 37–52.
10. Добролюбова Е. И., Старостина А. Н. Факторы развития цифровых государственных услуг // Информационное общество. 2022. № 3. С. 11–20.
11. Ефанова Е. В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 172–179.

12. *Зимова Н. С., Фомин Е. В.* Государственно-конфессиональное взаимодействие в социальных медиа в пандемию коронавируса // *Управленческое консультирование*. 2022. № 11. С. 86–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-11-86-97.
13. *Зуйкина К. Л.* Telegram-каналы в борьбе за электорат: формирование гражданского активизма в период белорусского политического кризиса — 2020 // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 5. С. 56–74.
14. *Иваненко Е. А.* Change.org как форма «случайной политики»: анализ русскоязычных петиций // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 2. С. 52–67.
15. *Кабанов Ю. А., Романов Б. А., Карягин М. Е., Бочаров А. А., Желтоухова А. В.* Пандемия коронавируса, «децентрализация» и (не)одобрение глав регионов в социальных сетях: что имеет значение? // *Политическая наука*. 2022. № 2. С. 164–183.
16. *Кайсаров А. А., Кайсарова В. П., Васильева Е. А.* Электронное правительство и граждане: эмпирическое исследование взаимодействия на официальном портале в Санкт-Петербурге // *Управленческое консультирование*. 2021. № 12 (156). С. 48–69.
17. *Каминченко Д. И.* Общественно-политическая роль территориальных интернет-сообществ // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021. Т. 15. № 1. С. 97–108. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-97-108.
18. *Кулиш Н. А.* Твиттер-дипломатия в системе современных международных отношений // *Научные записки ОрелГИЭТ*. 2020. № 4 (36). С. 76–85.
19. *Ленец А. В., Сергеева Д. С.* Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 52. С. 98–111.
20. *Лихтин А. А.* Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАНХиГС // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 163–173. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-163-173.
21. *Малик Е. Н., Шедий М. В., Пикалов Б. В.* «Электронное правительство» как интегративная платформа предоставления государственных услуг // *Управленческое консультирование*. 2020. № 9 (141). С. 19–30.
22. *Нефедова А. И.* Интернет как средство взаимодействия россиян с органами государственной власти и местного самоуправления // *Информационное общество*. 2017. № 4–5. С. 71–77.
23. *Погодина И. В., Авдеев Д. А.* Инструменты электронного участия граждан в публичном управлении: понятие и классификация // *Информационное общество*. 2021. № 1. С. 15–20.
24. *Скуратов А. Б.* Локальные Интернет-сообщества как новый социальный феномен // *Дискурс-Пи: научно-практический альманах*. 2010. № 1–2 (9–10). С. 48–53.
25. *Тищенко В. В., Жукова Т. И., Попков Ю. С.* Сетевые взаимодействия: предмет исследования и объект моделирования. М.: ЛЕНАНД. 2014. 352 с.
26. *Фролов А. А., Соколов А. В., Егоров Д. В.* Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // *Управленческое консультирование*. 2023. № 2. С. 46–55. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-2-46-55.
27. *Чечулин А. В., Бабенко В. А., Степанова Е. А., Иванова В. М.* Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // *Управленческое консультирование*. 2023. № 4. С. 81–92. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-81-92.
28. *Чижов Д. В.* Цифровизация экономики, политики, гражданского общества: ключевые тенденции и коммуникационные технологии // *Информационное общество*. 2018. № 4–5. С. 4–17.
29. *Braun M.* Impulse einer präventiven Arbeitsgestaltung zur Digitalisierung der öffentlichen Verwaltung // *Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie*. 2021. Vol. 71. N 2. P. 75–80. DOI: 10.1007/s40664-020-00408-4.
30. *Heine M., Wessel D.* E-Government und Datensouveränität — Einblicke und Lösungsansätze // *HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik*. 2021. Vol. 58. N 5. P. 1081–1091 DOI: 10.1365/s40702-021-00766-4.
31. *Knorre S., Kocks J. N.* Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit: Eine Szenario-Analyse // In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) *Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 243–248. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_11.
32. *Möser A.* Kommunale Kommunikation in digitalen Zeiten // In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) *Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit*. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 201–221. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_10.

33. *Schwanholz J., Zinser L.* Exploring German Liquid Democracy — Online-Partizipation auf der lokalen Ebene // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. Vol. 30. Is. 2. P. 299–327. DOI: 10.1007/s41358-020-00220-9.
34. *Vey D.* Social-Media-Strategie — Ressourcenplanung, Budget und die richtige Kommunikation // In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 223–242. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_11.

Об авторе:

Каминченко Дмитрий Игоревич, доцент кафедры политологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат политических наук; dmitkam@iee.unn.ru

References

1. Avdonin V. S., Meleshkina E. Yu. E-Government: from service technologies to a new management paradigm // Political expertise: POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2021. Vol. 17. N 4. P. 341–359 (in Rus).
2. Arkatov D. A. E-Participation issues in urban public policy: the case of St. Petersburg // Political science [Politicheskaya nauka]. 2022. N 3. P. 296–316 (in Rus).
3. Vasil'ev V. P. E-Government in digital reality // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2019. N 6. P. 4–11 (in Rus).
4. Vetrenko I. A., Shtrikov S. A. Transformation of communication technologies in a digital society: good or evil? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 10. P. 54–64. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-54-64 (in Rus).
5. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. The peculiarities of the subjectness phenomenon in the context of contemporary technological transformations // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 5. P. 40–55 (in Rus).
6. Voloshinskaya A. A. E-Participation in Russia: a new state and society interaction tool or electronic Potemkin village? // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2016. N 1. P. 40–47 (in Rus).
7. Gaman-Golutvina O. V., Nikitin A. I. (eds.) Contemporary Political Science [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya]. M.: Izdatelstvo "Aspekt-Press". 2020. 776 p (in Rus).
8. Davydov S. G., Logunova O. S. Moscow districts' social media communities: content and its moderation // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2018. № 1 (143). P. 204–221 (in Rus).
9. Dobrolyubova E. I. Assessing government digital maturity // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2021. N 2. P. 37–52 (in Rus).
10. Dobrolyubova E. I., Starostina A. N. Determinants of digital public services development // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2022. N 3. P. 11–20 (in Rus).
11. Efanova E. V. Social media in american public policy (on the example of the social network Twitter) // Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 25. N 3. P. 172–179 (in Rus).
12. Zimova N. S., Fomin E. V. State-confessional interaction in social media during the covid-19 pandemic // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 11. P. 86–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-11-86-97 (in Rus).
13. Zuykina K. L. Telegram channels in the electoral battle: the peculiarities of civic activism development in the context of Belarus's political crisis in 2020 // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 5. P. 56–74 (in Rus).
14. Ivanenko E. A. "Change.org" as a form of casual politics. analysis of russian-language petitions // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 2. P. 52–67 (in Rus).
15. Kabanov Yu. A., Romanov B. A., Karyagin M. E., Bocharov A. A., Zheltoukhova A. V. Coronavirus pandemic, "decentralization" and governors' (dis-) approval on the social media: what matters? // Political science [Politicheskaya nauka]. 2022. N 2. P. 164–183 (in Rus).
16. Kaysarov A. A., Kaysarova V. P., Vasil'eva E. A. E-Government and citizens: an empirical study of interaction on the official portal in ST. Petersburg // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 12(156). P. 48–69.

17. Kaminchenko D.I. Social and political role of territorial online communities // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2021. Vol. 15. N 1. P. 97–108. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-97-108 (in Rus).
18. Kulish N.A. Twitter diplomacy in the system of modern international relations // Nauchnye zapiski OrelGIET. 2020. N 4 (36). P. 76–85 (in Rus).
19. Lenets A.V., Sergeeva D.S. Language manifestation of the discrediting communicative strategy as a way of political image formation in the virtual space (as exemplified in pre-election tweets by D. Trump) // Tomsk State University Journal of Philology [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya]. 2018. N 52. P. 98–111 (in Rus).
20. Likhtin A.A. Key aspects of the implementation of the digital municipality project at the North-West Institute of Management of RANEPA // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 9. P. 163–173. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-163-173 (in Rus).
21. Malik E.N., Shediy M.V., Pikalov B.V. E-Government as an integrative public service platform // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 9 (141). P. 19–30 (in Rus).
22. Nefedova A.I. The internet as a mean for interaction of Russians with the state authorities and local self-government // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2017. N 4–5. P. 71–77 (in Rus).
23. Pogodina I.V., Avdeev D.A. I Tools for the electronic participation of citizens in public governance: concept and classification // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2021. N 1. P. 15–20 (in Rus).
24. Skuratov A.B. "Passive" users in system of information stratification of local Internet-community // Discourse-P [Diskurs-Pi: nauchno-prakticheskiy al'manakh]. 2010. N 1–2 (9–10). P. 48–53 (in Rus).
25. Tishchenko V.V., Zhukova T.I., Popkov Yu.S. Network interactions: subject of study and object of modeling. M. : LENAND. 2014. 352 p (in Rus).
26. Frolov A.A., Sokolov A.V., Egorov D.V. Key characteristics of digital ecosystems in politics // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 2. P. 46–55. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-2-46-55 (in Rus).
27. Chechulin A.V., Babenko V.A., Stepanova E.A., Ivanova V.M. The blogosphere as a specific area of digital communication // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 4. P. 81–92. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-81-92 (in Rus).
28. Chizhov D.V. Digitalization of economics, politics, civil society: key trends and communication technology // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2018. N 4–5. P. 4–17 (in Rus).
29. Braun M. Impulse einer präventiven Arbeitsgestaltung zur Digitalisierung der öffentlichen Verwaltung // Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie. 2021. Vol. 71. N 2. P. 75–80. DOI: 10.1007/s40664-020-00408-4.
30. Heine M., Wessel D. E-Government und Datensouveränität — Einblicke und Lösungsansätze // HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik. 2021. Vol. 58. N 5. P. 1081–1091 DOI: 10.1365/s40702-021-00766-4.
31. Knorre S., Kocks J. N. Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit: Eine Szenario-Analyse// In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 243–248. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_11.
32. Möser A. Kommunale Kommunikation in digitalen Zeiten // In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 201–221. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_10.
33. Schwanholz J., Zinser L. Exploring German Liquid Democracy — Online-Partizipation auf der lokalen Ebene // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. Vol. 30. Is. 2. P. 299–327. DOI: 10.1007/s41358-020-00220-9.
34. Vey D. Social-Media-Strategie — Ressourcenplanung, Budget und die richtige Kommunikation // In: Kocks K., Knorre S., Kocks J. (eds.) Öffentliche Verwaltung — Verwaltung in der Öffentlichkeit. Springer VS, Wiesbaden. 2020. P. 223–242. DOI: 10.1007/978-3-658-28008-6_11.

About the author:

Dmitriy I. Kaminchenko, Associate Professor of the Chair of Political Science of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Political Sciences; dmitkam@iee.unn.ru

Оценка документов стратегического планирования на Дальнем Востоке

Борщевский Г. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; email: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье осуществлен анализ документов стратегического планирования, призванных обеспечить социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Исследование основано на сочетании количественных методов (регрессионный и корреляционный анализ, моделирование, метод средних, индексный метод, «разность разностей», факторный анализ) и качественных методов (анализ документов, case-study, выявление лучших практик, метод классификации, SWOT-анализ). Предложен индекс социально-экономического развития и выявлено, что активизация регулирования производит мультипликативный эффект, оказывая в целом позитивное влияние на развитие регионов ДФО. Прогнозирование развития ДФО показало, что в среднесрочной перспективе наиболее вероятным можно считать сценарий умеренного роста. Выработаны предложения по повышению эффективности системы стратегического планирования. В частности, «точечные» меры следует интегрировать, обеспечив комплексное планирование. Каждый документ планирования должен предусматривать возможность статистической оценки. Необходимо обосновывать введение новых стратегических приоритетов, а мониторинг осуществлять не только в период реализации документа (*in actu*), но и после его завершения (*ex post*).

Ключевые слова: государственное управление, Дальний Восток, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Борщевский Г. А. Оценка документов стратегического планирования на Дальнем Востоке // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 50–63.

Strategic Planning Documents Assessment of the Russian Far East

Georgy A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; email: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article we analyze strategic planning documents on the Russian Far East socio-economic development. The study is based on a combination of quantitative methods (e. g. regression and correlation analysis, modeling, average method, index method, difference of differences method, factor analysis) and qualitative methods (document analysis, case study, best practice identification, classification method, SWOT analysis). We proposed an index of socio-economic development and revealed that the activation of the regulation have a multiplier effect in a generally positive impact on the Far Eastern regions development. Forecasting showed that in the medium term, the scenario of moderate growth can be considered the most likely. We developed some proposals to improve the strategic planning documents efficiency. In particular, “point” tools should be integrated to ensure a complex planning. Each planning document should provide for the possibility of statistical evaluation. It is necessary to justify the introduction of new strategic priorities, and monitoring should be carried out not only during the implementation of the document (*in actu*), but also after its completion (*ex post*).

Keywords: public administration, Far East, strategic planning, socio-economic development

For citing: Borshchevskiy G. A. Strategic Planning Documents Assessment of the Russian Far East // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 50–63.

Введение

Роль государственного планирования не снижается, а скорее растет, особенно в кризисные периоды. Инструментарий индикативного планирования расширяется, однако эффект от его применения по-прежнему не очевиден. Несвоевременное или избыточное планирование может замедлять темпы развития, увеличивая транзакционные издержки и коррупцию.

Дальний Восток представляет собой важную в геостратегическом отношении и богатую ресурсами, но экономически слаборазвитую и отдаленную территорию, на которой необходимо обеспечить темпы развития выше среднероссийских¹. Необходимость решения этой амбициозной задачи сделала макрорегион своего рода инкубатором для апробации различных управленческих инструментов, включая стратегические документы.

В этой связи объектом нашего исследования является социально-экономическое развитие дальневосточного макрорегиона, а предметом — документы стратегического планирования его социально-экономического развития. Цель статьи состоит в оценке влияния документов стратегического планирования на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Сопоставление эффективности различных стратегических документов потенциально способно повысить точность и корректность их применения.

Прежде всего мы ответим на вопрос, способствует ли в принципе действующий набор документов планирования динамичному развитию макрорегиона. Если это так, встает следующий вопрос: какие из этих документов оказывают определяющее влияние на результаты развития. После этого станет возможным предложить пути трансформации модели стратегического планирования развития ДФО. Подобные задачи, на наш взгляд, обладают прикладной и известной теоретической значимостью.

Литературный обзор

Сложность планирования и оценки результатов регионального развития, по справедливому замечанию Н. В. Зубаревич [2], обусловлена диспропорциями развития территорий. Российские исследователи стремятся адаптировать известные теории регионального развития (например, теорию локальных общественных благ Ч. Тибо, теорию полюсов роста Ф. Перру или теорию центральных мест В. Кристаллера — А. Леша) к специфике реальной пространственной среды.

В работе С. Н. Леонова [3] упоминаются четыре подхода к оценке инструментов социально-экономического развития регионов.

Первый подход — анализ «издержки-выгоды» — характерен для микроэкономических исследований и в управлении не распространен ввиду чрезвычайного упрощения процессов регионального развития, игнорирования их социальной составляющей.

Второй подход — это оценка отдельных индикаторов. Разные авторы предлагают различные индикаторы, характеризующие региональное развитие: ВРП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, денежные доходы населения и т. д. Все подобные методики можно классифицировать на однофакторные, многофакторные и основанные на интегральных индексах. Встречаются работы, основанные на агрегировании 10–20 и более индикаторов. Преимущество подобных исследований — гибкость и возможность оценки любых показателей, а недостатком является трудность убедительного обоснования набора индикаторов.

Третий подход предполагает оценку степени достижения целей, поставленных, например, в документах стратегического планирования. Например, академик РАН

¹ Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

П. А. Минакир [4] в своем исследовании проводит оценку Стратегии пространственного развития РФ. Его коллега академик РАН А. Г. Аганбегян [1] аналогичным образом исследовал реализацию государственной программы развития Дальнего Востока. Наряду с документами планирования, в рамках данного подхода изучению подлежат планы реализации проектов. Например, индийский экономист С. Парвез делает обобщающие выводы из реализации проектов в особых экономических зонах в различных регионах мира [9]. Этот опыт интересен для Дальнего Востока, так как там реализуются преференциальные режимы ведения предпринимательской деятельности — свободный порт Владивосток, территории опережающего развития, специальный административный режим на о. Русский и другие. Их изучению посвящен большой ряд исследований, в одних из которых даются скорее позитивные оценки [7; 8], а в других — критические [5; 6].

Четвертый подход связан со сравнением результатов применения стратегических документов с развитием без них. Это позволяет оценить вклад каждого из документов в развитие. Однако следует различать показатели непосредственных и конечных результатов [10]. Это предъясвляет повышенные требования к подбору оцениваемых показателей и математическому аппарату, используемому для оценки эффектов от них.

В данной статье мы применяем многофакторные оценки, оценку достижения поставленных стратегических целей и сравниваем результаты до и после начала применения документов планирования.

Материалы и методы исследования

Мы анализируем действующие федеральные документы стратегического планирования, специфичные для ДФО. Набор документов установлен Федеральным законом «О стратегическом планировании в РФ»¹.

Для каждого документа мы стремимся определить цели и ожидаемые результаты при его введении. Для возможности оценки мы соотносим эти цели с показателями статистических наблюдений и оцениваем их динамику до и после начала применения документа планирования. Это делает возможным построение индекса по динамике показателей (1):

$$Y_a = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T t \frac{1}{I} \sum_{i=1}^I i \frac{\sum_{i \in a} x_{t,i}}{\sum_{i=q} x_{t,i}}, \quad (1)$$

где: a — документ стратегического планирования; Y_a — индекс для документа a , I — число целей (целевых показателей), нормативно установленных для документа a и подлежащих статистической оценке; $X_{t,i}$ — значение показателя i за год t ; T — общее число анализируемых лет.

Значения показателей, рост которых отражает негативную тенденцию, нормируются путем их умножения на минус один. Стоимостные показатели выражаются в сопоставимых ценах. Индекс позволяет агрегировать значения за анализируемые годы, стандартизировать размерность показателей и проследить их динамику. Метод позволяет сравнить исходные условия и достигнутые результаты от применения каждого документа. Расчет индексов осуществляется отдельно для регионов ДФО и для остальной России.

Далее воздействие (эффект) от каждого документа на социально-экономическое развитие территории мы измеряем методом «разность разностей», представляющим

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023 № 28-ФЗ) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

собой регрессионную модель, характеризующую связи между двумя группами наблюдений (контрольной и экспериментальной) до и после начала некоторого исследуемого процесса. В данном случае экспериментальной группой (третичная группа) являются показатели развития ДФО, а контрольной — аналогичные показатели по остальной части страны. Период до введения документа сопоставляется с равным по продолжительности периодом после его введения. Таким образом, для каждого документа используется уникальный набор оцениваемых показателей и оцениваемый период. Применению метода предшествует проверка коллинеарности претрендов для третичной группы и контрольной группы.

Модель всех возможных исходов описывается формулой (2):

$$y = \beta_0 + \beta_1 dB + \sigma_0 d_2 + \sigma_1 d_2 dB + U, \quad (2)$$

где: β_0 — коэффициент для контрольной группы до введения документа; β_1 — коэффициент для экспериментальной группы до его введения; dB — фиктивная переменная (1 — для экспериментальной группы; 0 — для контрольной); σ_0 — коэффициент для контрольной группы после введения документа; d_2 — фиктивная переменная (1 — для периода после введения документа и 0 — для периода до его введения); σ_1 — коэффициент для экспериментальной группы после введения документа; U — ошибка регрессии.

Оценку методом «разность разностей» можно записать в виде (3):

$$\sigma_1 = (\bar{y}_{B,2} - \bar{y}_{B,1}) - (\bar{y}_{A,2} - \bar{y}_{A,1}), \quad (3)$$

где A означает контрольную группу, B — экспериментальную группу.

Путем агрегирования индексов методом средней арифметической строится сводный индекс развития ДФО. Предварительно исключаются дублируемые показатели.

Прогноз динамики развития ДФО осуществляем по эконометрической модели, в которой индекс развития ДФО — зависимая переменная, а индекс развития остальных регионов РФ — объясняющая.

Выявив сильные, слабые стороны, возможности и угрозы существующей системы планирования развития ДФО, строим матрицу SWOT и на ее основе вырабатываем пути оптимизации стратегического планирования при дальнейшем развитии ДФО.

Результаты

На федеральном уровне утверждены и действуют шесть документов планирования развития ДФО. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. (далее — Стратегия)¹ направлена на закрепление населения на территории за счет формирования развитой экономики и комфортной среды, достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития.

Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» до 2030 г. (Программа)² имеет следующие цели: повышение уровня социально-экономического развития, обеспечение потребности в трудовых ресурсах и закрепление населения, повышение качества жизни граждан в регионах ДФО.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 (ред. от 10.06.2023) № 2094-р.

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 (ред. от 10.12.2021) № 308.

ДФО отнесен законодателем к числу регионов, для которых приоритетным является привлечение трудовых ресурсов¹. Федеральный центр выделяет им на эти цели субсидии в рамках программ повышения трудовой мобильности (ППТМ). Срок действия данной меры не установлен.

Концепция развития приграничных территорий, входящих в состав ДФО (КРПТ)² направлена на устойчивое развитие приграничных территорий, обеспечение в них комфортных условий для жизни и деятельности, формирование конкурентных преимуществ данных территорий и развитие кооперационных связей с трансграничными партнерами. Действие КРПТ синхронизировано с национальными целями развития РФ.

Концепция демографической политики Дальнего Востока (КДП)³ рассчитана до 2025 г. и содействует стабилизации численности населения Дальнего Востока и ее увеличению в перспективе.

Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока до 2026 г. и на перспективу до 2035 г. (Нацпрограмма)⁴ нацелена на ускорение экономического роста и технологического развития, повышение качества жизни до уровня выше среднероссийского.

Кроме того, начиная с 2017 г., во всех государственных программах РФ предусмотрены разделы, посвященные развитию Дальнего Востока, призванные отразить специфику данного макрорегиона и привлечь к нему внимание федеральных регуляторов. Однако «дальневосточные разделы» мы не рассматриваем в данной статье ввиду невозможности однозначно идентифицировать и оценить их вклад в развитие ДФО.

Обращает внимание, что приоритеты, заявленные в анализируемых документах, взаимно перекликаются. Для оценки влияния на развитие макрорегиона мы выделили в документах целевые индикаторы и соотнесли их с показателями федерального статистического наблюдения (табл. 1).

Часть целевых показателей не предполагают их статистической оценки. Например, в КРПТ заложен индикатор «Комплексное и устойчивое развитие дальневосточных приграничных территорий», не имеющий эквивалентов в федеральной программе статнаблюдения. Это не дает нам возможности оценить влияние данного документа на развитие макрорегиона. В свою очередь, Нацпрограмма имеет

Таблица 1

Возможность статистической оценки документов планирования
Table 1. Possibility of statistical evaluation of planning documents

№ п/п	Сокращенное название	Количество целей (целевых показателей)	Из них статистически измеримы
1	Стратегия	5	4
2	Программа	6	6
3	ППТМ	1	1
4	КРПТ	3	0
5	КДП	7	7
6	Нацпрограмма	7	7

Источник: здесь и далее — составлено автором по результатам собственного исследования.

¹ Федеральный закон от 22.12.2014 № 425-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

² Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 (ред. от 16.06.2022) № 2193-р.

³ Распоряжение Правительства от 20.06.2017 (ред. от 17.04.2023) № 1298-р.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 (ред. от 23.01.2023) № 2464-р.

набор измеримых индикаторов, но недавний срок утверждения документа пока не позволяет оценить их динамику.

По статистически измеримым показателям каждого анализируемого документа за период их применения и за период равной продолжительности до введения собраны данные по регионам ДФО и остальной территории страны. По указанным показателям построены нормированные индексы (формула 1) и оценена параллельность претрендов в двух группах (рис. 1).

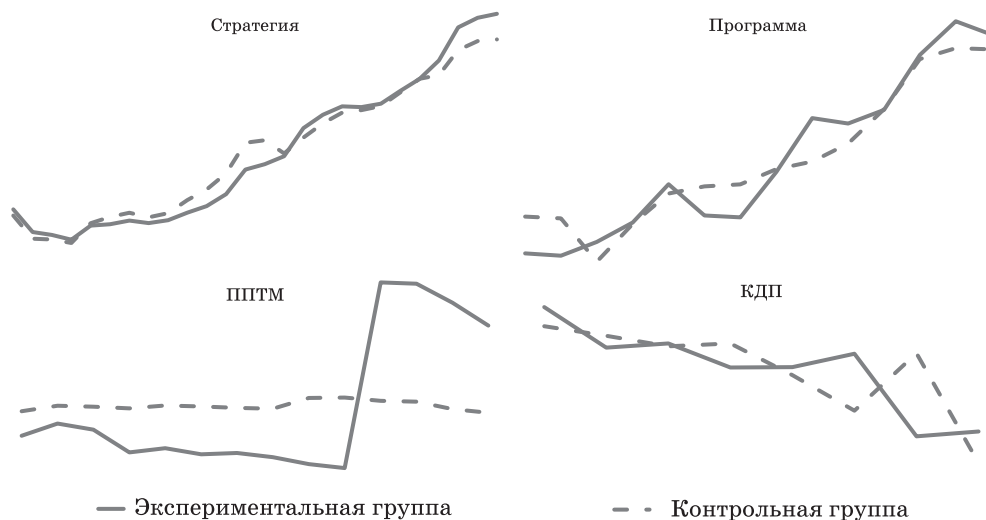

Рис. 1. Проверка коллинеарности претрендов
Fig. 1. Checking of the pre-trends collinearity

Принцип параллельности претрендов не выполняется для программы повышения трудовой мобильности. Для остальных документов коэффициенты корреляции индексов варьируют от 0,57 до 0,99 при $p \leq 0,05$, что свидетельствует о коллинеарности.

Далее методом «разность разностей» (формулы 2 и 3) оценено влияние документов планирования (через их целевые показатели) на динамику развития регионов. КДП не продемонстрировала статистически значимого эффекта, а влияние остальных документов отражено в табл. 2.

Стратегия и Программа показывают примерно равное положительное влияние. Это означает, что динамика оцениваемых индексов после введения документа выше, чем в предшествовавший период, а в экспериментальной группе (ДФО) выше, чем в остальных регионах. Для первого документа уровень статистической значимости высокий, а для второго — маргинальный.

Расчет агрегированных индексов социально-экономического развития ДФО и РФ (без ДФО) по всем анализируемым показателям (без дублирования)¹ представлен на рис. 2.

¹ Всего 17 показателей: Ввод общей площади жилых помещений с учетом жилых домов на участках для ведения садоводства (тыс. кв. м); Ввод в действие квартир (тыс. ед.); Доля населения в трудоспособном возрасте (%); Доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости в текущих основных ценах (%); Доля частных инвестиций в основной капитал (%); Индекс физического объема ВРП в постоянных ценах (% к предыдущему году); Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах (% к предыдущему году); Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения; Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет); Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет

Оценка влияния
Table 2. Impact assessment

Название документа	Параметры оценки	До введения	После введения	Изменение
Стратегия	Экспериментальная группа	76,7	125,2	48,5
	Контрольная группа	79,2	122,5	43,3
	Разность	-2,5	2,7	5,2
	Стандартная ошибка	7,2	5,2	3,6
	t -статистика	-4,6	5,1	5,9
	$P > t$	$7,23 \cdot 10^{-9}$	$1,14 \cdot 10^{-9}$	$5,69 \cdot 10^{-5}$ ***
Программа	Экспериментальная группа	87,1	112,9	25,7
	Контрольная группа	89,9	110,0	20,1
	Разность	-2,8	2,8	5,7
	Стандартная ошибка	34,6	14,9	8,9
	t -статистика	1,1	0,3	0,5
	$P > t$	0,2	0,0009	0,1*

Примечание: * $p \leq 0,1$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Изучение динамики развития ДФО требует выявления факторов, воздействовавших на этот процесс. С этой целью мы отразили введение исследуемых документов на фоне соответствующих индексов.

В первые годы после создания ДФО специальные документы федерального планирования для него не разрабатывались. При этом динамика развития была выше средней по стране с тенденцией к снижению. В 2006–2007 гг. отмечено минимальное значение индекса развития макрорегиона. В 2009 г. принята Стратегия, что хронологически совпало с началом периода экономического роста ДФО. Спады зафиксированы в 2015 г. (к этому периоду относится появление Программы, ППТМ и КРПТ) и в 2020 г. (утверждение Нацпрограммы). Максимальные значения индекс принимал в 2017 и 2019 гг. (публикация КДП и «дальневосточных разделов»).

Между индексами социально-экономического развития ДФО и РФ в 2006–2022 гг. выявлена значимая корреляция с коэффициентом 0,88 ($p < 0,001$). Это позволяет построить парную панельную регрессию, где индекс ДФО — зависимая переменная, а индекс РФ — объясняющая (табл. 3).

Число наблюдений равно 272 (17 показателей, используемых для построения индекса * 16 лет). Уравнение с вычисленными коэффициентами выражает зависимость динамики развития ДФО от реализации документов федерального стратегического планирования и имеет вид: $y = 73,3 + 0,25x$.

Выборочный коэффициент детерминации равен:

$$= 1 - \frac{\sum \hat{\epsilon}}{\sum (y - \bar{y})} = 0,84,$$

т. е. модель объясняет свыше 80% вариаций зависимой переменной.

РФ (млн руб.); Смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 000 чел. соответствующего возраста; Среднегодовая численность населения (тыс. чел.); Удельный вес убыточных организаций (%); Численность рабочей силы (тыс. чел.); Число предприятий и организаций (тыс.); Число родившихся и умерших на 1000 чел. населения.

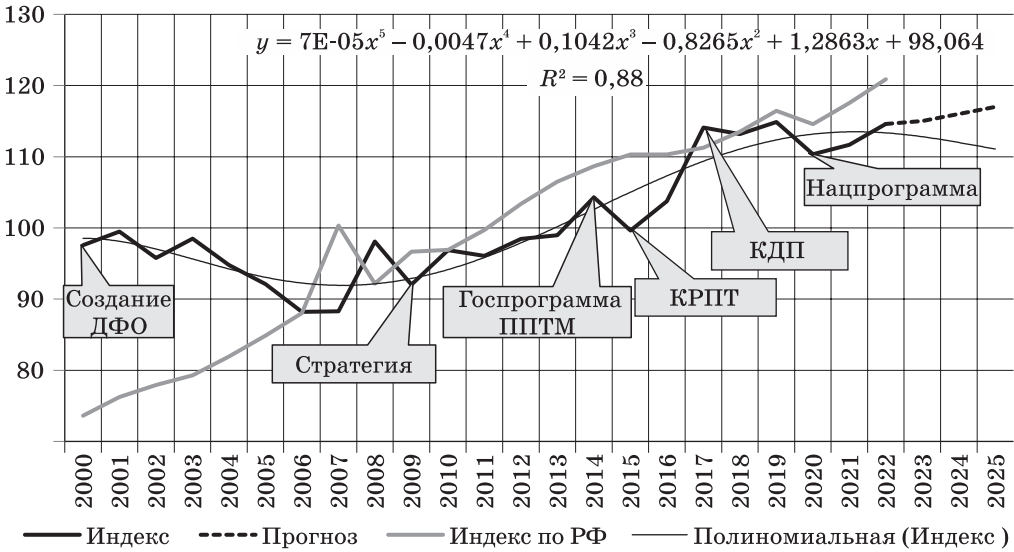

Рис. 2. Динамика и прогноз развития ДФО (%)
Fig. 2. Far Eastern development dynamics and forecast (per cent)

Таблица 3

Протокол регрессионного анализа
Table 3. Regression analysis protocol

Регрессионная статистика		Дисперсионный анализ					
Множественный R	0,88		Df	SS	MS	F	Значимость F
R ²	0,84	Регрессия	1	1152,8	1152,8	93,8	1,46·10 ⁻⁸
Нормированный R ²	0,83	Остаток	18	221,3	12,3		
Стандартная ошибка	3,51	Итого	19	1374,1	—		
Наблюдения	272						
	Коэффициенты	Станд. ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%	
Y-пересечение	73,3	2,88	25,4	1,45*10 ⁻¹⁵	67,28	79,4	
X	0,25	0,026	9,68	1,46*10 ⁻⁸	0,19	0,3	

Коэффициент множественной корреляции означает, что наблюдаемая теснота статистической связи между факторами находится на высоком уровне:

$$R = \sqrt{R^2} = 0,88.$$

Ошибка аппроксимации означает высокую точность модели:

$$E_{\text{отн}} = -\sum \frac{\hat{y}}{y} x 100\% = 6,8 \cdot 10^{-16}.$$

Оценка значимости модели проведена с использованием F -статистики Фишера. Расчетный уровень значимости коэффициента:

$$F \frac{R^2/k}{(1-R^2)/(n-k-1)} = 93,8.$$

Так как значение F больше табличного значения ($4 \cdot 10^{-3}$), уравнение регрессии значимо при $\alpha = 0,05$, и его можно использовать для анализа и прогнозирования. Этот вывод подтверждается величиной p -значения коэффициента ($1,45 \cdot 10^{-15}$), которое меньше уровня значимости $\alpha = 0,05$. Доверительный интервал с уровнем надежности 95% не содержит нуль внутри себя, что также подтверждает значимость коэффициентов регрессии.

Оценка значимости коэффициента уравнения регрессии проведена с использованием t -статистики Стьюдента: $t_{aj} = \hat{a}_j / \sigma_{aj} = 10,5$. Расчетное значение коэффициента t_{aj} больше табличного (2,09), т. е. значения коэффициента значимы.

Тестируя модель на автокорреляцию остатков, проверяем выполнение условия независимости остатков с помощью критерия Дарбина — Уотсона:

$$DW = \frac{\sum_{i=1}^n (\hat{\epsilon}_i - \hat{\epsilon}_{i-1})^2}{\sum_{i=1}^n \hat{\epsilon}_i^2} = 2,04.$$

Значение критерия больше табличных значений: $1,22 < 1,42 < 2,04$, т. е. ряд остатков не коррелирован.

Дополнительно рассчитаем коэффициент автокорреляции первого порядка. Его значение (0,005) свидетельствует о малой тесноте связи между соседними уровнями ряда остатков. Свойство независимости остатков выполняется.

Найдем экономическую интерпретацию полученного уравнения, рассчитав коэффициент эластичности: $\beta_j = a_j x S_{xj} / S_y = 108,05 \times 0,25 / 100,06 = 0,267$. Коэффициент показывает, что при увеличении индекса для РФ на 1% индекс для ДФО увеличится на 0,267%.

Прогноз динамики развития ДФО по регрессионной модели имеет экономический смысл, так как показана ее высокая значимость. Результаты прогнозирования на трехлетний интервал графически представлены на рис. 2. Прогноз, построенный по регрессионной модели, имеет величину достоверной аппроксимации 0,91. В свою очередь прогноз по эмпирическим данным (полином пятой степени), построенный на тот же период методом экстраполяции тренда, имеет точность 0,88. Это означает, что регрессионная модель обладает более высокой прогностической способностью, так как учитывает влияние скрытых переменных (регрессоров).

Обсуждение

Действующий набор документов планирования федерального уровня, как показало исследование, в целом содействует развитию макрорегиона. До принятия специальных стратегических документов наблюдалось снижение динамики развития Дальнего Востока; напротив, в 2008 и 2017 гг. показатели опережали средние по стране. В остальные периоды темпы развития отставали от среднероссийских. Это позволяет предположить, что дальневосточная политика не достигла поставленную Президентом цель — обеспечить темп развития ДФО выше среднего по РФ.

Стратегические документы принимались как на фоне позитивных тенденций, так и в кризисы. Их появлению, вероятно, чаще всего не предшествует комплексный

анализ, и планирование осуществляется в ответ на вызовы, возникающие в конкретный момент. Вместе с тем после 2014–2015 гг. развитие Дальнего Востока происходит ускоренными темпами, что указывает на мультипликативный эффект от активизации внимания федерального центра к проблемам Дальнего Востока, выразившейся в принятии анализируемых документов планирования.

Среди документов, соответствующих параметрам нашего исследования, позитивный эффект для развития ДФО выявлен для двух — Стратегии и Программы социально-экономического развития. Этот эффект примерно равен, но для Стратегии он статистически более значим, что может объясняться большей продолжительностью реализации документа. Концепция демографической политики (КДП) не продемонстрировала статистически значимого влияния на релевантные статистические показатели. Для программы повышения трудовой миграции (ППТМ) выявлена противоположная динамика оцениваемых индикаторов с показателями в контрольной группе (РФ без ДФО), не дающая оснований судить о позитивном вкладе данного документа в решение проблемы, по которой он был принят. Нацпрограмма развития ДФО принята недавно, поэтому статистическая оценка ее эффективности пока преждевременна. Концепция развития приграничных территорий (КРПТ) и «дальневосточные разделы» отраслевых госпрограмм не позволяют провести статистическую оценку достижения их целевых показателей.

Построение прогнозов для агрегированного индекса развития ДФО по регрессионной модели и методом экстраполяции эмпирического тренда показало, что в среднесрочной перспективе не следует ожидать существенных изменений. На общем фоне ограничительных мер и наблюдаемого спада мировой экономики наиболее вероятным можно считать сценарий медленного роста. Это заставляет задуматься о путях оптимизации модели стратегического планирования развития ДФО.

В табл. 4 представлен ряд преимуществ и сдерживающих факторов развития ДФО в виде матрицы SWOT, построенной на основании анализа стратегических документов (в первую очередь Нацпрограммы).

Обращает внимание, что целевые показатели документов планирования охватывают далеко не все сильные и слабые стороны, возможности и угрозы развития макрорегиона, концентрируясь на нескольких направлениях (привлечение инвестиций и трудовых ресурсов, закрепление населения).

Подобный экстрактивный подход мог быть обоснован концентрацией ресурсов на приоритетных направлениях, позволяющей переломить ситуацию в желаемую сторону. Однако зачастую этого не наблюдается, что видно на следующих кейсах (рис. 3).

Эффект от реализации Концепции демографической политики, на наш взгляд, лучше всего характеризует динамика коэффициента рождаемости, которая в ДФО со времени принятия документа продолжает снижаться, хотя и замедленными темпами по сравнению с периодом до ее появления (2017 г., обозначен точкой на графике).

Программа повышения трудовой мобильности призвана воздействовать, в первую очередь, на коэффициент миграции. На графике видно, что после утверждения документа в 2014 г. динамика этого показателя улучшилась, но остается неустойчивой.

Документы, реализация которых, по данным проведенного исследования оказалась наиболее эффективной — Стратегия (2009 г.) и Программа (2014 г.) — характеризуются более общими макроэкономическими индикаторами, такими как прирост ВРП и инвестиций в основной капитал. Оба показателя после принятия этих документов демонстрируют слабopоложительную динамику.

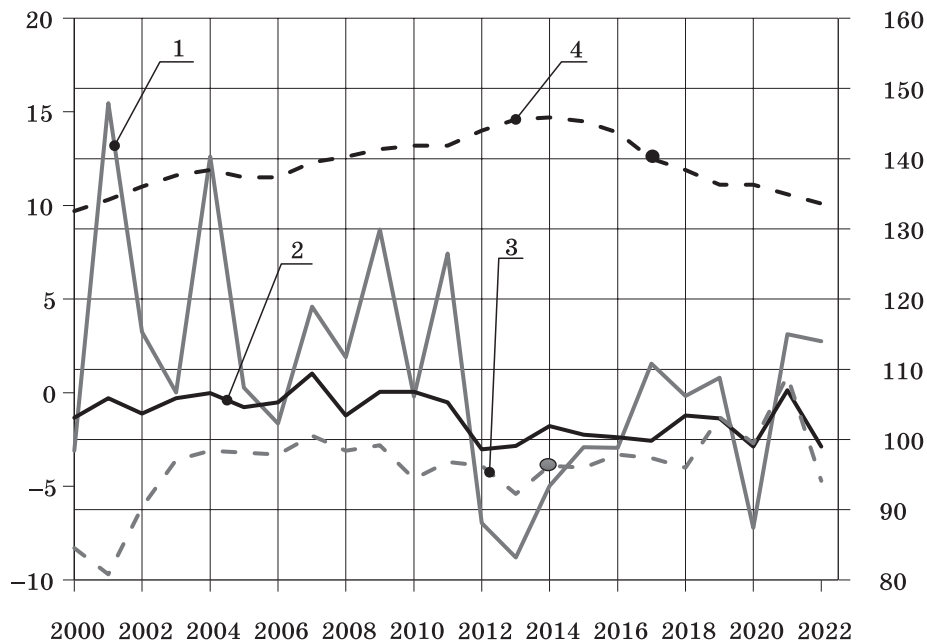
Примененная методика оценки влияния документов планирования на развитие макрорегиона ограничена, во-первых, влиянием на каждый показатель целого

Ключевые факторы социально-экономического развития ДФО

Table 4. Key factors of the Far East socio-economic development

1. Сильные стороны		2. Слабые стороны	
1.1	Природно-ресурсный потенциал	2.1	Низкая глубина переработки сырья
1.2	Геостратегическое положение в АТР	2.2	Расстояние до Европейской части РФ
1.3	Наличие преференций для инвесторов	2.3	Высокие риски инвестирования
1.4	Туристско-рекреационный потенциал	2.4	Дефицит туристской инфраструктуры
1.5	Низкая социальная напряженность	2.5	Негативная демографическая ситуация
1.6	Выгодное транзитное положение	2.6	Низкая рентабельность перевозок
1.7	Наличие территорий для освоения	2.7	Сложные климатические условия
1.8	Наличие специальных инвест. фондов	2.8	Зависимость от федеральных субсидий
1.9	Научный кластер ДВФУ, ДО РАН	2.9	Медленное внедрение инноваций
1.10	Внимание государства к развитию ДФО	2.10	Дублирование полномочий
3. Возможности		4. Угрозы	
3.1	Высокий спрос на природные ресурсы	4.1	Лесные пожары, браконьерство
3.2	Проекты сотрудничества с КНР	4.2	Зависимость от процессов в АТР
3.3	Развитие преференциальных режимов	4.3	Конкуренция со стороны др. регионов
3.4	Эл. визы для иностранных граждан	4.4	Антропогенная нагрузка на экологию
3.5	Наличие квалифицированного персонала	4.5	Миграционный отток в иные регионы
3.6	Рост международных автоперевозок	4.6	Высокая стоимость перевозок
3.7	Рост интенсивности природопользования	4.7	Зависимость от импорта продовольствия
3.8	Увеличение федеральных трансфертов	4.8	Слабый мультипликативный эффект
3.9	Рост спроса на инновации и знания	4.9	Неконкурентоспособность инноваций
3.10	Наличие федерального регулятора	4.10	Не публичность принятия решений

комплекса факторов и перекрестным воздействием различных документов. Вместе с тем, заявляя тот или иной целевой индикатор в документе планирования, зако-

1 — индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах, % к предыдущему году; 2 — индекс физического объема валового регионального продукта в постоянных ценах, % к предыдущему году; 3 — коэффициент миграционного прироста, чел. на 1000 населения; 4 — общий коэффициент рождаемости, чел. на 1000 населения

Рис. 3. Динамика отдельных показателей развития ДФО
 Fig. 3. Dynamics of individual indicators of the Far Eastern development

нодатель тем самым признает свое намерение воздействовать на динамику этого показателя посредством данного документа. На этой предпосылке строится наш анализ. Вторым ограничением является отложенный эффект от любого управленческого воздействия, включая документы планирования. Принимая это во внимание, мы оцениваем не эффект год к году, а сопоставляем периоды до и после введения каждого документа, что учитывает лаговые воздействия. При этом точность полученных результатов зависит от качества изначальной постановки целей (целевых показателей) для оцениваемых документов.

Заключение

В завершение сформулируем наше видение путей трансформации стратегического планирования развития ДФО.

В ряде случаев оценке влияния документов планирования на развитие макрорегиона препятствует несопоставимость целевых индикаторов с показателями федерального статнаблюдения. Для любого документа планирования требуется обеспечить возможность статистической оценки. Более того, такая оценка должна проводиться в динамике до и после введения документа, для чего должна обеспечиваться преемственная методика сбора показателей в длительной ретроспективе. В настоящее время зачастую такая возможность отсутствует, что создает предпосылки для манипулирования данными при оценке итогов планирования. Статистические показа-

тели, используемые для оценки различных документов планирования, не должны дублироваться, чтобы обеспечивалась четкая увязка каждого документа с набором релевантных показателей. Эти требования следует закрепить в методике разработки и корректировки документов планирования каждого вида.

Параллельная реализация нескольких документов планирования, разработанных без комплексного анализа, в ответ на появление какой-либо проблемы, как показало исследование, не обеспечивает эффективного решения этих проблем. Возникает эффект распыления внимания органов власти и ограниченных ресурсов государства на разработку, контроль и финансирование ряда несвязанных стратегических документов. Наиболее значимый эффект дают долгосрочные комплексные документы, такие как Стратегия и Программа, в то время как документы по более частным вопросам (КДП, ППТМ, КРПТ) либо не дают эффекта совсем, либо дают ограниченный эффект. Представляется целесообразным интегрировать подобные документы, например, в Программу в виде подпрограмм, обеспечив сквозную логику реализации и централизованный контроль.

Кроме того, видится смысл в том, чтобы собрать содержание «дальневосточных разделов» отраслевых государственных программ в Программу развития ДФО с тем, чтобы консолидировать внимание к ним и ресурсы исполнителей. В настоящее время, как показал наш анализ, разделы более 30 различных программ не обеспечивают решение дальневосточных проблем и не могут быть оценены по единой методике.

Необходимо ввести обоснование целесообразности введения новых стратегических документов и методику комплексной оценки реализации каждого документа. Указанные задачи ранее уже неоднократно ставились¹, но до сих пор не решены.

Целевые показатели в документах планирования следует устанавливать на вариативной основе, чтобы избежать декларативности и адаптировать их к изменениям внешних условий. Кроме того, многие стратегические документы имеют отложенный эффект реализации, и их мониторинг должен осуществляться не только в период действия (*in actu*), но и после завершения (*ex post*). Оценка призвана стать обязательным элементом всего управленческого цикла. В долгосрочной перспективе (более 6 лет) следует сокращать число документов государственного планирования, оставляя те из них, которые по-настоящему востребованы бизнесом и населением.

В ходе дальнейших исследований представляется целесообразным уточнить полученные результаты по мере накопления эмпирических данных, а также апробировать методику для других макрорегионов.

Литература

1. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–181.
2. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 3 (55). С. 226–234.
3. Леонов С. Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 3. С. 28–45.
4. Минакир П. А. Восточный вектор развития: новые возможности и ожидания // *Регионалистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 67–73.
5. Antonova N. E., Lomakina N. V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. N 4. P. 442–452.

¹ Поручение вице-премьера Ю. Трутнева от 29.01.2020 о разработке коэффициентов эффективности по основным направлениям работы Минвостокразвития России и глав дальневосточных регионов не исполнено.

6. Gurkov I., Kokorina A., Saidov Z. Russian Territories of Outrunning Development in Mono Cities: Current and Prospective Opportunities for Foreign Investment into Manufacturing // *Journal of East-West Business*. 2020. Vol. 26. N 4. P. 365–390.
7. Hirofumi A. New instruments Attracting investment into the Russian Far East: preliminary assessment // *Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. N 1. P. 157–169.
8. Min J., Kang B. Promoting New Growth: 'Advanced Special Economic Zones' in the Russian Far East // *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / ed. H. Blakkisrud, E.W. Rowe. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 51–74.
9. Parwez S.A. Review of Special Economic Zone Led to Detrimental Implications: An Indian Experience // *Emerging Economy Studies*. 2020. Vol. 6. N 2. P. 179–190.
10. Walker R.M., Lee M.J., James O., Ho S.M.Y. Analyzing the complexity of performance information use: experiments with stakeholders to Disaggregate dimensions of performance, data sources, and data types // *Public Administration Review*. 2018. Vol. 78. N 1. P. 1–12.

Об авторе:

Борщевский Георгий Александрович, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); borshchevskiy-ga@ranepa.ru

References

1. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: a national program in the context of national projects // *Spatial Economics* [Prostranstvennaya ekonomika]. 2019. Vol. 15. N 3. P. 165–181 (in Rus).
2. Zubarevich N.V. Regions of Russia in the new economic conditions // *Journal of the New Economic Association* [Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]. 2022. N 3. P. 226–234 (in Rus).
3. Leonov S.N. Preferential regimes of created local points of growth and their impact on the economy of the Far East // *Economic and social changes: facts, trends, forecast* [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2020. Vol. 13. N 3. P. 28–45 (in Rus).
4. Minakir P.A. Eastern Vector of Development: New Opportunities and Expectations // *Regionalistics* [Regionalistika]. 2023. Vol. 10. N 1. P. 67–73 (in Rus).
5. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. Vol. 13. N 4. P. 442–452.
6. Gurkov I., Kokorina A., Saidov Z. Russian Territories of Outrunning Development in Mono Cities: Current and Prospective Opportunities for Foreign Investment into Manufacturing // *Journal of East-West Business*. 2020. Vol. 26. N 4. P. 365–390.
7. Hirofumi A. New instruments Attracting investment into the Russian Far East: preliminary assessment // *Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. N 1. P. 157–169.
8. Min J., Kang B. Promoting New Growth: 'Advanced Special Economic Zones' in the Russian Far East // *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / ed. H. Blakkisrud, E.W. Rowe. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 51–74.
9. Parwez S.A. Review of Special Economic Zone Led to Detrimental Implications: An Indian Experience // *Emerging Economy Studies*. 2020. Vol. 6. N 2. P. 179–190.
10. Walker R.M., Lee M.J., James O., Ho S.M.Y. Analyzing the complexity of performance information use: experiments with stakeholders to Disaggregate dimensions of performance, data sources, and data types // *Public Administration Review*. 2018. Vol. 78. N 1. P. 1–12.

About the author:

Georgy A. Borshchevskiy, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); borshchevskiy-ga@ranepa.ru

Развитие туриндустрии в регионе: цифровые инструменты принятия решений на основе геоаналитических данных

Гамидуллаева Л. А., Зинченко С. В.*

Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация; *slatynova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность и цели исследования. Исследование потребителей, разработка профилей клиентов целевых сегментов — важное направление деятельности любой организации, в том числе туристского бизнеса и туристских администраций. Знание целевой аудитории позволяет формировать ценностное клиентоориентированное предложение туристских продуктов, осуществлять планирование туристских потоков и развитие территорий. Цель данного исследования — продемонстрировать, как аналитическая работа с цифровыми данными о поведении туристов и построение на основе полученных данных цифровых профилей туристов может быть использована для наиболее эффективного управления туристской индустрией в Российской Федерации, а также создания клиентоориентированных региональных туристских продуктов.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы, методы анализа вторичных и первичных данных. В работе были использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза, сравнения и обобщения информации, метод индукции и дедукции, вторичные и первичные маркетинговые исследования, цифровые аналитические данные. Информационной базой исследования послужили материалы Федеральной службы государственной статистики, Пензастата, Министерства культуры и туризма Пензенской области, документы, определяющие стратегическое развитие туристской индустрии в Российской Федерации, результаты научных и маркетинговых исследований туристского рынка, данные аналитической цифровой платформы «ГеоЭффект» ПО «МТС», собственные исследования авторов.

Результаты. На основе данных цифровой платформы «ГеоЭффект» был проведен анализ структуры туристских потоков в Пензенской области, описаны цифровые профили туристов, выявлены наиболее популярные районы посещения, на основе чего разработаны рекомендации для дорожной карты развития туризма в Пензенской области.

Выводы. Цифровая аналитика данных и построение цифровых профилей туристов позволяют туристскому бизнесу учитывать в своей деятельности поведение потребителей, а туристским администрациям — сосредоточить ресурсы региона на привлекательных с точки зрения потребителей объектах и локациях, формировании для них ценностного предложения.

Ключевые слова: туристский продукт, регион, маркетинговые исследования, цифровая аналитика, геоаналитические данные, цифровой профиль туриста

Для цитирования: Гамидуллаева Л. А., Зинченко С. В. Развитие туриндустрии в регионе: цифровые инструменты принятия решений на основе геоаналитических данных // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 64–84.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20524 «Цифровизация управления жизненным циклом внутреннего регионального туристского продукта на основе технологии блокчейн». <https://rscf.ru/project/22-28-20524>.

Development of the Tourism Industry in a Region: Digital Decision-Making Tools Based on Geoanalytical Data

Leila A. Gamidullaeva, Svetlana V. Zinchenko*

Penza State University, Penza, Russian Federation; slatynova@mail.ru

ABSTRACT

Relevance and objectives of the research. Consumer research, development of customer profiles of target segments is an important activity of any organization, including the tourism business and tourism administrations. Knowing the target audience allows you to create a value-oriented client-oriented offer of tourist products, plan tourist flows and develop territories. The purpose of this study is to demonstrate how analytical work with digital data on the behavior of tourists and the construction of digital tourist profiles based on the obtained data can be used for the most effective management of the tourism industry in the Russian Federation, as well as for the creation of customer-oriented regional tourism products.

Materials and methods. The methodological base of the study was made up of general scientific methods, methods of analysis of secondary and primary data. The following research methods were used in the work: the method of analysis and synthesis, comparison and generalization of information, the method of induction and deduction, secondary and primary marketing research, digital analytical data. The information base of the study was the materials of the Federal State Statistics Service, Penzastat, the Ministry of Culture and Tourism of the Penza Region, documents defining the strategic development of the tourism industry in the Russian Federation, the results of scientific and marketing research of the tourism market, data from the GeoEffect analytical digital platform of the MTS software, authors' own research.

Results. Based on the data of the GeoEffect digital platform, an analysis was made of the structure of tourist flows in the Penza region, digital profiles of tourists were described, the most popular visiting areas were identified, on the basis of which recommendations were developed for a roadmap for tourism development in the Penza region.

Conclusions. Digital data analytics and building digital profiles of tourists allows the tourism business to take into account consumer behavior in their activities, and tourism administrations to focus the resources of the region on objects and locations that are attractive from the point of view of consumers, forming a value proposition for them.

Keywords: tourism product, region, marketing research, digital analytics, geoanalytical data, tourist digital profile

For citing: Gamidullaeva L. A., Zinchenko S. V. Development of the Tourism Industry in a Region: Digital Decision-Making Tools Based on Geoanalytical Data // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 64–84.

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation N 22-28-20524 “Digitalization of the life cycle management of an internal regional tourism product based on blockchain technology”. <https://rscf.ru/project/22-28-20524>.

Введение

Туризм всегда был одной из крупнейших статей международной торговли в несырьевом секторе, демонстрируя относительную устойчивость во время экономических спадов и быстрое восстановление, обеспечивая странам с развитой туристской индустрией стабильные поступления в бюджет. Однако в последние годы, вследствие пандемии COVID-19, современных изменений в геополитике и экономике туристская индустрия серьезно пострадала и медленно восстанавливается.

Динамика показателей развития туризма в Российской Федерации (табл. 1), в том числе туристского потока в период с 2020 по 2021 г., свидетельствует о серьезном спаде — существенно снизился туристский поток как российских граждан, путешествующих внутри страны и выезжающих за рубеж, так и иностранных граждан, въезжающих в страну.

Несмотря на геополитические и геоэкономические условия, развитие туристской индустрии в Российской Федерации после окончания пандемии COVID-19 характеризуется ростом большинства показателей, а по прогнозам, туристский сектор в стране и далее сохранит значительный потенциал для ускорения темпов роста и увеличения вклада в экономику.

Показатели развития туризма в РФ
 Table 1. Indicators of tourism development in the Russian Federation

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте РФ, %	3,4	3,3	3,4	2,7	2,7	2,8	2,4	2,6
Объем услуг турагентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг, млрд руб.	147,5	158,3	161,3	166,5	172,1	179,8	91,9	149,8
Объем услуг специализированных коллективных средств размещения, млрд руб.	–	–	–	137,0	159,7	170,5	131,1	205,6
Число ночевок в коллективных средствах размещения, млн	184,0	212,2	216,8	253,0	274,6	283,2	191,2	275,6
Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	33 798,5	43 656,9	48 338,7	53 534,4	60 921,3	65 185,8	45 223,2	63 644,0
Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	4607,9	5,627,3	6092,2	8028,8	10 616,8	10 856,0	2159,2	2895,8
Число въездных туристских поездок, тыс. поездок	25 438	26 852	24 571	24 390	24 551	24 419	6359	7080
Число выездных туристских поездок, тыс. поездок	42 921	34 390	31 659	39 629	41 964	45 330	12 361	19 199
Численность граждан России, отправленных в туры по России, тыс. чел.	1974,2	2628,2	3284,2	3285,4	3374,6	4373,1	4126,8	5994,7
Численность граждан России, отправленных в зарубежные туры, тыс. чел.	6512,9	5261,0	3422,1	5630,0	5486,3	7452,7	2335,8	4463,4
Экспорт услуг по статье «Поездки», млрд долл.	11,8	8,4	7,8	8,9	11,6	11,0	3,9	4,0

Источники: Туризм // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 19.05.2023).

Эксперты Российского союза туристической индустрии по итогам 2022 г. отмечают следующее¹: доля валовой добавленной стоимости туристической индустрии в ВВП Российской Федерации составила 2,6%; внутренний туризм составил 68,5 млн чел., а в 2023 г. может вырасти на 5% — до 72 млн чел.; туристский поток по стране превысил 140 млн чел. с учетом не только туристов, останавливавшихся в коллективных средствах размещения, но и тех, которые приехали к друзьям, родственникам и т. п. По прогнозам, в 2023 г. въездной туризм в Российской Федерации может вырасти на 20% в сравнении с показателями 2022 г., с 8,2 млн до 10 млн чел.

Дальнейшее развитие туризма требует принятия со стороны государственных структур и туристского бизнеса незамедлительных мер для обеспечения устойчивого восстановления индустрии в Российской Федерации. Одна из задач развития индустрии заключается в идентификации, стимулировании и удовлетворении текущих потребностей клиентов, на поведение которых влияют различные внешние и внутренние факторы, с целью создания ценностного клиентоориентированного туристского предложения — конкурентоспособного туристского продукта².

Проблема состоит в том, что продукты, реализуемые на туристском рынке, не всегда соответствуют тем, что запрашивают покупатели [16]. При этом цифровая трансформация клиентского опыта, внедрение и использование цифровых клиентских сервисов в туризме, онлайн-транзакции, развитие технологий сбора и анализа больших данных позволяют получать актуальные данные о клиентах для выявления их потребностей, проблем, описания профилей и клиентского пути с целью формирования для них ценностного предложения.

Цель данного исследования — продемонстрировать, как аналитическая работа с цифровыми данными о поведении туристов и построение на основе полученных данных цифровых профилей туристов может быть использована для управления туристской индустрией в Российской Федерации и ее восстановления, а также создания клиентоориентированных региональных туристских продуктов.

Маркетинговым исследованиям поведения потребителей туристских продуктов и услуг посвящены работы как отечественных, так и зарубежных исследователей: Ю. Н. Абабкова, А. Ф. Барышева, И. И. Бутко, А. П. Дуровича, Ф. Котлера, О. Д. Коль, Е. А. Джанджугазовой [1; 4; 6; 9; 11; 13; 15]. В основном данные исследования содержат описание подходов к моделированию поведения потребителей, выявлению факторов, влияющих на это поведение, и подчеркивают важность изучения демографических, психологических, поведенческих и других характеристик потребителей с целью создания клиентоориентированных туристских продуктов.

В исследованиях последних лет акцент делается на изменении поведения потребителей под влиянием пандемии COVID-19, выявлении трендов потребительского поведения в новых геополитических и экономических условиях [3; 5; 7; 8; 10; 17–20; 23]. Исследователи отмечают, что одним из трендов последних лет стала цифровая трансформация клиентского опыта и использование цифровых платформ для планирования и организации путешествий, а также цифровая трансформация турбизнеса. По данным компании «Tourism Economics», 76% размещений на ночь в России в 2019 г. было забронировано или спланировано с помощью цифровых платформ (по сравнению с 45% в 2012 г.)³. Современная туристская индустрия

¹ В РСТ прогнозируют рост внутреннего туризма в 2023 году на 5% // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17603637> (дата обращения: 19.05.2023).

² Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 года № 2129-р.); Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», 2021.

³ Данные и цифровые платформы как фактор роста отрасли туризма в России // Tourism Economics. [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.amazonaws.com/tourism-economics/craft/Google-Russia-Final-Small-Russian.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).

аккумулирует большое количество цифровых данных, аналитика которых может служить основой для формирования прогнозов развития туризма, принятия маркетинговых решений и разработки предложения туристских направлений или объектов.

В рамках данного исследования интерес вызывают работы И. В. Щепетова, И. И. Скоробогатых; З. Ю. Желниной; А. А. Абдунуровой, Д. И. Разаковой, М. Г. Давлетовой; Е. Е. Коноваловой, О. Н. Макушевой; Ю. Е. Кошурниковой, касающиеся актуальности составления профилей туристов с целью формирования клиентоориентированного предложения туристских продуктов, в том числе на основе данных и цифровой аналитики [16; 2; 12; 14; 22].

Так, интересна публикация А. А. Абдунуровой, Д. И. Разаковой, М. Г. Давлетовой, в которой исследователи описывают профиль потребителей и выявляют типы туристов, изучают пути следования глобальных цифровых туристов на основе рассмотрения последних мировых тенденций в сфере путешествий, использования цифровых технологий, анализа вторичной информации, в частности больших данных международных онлайн-агентств [2].

Несмотря на важность разработки профилей туристов дестинаций Российской Федерации, научных работ, посвященных данной теме, достаточно мало. При этом знание целевой аудитории позволит туристскому бизнесу регионов формировать ценностное клиентоориентированное предложение туристских продуктов и создавать уникальный клиентский опыт, разрабатывать и реализовывать маркетинговую стратегию, а туристским администрациям — эффективнее управлять ассортиментом региональных туристских продуктов, осуществлять планирование туристских потоков и развитие территорий, контролировать государственные инвестиции, что делает исследование научно и практически значимым.

Материалы и методы

Работа туристских компаний и администраций с целевой аудиторией, ее сегментирование и разработка профилей туристов становится основой формирования ценностного туристского предложения и ассортимента региональных туристских продуктов. Профиль туриста — это собирательный образ туристов, созданный на основе данных об аудитории конкретного целевого сегмента, ее определенных психографических, социально-демографических, экономических и географических характеристиках.

Основными этапами разработки профилей туристов, как правило, являются сбор информации о туристах, их сегментирование и описание профилей, разработка рекомендаций по их использованию [21]. Для сбора информации о туристах Пензенской области могут быть использованы разные источники — данные Федеральной службы государственной статистики, Пензастата, Министерства культуры и туризма Пензенской области, исследовательских и аналитических агентств, первичная информация от компаний турбизнеса.

В последние годы на российском рынке появилась практика построения цифровых профилей туристов на основе обезличенных данных цифровых туристских платформ, которые есть у таких компаний как «Яндекс», «Сбер», ВТБ, «МегаФон», «Ростелеком», МТС и других¹. Технологические решения могут быть использованы для анализа туристских потоков и точек притяжения туристов конкретных территорий.

Для сегментирования клиентов — разделения целевой аудитории на группы клиентов — используют как описательные (демографические, социальные, эконо-

¹ В России создадут цифровой профиль туриста [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/04/2021/6065c1079a79477f70e6d9c3 (дата обращения: 20.05.2023).

мические, географические), так и психографические критерии сегментирования. Описание профилей туристов может выглядеть по-разному. Близкий к идеальному профиль туриста должен содержать информацию о возрасте, специализации, семейном статусе, месте проживания, увлечениях, ценностях и целях путешествия, источниках информации, болях и сложностях, а также других характеристиках поведенческого поведения (точки контакта, частота путешествий, средний чек и т. п.) туристов, иметь имя, помогающее «очеловечить» профиль, и фото, помогающее его визуализировать, и может быть разработан на основании шаблона, представленного на рис. 1 [21].

<p align="center">Имя, возраст Род деятельности</p> <p>Специализация, семейный статус, место проживания, увлечения, обращается за услугами</p>	<p align="center">ФОТО</p>
<p align="center">Ценности и цели</p>	<p align="center">Боли и сложности</p>
<p align="center">Источники информации (каналы коммуникации)</p>	<p align="center">Характеристики поведенческого поведения</p>

Рис. 1. Шаблон профиля туриста
Fig. 1. Template of a profile of the tourist

Для визуализации профиля могут быть использованы цифровые сервисы, например, «Miro» — интерактивная онлайн-доска для совместной работы, в которой есть шаблон для построения профилей клиентов (<https://miro.com>).

После разработки профилей туристов туристские компании могут использовать их для понимания потребностей клиентов и их поведенческого поведения, разработки маркетинговых программ и создания персонализированного предложения. Стратегическое использование профилей туристов может помочь в управлении региональными туристскими продуктами и разработке региональной стратегии по привлечению посетителей.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы, методы анализа вторичных и первичных данных. В работе были использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза, сравнения и обобщения информации, метод индукции и дедукции, вторичные и первичные маркетинговые исследования, цифровые аналитические данные.

Информационной базой исследования послужили материалы Федеральной службы государственной статистики, Пензастата, Министерства культуры и туризма Пензенской области, документы, определяющие стратегическое развитие туристской индустрии в Российской Федерации, результаты научных и маркетинговых исследований туристского рынка, данные аналитической цифровой платформы «ГеоЭффект» ПО «МТС», собственные исследования авторов.

Результаты

Динамика развития туризма в Пензенской области отражает общероссийскую ситуацию, когда в 2020 г. в связи с принятием ограничительных мер из-за распространения пандемии COVID-19 показатели ухудшились и восстанавливаются в настоящее время (табл. 2).

Одна из ключевых целей Стратегии развития туризма в Пензенской области на период до 2035 г. — комплексное развитие туризма в Пензенской области за счет

Показатели развития туризма в Пензенской области
Table 2. Indicators of tourism development in the Penza region

Наименование показателя	Значения показателей развития индустрии туризма и гостеприимства Пензенской области по годам							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Численность граждан РФ, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.	132 274	196 050	209 347	199 857	287 954	192 225	239 896	284 890
Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.	4579	4453	5885	8458	7312	3063	3457	9430

Источник: Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44040>; Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44042> (дата обращения: 25.05.2023).

создания условий для формирования и продвижения конкурентоспособного туристского продукта региона на рынке туризма¹ — не может быть решена без получения актуальных данных о существующих и потенциальных туристах региона и их потребностях, т. е. без информации о целевой аудитории.

По данным Стратегии развития туризма в Пензенской области на период до 2035 г. в 2020 г. основными гостями Пензенской области были граждане Российской Федерации, как правило, приезжающие из соседних субъектов — Москвы и Московской области с рекреационными и культурно-познавательными целями (отпуск, досуг, отдых), а также с профессионально-деловыми целями. В основном это были туристы эконом сегмента, приезжающие в рамках бюджетных туров, и самоорганизованные туристы. Иностранцы составляли небольшой процент общего туристского потока и посещали регион с образовательными или профессионально-деловыми целями (табл. 3).

С 2020 г. в официальных источниках информации нет данных, позволяющих детально характеризовать туристский поток Пензенской области и описать профиль туристов. Так, в Федеральной службе государственной статистики и Пензастате собираются следующие данные — общее количество туристских поездок на опре-

¹ Стратегия развития туризма в Пензенской области на период до 2035 года, 2020 // Министерство культуры и туризма Пензенской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://minkult.pnzreg.ru/taill/turizm> (дата обращения: 25.05.2023).

Характеристика туристского потока Пензенской области в 2020 г.

Table 3. Characteristics of the tourist flow of the Penza region in 2020

Цели поездки	Количество граждан Российской Федерации и иностранных граждан, посетивших Пензенскую область в 2020 г.		
	Граждане РФ, чел.	Иностранные граждане, чел.	Всего, чел.
Отпуск, досуг, отдых	97 046	1675	98 721
Посещение родственников, друзей	28 332	106	28 438
Образование, обучение	29 064	5954	35 018
Лечение и здоровье	26 153	2	26 155
Религиозные/паломнические	25 665	2	25 667
Шопинг	9459	0	9459
Транзитные	24 092	543	24 635
Деловые и профессиональные	60 051	8731	68 782
Прочее	18 367	210	18 577
Итого	318 229	17 223	335 452

Источник: Стратегия развития туризма в Пензенской области на период до 2035 года, 2020.

деленную территорию за определенный промежуток времени, число въездных туристских поездок иностранных граждан, число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации за рубеж, на основании которых можно определить лишь объем турпотока и откуда приехали туристы. Такая ситуация демонстрирует проблему отсутствия современных, сопоставимых, детализированных данных о туристах для принятия стратегических решений, разрешить которую можно, используя цифровые технологии сбора и анализа данных.

В рамках данного исследования для сбора и анализа данных, построения цифровых профилей туристов Пензенской области осуществлена работа с платформой оператора мобильной связи — компании МТС, развивающей сервисы «Портрет туриста» и «Цифровой туризм» на базе системы цифровых данных «ГеоЭффект», которая на основании данных сотовых операторов о туристах помогает анализировать профили туристов, чтобы разрабатывать туристскую политику¹. Выбраны следующие параметры исследования:

- шаг анализа — 6 мес., период анализа — с 01.01.2022 по 31.08.2022, даты проведения анализа — 28–29 июня 2023 г.;
- данные о туристском потоке: количество визитов, районы посещения Пензенской области, категория туристов (иностранные туристы, туристы РФ), домашние регионы туристов РФ (откуда приехали), страны проживания иностранных туристов, цель визита (туризм), длительность визита, способ прибытия (авиа-, ж/д, водный, авто и пр.), пол, возраст, доход, наличие детей, информация о трудоустройстве, образ жизни (ведут ЗОЖ или нет);
- посещаемые локации в регионе.

Данные собирались по абонентам сотовой связи МТС. Агрегированные данные по туристам представляются в системе в виде графиков, таблиц, карт. Для даль-

¹ Система цифровых данных «ГеоЭффект» // ПО «МТС». [Электронный ресурс]. URL: <https://support.mts.ru/mts-tsmr> (дата обращения: 25.05.2023).

нейшего исследования было принято решение выделить два крупных сегмента путешественников — туристы РФ и иностранные туристы, приехавшие в регион с целью «туризм», профили которых будут описаны далее.

Рассмотрим данные, полученные о туристах РФ. В период с 01.01.2022 по 31.08.2022 туристы РФ совершили 69 886 поездок в регион. Общее количество, пол, возраст и доход посетивших регион туристов РФ за указанный период отражены в табл. 4.

Данные табл. 4 и системы цифровых данных «ГеоЭффект» позволяют сделать следующие выводы о туристах РФ, посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 по 31.08.2022:

- 1) пол: за указанный период мужчины совершили 37 073 поездки (53,05%), женщины — 32 048 поездок (45,86%), у остальных путешественников пол не определен (765 поездок, 1,09%), что говорит о примерно одинаковом соотношении путешественников по полу;
- 2) возраст: за указанный период Пензенскую область посетили туристы РФ в возрасте от 35 до 44 лет — 18 504 поездки (26,48%), от 45 до 54 лет — 13 802 поездки (19,75%), от 25 до 34 лет — 11 090 поездок (15,87%), от 55 до 63 лет — 10 469 поездок (14,98%), более 64 лет — 7198 поездок (10,3%), от 18 до 24 лет — 4867 поездок (6,96%), несовершеннолетние туристы в возрасте до 17 лет — 3191 поездка (4,57%); у остальных путешественников возраст не определен — 765 поездок (1,09%). Данные свидетельствуют о том, что реги-

Таблица 4

Распределение туристов РФ по полу, возрасту и доходу

Table 4. Distribution of tourists of the Russian Federation by sex, age and income

Мужчины, 37 073 поездки								Возраст, лет
27	254	338	366	379	288	11	0	0–17
62	365	575	400	509	408	9	0	18–24
62	503	928	1044	1344	2164	82	0	25–34
107	1048	1578	1773	2512	3150	213	0	35–44
70	691	1125	1341	1774	2518	143	0	45–54
52	686	943	971	1293	1461	48	0	55–63
67	665	793	607	668	635	23	0	64+
0–10	10–20	20–30	30–45	45–75	75–150	150–300	300+	
Доход, тыс. руб.								
Женщины, 32 048 поездок								Возраст, лет
22	171	311	361	351	306	6	0	0–17
168	503	547	470	486	357	8	0	18–24
116	613	857	873	970	1478	56	0	25–34
187	1168	1426	1486	1960	1798	98	0	35–44
138	799	979	984	1382	1776	72	0	45–54
208	981	926	767	1009	1104	20	0	55–63
243	1043	760	620	630	437	7	0	64+
0–10	10–20	20–30	30–45	45–75	75–150	150–300	300+	
Доход, тыс. руб.								

он чаще всего посещают люди среднего возраста от 35 до 54 лет — 32 306 поездок (46,23%), а также люди пожилого возраста старше 55 лет — 17 667 поездок (25,28%) и молодые путешественники в возрасте от 18 до 34 лет — 15 957 поездок (22,83%). Кроме того, в регион въезжают несовершеннолетние туристы в возрасте до 17 лет либо в рамках семейного туризма, либо в составе экскурсионных групп с сопровождающим. Это позволяет сделать вывод о наличии в Пензенской области не только туров и объектов туристского интереса для поколения среднего и пожилого возраста, но и о существовании молодежного туризма и необходимости более подробного изучения туристских потоков разного возрастного сегмента для создания ценностного предложения;

- 3) доход: за указанный период Пензенскую область посетили туристы РФ с доходом от 75 до 150 тыс. руб. — 17 880 поездок (25,58%), от 45 до 75 тыс. руб. — 15 277 поездок (21,86%), от 20 до 30 тыс. руб. — 12 086 поездок (17,29%), от 30 до 45 тыс. руб. — 12 063 поездки (17,26%), от 10 до 20 тыс. руб. — 9490 поездок (13,58%), до 10 тыс. руб. — 1529 поездок (2,19%), от 150 до 300 тыс. руб. — 796 поездок (1,14%), у остальных путешественников доход не определен — 765 поездок (1,09%). Это позволяет сделать вывод, что на территорию региона въезжают путешественники со средним доходом от 30 до 75 тыс. руб. — 27 340 поездок (39,12%), с низким доходом до 30 тыс. руб. — 23 105 поездок (33,06%), с доходом выше среднего от 75 до 300 тыс. руб. — 18 676 поездок (26,72%), что требует формирования ассортимента туристских продуктов для потребителей разных ценовых сегментов.

Что касается данных о домашних регионах туристов РФ, то в период с 01.01.2022 по 31.08.2022 в Пензенскую область приезжали туристы из следующих ТОП-20 областей и республик — Московской области, Москвы, Республики Мордовия, Саратовской области, Самарской области, Тамбовской области, Рязанской области, Краснодарского края, Санкт-Петербурга, Нижегородской области, Республики Татарстан, Ульяновской области, Ростовской области, Республики Башкортостан, Воронежской области, Ханты-Мансийского АО (Югры), Свердловской области, Мурманской области, Челябинской области, Ленинградской области (табл. 5). Семь из этих областей и республик входят в состав Приволжского федерального округа и находятся территориально близко к Пензенской области.

В табл. 6 представлены районы, которые туристы РФ посетили в Пензенской области в период с 01.01.2022 по 31.08.2022. Несмотря на то, что в рамках данного анализа в фильтрах выбрана цель визита — «туризм», исключая транзитных туристов, водителей большегрузных автомобилей, внутрироссийских мигрантов (приезжают в регион на выходные с мест работы или учебы к родственникам), данные табл. 6 демонстрируют, что в ТОП-20 посещаемых районов входят не только те, что имеют притягательные объекты туристского интереса. Для детального понимания структуры туристских потоков в районах, определения целей визитов в тот или иной район необходимо осуществлять дополнительное исследование путешественников по районам.

Результаты анализа локаций Пензенской области, посещенных туристами РФ в период с 01.01.2022 до 31.08.2022, демонстрируют, что кроме городского округа Пенза туристские потоки сосредоточены в населенных пунктах в районах вдоль трассы «М5», проходящей через Пензенскую область, а также трассы «1Р209» по направлению «Пенза — Тамбов» и трассы «1Р159» по направлениям «Пенза — Саратов» и «Пенза — Саранск», что требует более детального анализа для понимания структуры туристских потоков, определения целей визитов.

Данные по длительности визитов туристов РФ, посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 до 31.08.2022, представлены на рис. 2. Короткие визиты свидетельствуют о совершении путешествий в рамках туров «выходного дня».

Домашний регион туристов РФ (ТОП-20 областей и республик), посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 по 31.08.2022
 Table 5. Home region of tourists of the Russian Federation (TOP-20 regions and republics) who visited the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

№ п/п	Домашний регион	Количество, поездки	Доля поездок среди туристов РФ, %
1	Московская область	9759	13,96
2	Москва	9385	13,43
3	Республика Мордовия	5555	7,95
4	Саратовская область	5444	7,79
5	Самарская область	4361	6,24
6	Тамбовская область	2410	3,45
7	Рязанская область	2325	3,33
8	Краснодарский край	2129	3,05
9	Санкт-Петербург	1790	2,56
10	Нижегородская область	1423	2,04
11	Республика Татарстан	1228	1,76
12	Ульяновская область	1201	1,72
13	Ростовская область	966	1,38
14	Республика Башкортостан	953	1,36
15	Воронежская область	923	1,32
16	Ханты-Мансийский АО (Югра)	824	1,18
17	Свердловская область	691	0,99
18	Мурманская область	668	0,96
19	Челябинская область	662	0,95
20	Ленинградская область	629	0,9

Таблица 6

Районы Пензенской области, которые туристы РФ посетили в Пензенской области в период с 01.01.2022 по 31.08.2022

Table 6. Districts of the Penza region, which tourists of the Russian Federation visited in the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

№ п/п	Район Пензенской области	Количество, поездки	Доля поездок среди туристов РФ, %
1	Бессоновский район	11 125	15,92
2	городской округ Пенза	9408	13,46
3	Белинский район	5167	7,39
4	Башмаковский район	3597	5,15
5	Городищенский район	3519	5,04
6	Иссинский район	2970	4,25

№ п/п	Район Пензенской области	Количество, поездки	Доля поездок среди туристов РФ, %
7	Кузнецкий район	2454	3,51
8	Каменский район	2411	3,45
9	Мокшанский район	2205	3,16
10	городской округ Кузнецк	2184	3,13
11	Колышлейский район	1889	2,70
12	Малосердобинский район	1885	2,70
13	Земетчинский район	1780	2,55
14	Нижнеломовский район	1737	2,49
15	Лунинский район	1644	2,35
16	Никольский район	1580	2,26
17	Бековский район	1526	2,18
18	Наровчатский район	1502	2,15
19	Пензенский район	1489	2,13
20	Спасский район	1480	2,12
21	Сердобский район	1459	2,09
22	ЗАТО Заречный	1442	2,06
23	Вадинский район	1230	1,76
24	Камешкирский район	1005	1,44
25	Лопатинский район	1006	1,44
26	Тамалинский район	781	1,12
27	Неверкинский район	588	0,84
28	Пачелмский район	364	0,52
29	Сосновоборский район	264	0,38
30	Шемышейский район	195	0,28

Дополнительно на основе данных системы «ГеоЭффект» можно сделать следующие выводы о туристах РФ, посетивших регион в период с 01.01.2022 до 31.08.2022:

- 1) 97,13% поездок совершено туристами РФ на автомобиле, 2,09% — железнодорожным транспортом, 0,78% — авиа;
- 2) что касается наличия детей у туристов РФ, то 79,28% поездок совершено туристами, не имеющими детей, 20,72% — имеющими детей. Система не позволяет определить путешествуют ли туристы с детьми или нет и сделать вывод о развитии в регионе семейного туризма;
- 3) 22,86% поездок совершено трудоустроенными туристами, 15,4% — не трудоустроенными или работающими удаленно, 4,79% — находящимися в поиске работы, 56,40% — не определены системой. При этом нельзя определить род деятельности туриста, чтобы составить более полный портрет;

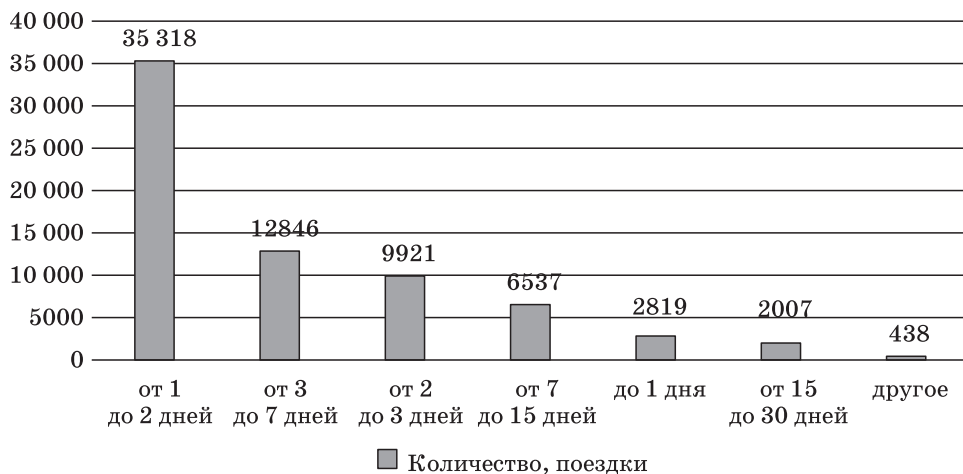

Рис. 2. Длительность визитов туристов РФ, посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 до 31.08.2022

Fig. 2. Duration of visits of tourists of the Russian Federation who visited the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

- 4) 30,36% поездок совершено туристами, которые ведут здоровый образ жизни, 69,64% — нет;
- 5) 29,18% поездок совершено туристами, которые имеют автомобиль, 70,82% — нет.

Рассмотрим данные, полученные об иностранных туристах. В период с 01.01.2022 по 31.08.2022 иностранные туристы совершили 3547 поездок. Общее количество, пол, возраст и доход посетивших регион иностранных туристов за указанный период отражены табл. 7.

Данные табл. 7 и системы цифровых данных «ГеоЭффект» позволяют сделать следующие выводы об иностранных туристах, посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 по 31.08.2022:

1) пол: за указанный период мужчины совершили 760 поездок (21,43%), женщины — 417 поездок (11,76%), у остальных путешественников пол не определен (2370 поездок, 66,82%);

2) возраст: за указанный период Пензенскую область посетили иностранные туристы в возрасте от 35 до 44 лет — 354 поездки (9,98%), от 25 до 34 лет — 258 поездок (7,27%), от 45 до 54 лет — 203 поездки (5,72%), от 55 до 63 лет — 142 поездки (4%), от 18 до 24 лет — 91 поездку (2,57%), более 64 лет — 71 поездку (2%), несовершеннолетние туристы в возрасте до 17 лет — 58 поездок (1,64%); у остальных путешественников возраст не определен — 2370 поездок (66,82%);

3) доход: за указанный период Пензенскую область посетили иностранные туристы с доходом от 45 до 75 тыс. руб. — 347 поездок (9,78%), от 75 до 150 тыс. руб. — 286 поездок (8,06%), от 30 до 45 тыс. руб. — 222 поездки (6,26%), от 20 до 30 тыс. руб. — 181 поездка (5,1%), от 10 до 20 тыс. руб. — 124 поездки (3,5%), до 10 тыс. руб. — 10 поездок (0,28%), от 150 до 300 тыс. руб. — 7 поездок (0,2%), у остальных путешественников доход не определен — 2370 поездок (66,82%).

В силу того, что по большому количеству поездок (66,82%) пол, возраст и доход иностранных туристов не определен, затруднительно сделать объективные выводы о структуре турпотока.

Распределение иностранных туристов по полу, возрасту и доходу

Table 7. Distribution of foreign tourists by sex, age and income

Мужчины, 760 поездок								Возраст, лет
0	5	10	5	12	8	1	0	0–17
2	11	16	19	13	2	0	0	18–24
4	10	30	28	48	47	0	0	25–34
0	25	26	41	54	71	3	0	35–44
1	13	15	23	39	40	0	0	45–54
0	6	10	17	35	28	2	0	55–63
0	12	4	3	15	6	0	0	64+
0–10	10–20	20–30	30–45	45–75	75–150	150–300	300+	
Доход, тыс. руб.								
Женщины, 417 поездок								Возраст, лет
0	4	3	2	5	3	0	0	0–17
2	2	7	9	5	3	0	0	18–24
0	15	16	15	31	14	0	0	25–34
0	6	23	32	38	34	1	0	35–44
1	5	7	13	30	16	0	0	45–54
0	6	4	9	15	10	0	0	55–63
0	4	10	6	7	4	0	0	64+
0–10	10–20	20–30	30–45	45–75	75–150	150–300	300+	
Доход, тыс. руб.								

Данные о странах, из которых въезжали иностранные туристы в Пензенскую область в период с 01.01.2022 по 31.08.2022, представлены в табл. 8 (ТОП-30 стран). Здесь важно отметить, что данные о стране въезда иностранных туристов требуют дополнительного изучения, так как домашний регион туриста определяется в том числе по СИМ-карте туриста, которая может быть туристической или корпоративной и принадлежать компании, зарегистрированной не в стране — месте жительства туриста.

В табл. 9 представлены районы, которые иностранные туристы посетили в Пензенской области в период с 01.01.2022 по 31.08.2022. ТОП-10 районов представлен городскими округами Пенза и Кузнецк, Бессоновским, Белинским, Городищенским, Мокшанским, Каменским, Башмаковским, Кузнецким и Нижнеломовским районами, что требует дополнительного исследования с целью понимания целей визитов.

Результаты анализа локаций Пензенской области, посещенных иностранными туристами в период с 01.01.2022 до 31.08.2022, демонстрируют, что кроме городского округа Пенза туристские потоки сосредоточены в населенных пунктах в районах вдоль трассы «М5», проходящей через Пензенскую область.

Данные по длительности визитов иностранных туристов, посетивших Пензенскую область в период с 01.01.2022 до 31.08.2022, представлены на рис. 3 и позволяют сделать вывод о различной продолжительности путешествий иностранных туристов.

ТОП-30 стран, из которых приезжали иностранные туристы, посетившие Пензенскую область в период с 01.01.2022 до 31.08.2022

Table 8. TOP-30 countries from which foreign tourists came who visited the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

№ п/п	Страна проживания иностранных туристов	Количество поездок	№ п/п	Страна проживания иностранных туристов	Количество поездок
1	Швеция	421	16	Франция	51
2	Нидерланды	368	17	Азербайджан	36
3	Эстония	281	18	Дания	31
4	Германия	267	19	Республика Молдова	28
5	Таджикистан	248	20	Польша	25
6	Австрия	219	21	Китай	24
7	Узбекистан	212	22	Литва	21
8	Республика Беларусь	202	23	Латвия	16
9	Украина	154	24	Туркмения	15
10	Казахстан	149	25	Бельгия	15
11	Киргизия	147	26	Грузия	10
12	Армения	92	27	Великобритания	9
13	Ирландия	75	28	Индия	9
14	США	67	29	Венгрия	8
15	Гонконг	61	30	Йемен	7

Таблица 9

Районы Пензенской области, которые иностранные туристы посетили в Пензенской области в период с 01.01.2022 по 31.08.2022

Table 9. Areas of the Penza region, which foreign tourists visited in the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

№ п/п	Район Пензенской области	Количество, поездки	Доля поездок, %
1	Башмаковский район	124	3,50
2	Бековский район	40	1,13
3	Белинский район	345	9,73
4	Бессоновский район	974	27,46
5	Вадинский район	47	1,33
6	Городищенский район	228	6,43
7	ЗАТО Заречный	51	1,44
8	Земетчинский район	33	0,93
9	Иссинский район	63	1,78
10	Каменский район	132	3,72
11	Камешкирский район	24	0,68
12	Кольшлейский район	54	1,52
13	городской округ Кузнецк	115	3,24
14	Кузнецкий район	108	3,04

№ п/п	Район Пензенской области	Количество, поездки	Доля поездок, %
15	Лопатинский район	42	1,18
16	Лунинский район	31	0,87
17	Малосердобинский район	86	2,42
18	Мокшанский район	212	5,98
19	Наровчатский район	33	0,93
20	Неверкинский район	13	0,37
21	Нижнеломовский район	103	2,90
22	Никольский район	46	1,30
23	Пачелмский район	11	0,31
24	городской округ Пенза	452	12,74
25	Пензенский район	47	1,33
26	Сердобский район	32	0,90
27	Сосновоборский район	13	0,37
28	Спасский район	59	1,66
29	Тамалинский район	18	0,51
30	Шемышейский район	11	0,31

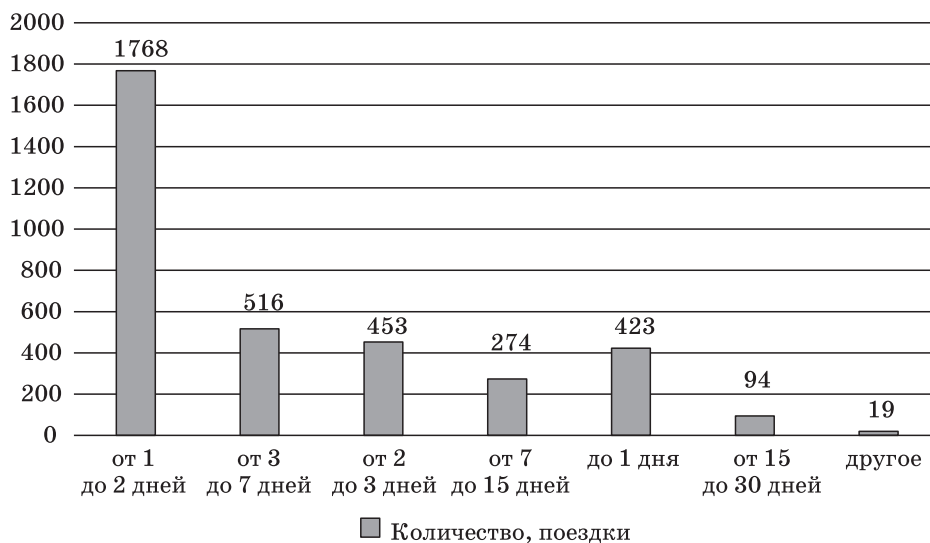

Рис. 3. Длительность визитов иностранных туристов, посетивших Пензенскую область, в период с 01.01.2022 до 31.08.2022

Fig. 3. Duration of visits of foreign tourists who visited the Penza region from 01.01.2022 to 31.08.2022

Дополнительно на основе данных системы «ГеоЭффект» можно сделать следующие выводы об иностранных туристах, посетивших регион в период с 01.01.2022 до 31.08.2022:

- 1) 98,73% поездок совершено иностранными туристами на автомобиле, 1,01% — железнодорожным транспортом, 0,25% — авиа;
- 2) что касается наличия детей у иностранных туристов, то 94,33% поездок совершено туристами, не имеющими детей, 5,67% — имеющими детей. По аналогии с туристами РФ система не позволяет определить, путешествуют ли данные туристы с детьми или нет;
- 3) 4,23% поездок совершено трудоустроенными туристами, 5,5% — не трудоустроенными или работающими удаленно, 2,42% — находящимися в поиске работы, 87,85% — не определены системой. По аналогии с туристами РФ нельзя определить род деятельности туриста, чтобы составить более полный его портрет;
- 4) 9,56% поездок совершено туристами, которые ведут здоровый образ жизни, 90,44% — нет;
- 5) 8,6% поездок совершено туристами, которые имеют автомобиль, 91,4% — нет.

Таким образом, за период с 01.01.2022 до 31.08.2022 по Пензенской области туристами РФ и иностранными туристами совершено 73 433 поездки с целью «туризм». На основе данных цифровой платформы «ГеоЭффект» нами был проведен анализ структуры туристских потоков в регионе, частично описаны профили туристов, выявлены наиболее популярные районы посещения. Стоит отметить, что при работе с платформой «ГеоЭффект» возможно выбрать дополнительные фильтры для более детального анализа структуры туристских потоков:

- 1) выбрать фильтры для сегментации посещающих регион туристов, например, по домашнему региону/стране и сделать выводы по структуре туристского потока из каждого региона/страны, что поможет в работе по продвижению региональных туристских продуктов на целевых рынках сбыта, а также по разработке ценностного предложения;
- 2) выбрать параметры анализа по субъектам исследования — ими могут быть экскурсанты, транзитники или молодые путешественники и детально посмотреть характеристику данных туристских потоков;
- 3) по геолокации можно исследовать объекты посещения — предприятия питания, образовательные учреждения, транспортные терминалы и сервис, финансовые учреждения, медицинские организации, учреждения культуры и отдыха, государственные службы;
- 4) исследовать места размещения туристов (не ночевал, друзья и родственники, коллективные средства размещения, незарегистрированные места размещения);
- 5) исследовать туристские потоки по цели визита (туризм, командировка, друзья и родственники, транзит);
- 6) собрать данные по абонентам всех операторов связи.

Используя большие данные для анализа, правительство Пензенской области может делать выводы о региональных туристских потоках и разрабатывать план действий для развития туристской индустрии в регионе. Стратегически значимыми задачами являются увеличение продолжительности пребывания туристов в регионе и формирование потоков возвратных туристов, посещающих регион, для чего и необходимо учитывать особенности спроса и профили целевых потребителей туристского продукта Пензенской области с целью разработки клиентоориентированных туристских продуктов.

Обсуждение и выводы

В настоящее время в России туризм за счет своего возможного экономического вклада и мультипликативного эффекта оказался в центре внимания власти и биз-

неса. С целью ускорения восстановления туристской индустрии Пензенской области, повышения результативности процессов управления туристской индустрией региона, создания конкурентоспособных региональных туристских продуктов можно дать следующие рекомендации для дорожной карты развития туризма:

- 1) использовать в управлении туристской индустрией Пензенской области маркетинговый подход с ориентацией на целевую аудиторию туристов, их ожидания, возможности, пожелания и цифровую аналитику данных для принятия более эффективных решений;
- 2) для понимания потребностей целевой аудитории сегментировать клиентов и разрабатывать профили региональных туристов, для чего использовать обезличенные данные цифровых туристских платформ компаний «Яндекс», «Сбер», ВТБ, «МегаФон», «Ростелеком», МТС и других технологических компаний, данные социальных сетей, мобильных устройств, туристских онлайн-агентств, местных туристских компаний и из других источников, характеризующие региональные туристские потоки;
- 3) на основе созданных профилей туристов разрабатывать рекомендации по формированию ассортимента региональных туристских продуктов, туристской политики (определение приоритетности исходных рынков, разработка индивидуальных маркетинговых стратегий для различных пользовательских сегментов, расчет ключевых экономических показателей) и максимально результативному взаимодействию туристского бизнеса с целевыми сегментами аудитории (позиционирование туристских продуктов, товарно-ассортиментная политика, ценообразование, политика распределения и продаж, коммуникации, выбор наиболее эффективных платформ для взаимодействия, определение подходящего контента и маркетинговых сообщений, расчет клиентских метрик и т. п.).

Таким образом, цифровая аналитика данных и построение цифровых профилей туристов позволяют туристскому бизнесу интерпретировать существующие данные и строить на их основе новые и продуктивные бизнес-модели, учитывающие поведение пользователей в реальном времени, которое можно отслеживать в динамике, а туристским администрациям сосредоточить ресурсы региона на привлечение туристов с точки зрения потребителей объектах и локациях, формировании для них ценностного предложения, отвечающего их потребностям, повысить удовлетворенность туристов и доверие к региональному турпродукту, что будет способствовать росту регионального туристского потока и активизирует инвестиции в индустрию.

Используемый в данной работе подход построения цифровых профилей региональных туристов с помощью системы «ГеоЭффект» имеет и свои недостатки. В частности, недостаточно данных, чтобы построить полный психографический портрет туристов, для чего необходимо проведение качественных маркетинговых исследований путешественников. В рамках будущих исследований планируется это сделать.

Теоретический вклад проведенного исследования состоит в раскрытии аспектов построения профилей туристов на основе цифровых данных технологических компаний. С практической точки зрения рассматриваемая тема будет интересна компаниям туристского бизнеса и туристским администрациям, разрабатывающим и совершенствующим региональные маркетинговые стратегии. Исследование подчеркивает актуальность использования цифровой аналитики данных для повышения результативности управления туристской индустрией.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Абабков Ю. Н.* Маркетинг в туризме: учебник / Ю. Н. Абабков, М. Ю. Абабкова, И. Г. Филиппова; под ред. Е. И. Богданова. М. : ИНФРА-М, 2023. 214 с.
2. *Абдукурова А. А., Разакова Д. И., Давлетова М. Г.* Глобальный портрет современного туриста: тревел-тренды в маркетинге // Вестник университета «Туран». 2022. № 1. С. 166–173. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-1-166-173.
3. *Аймалетдинов Т. А., Грищенко В. И., Долгова О. А.* Рынок туристических услуг: потребительское поведение и планы россиян. М., 2019. 50 с.
4. *Барышев А. Ф.* Маркетинг в туризме и гостеприимстве: учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2014. 160 с.
5. *Богомазова И. В., Аноприева Е. В., Климова Т. Б.* Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 34–47. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10303.
6. *Бутко И. И.* Маркетинг в туризме / И. И. Бутко, В. А. Ситников, Е. А. Ситников. М. : Дашков и Ко, Наука-Спектр, 2013. 416 с.
7. *Гизун Э. И.* Изменение потребительского поведения в сфере туризма в условиях внешних рисков // Проблемы и перспективы развития туризма в Российской Федерации. Симферополь, 2022. С. 206–209.
8. *Деньга В. И., Карлова А. И.* Внутренний туризм России: основные виды и особенности // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 1. С. 108–114.
9. *Джанджугазова Е. А.* Маркетинговые технологии в туризме: маркетинг туристских территорий: учеб. пособие для среднего профессионального образования. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023.
10. *Донскова Л. И., Маковецкий М. Ю., Баранников А. Л.* Исследование потребителей на рынке внутреннего туризма в период пандемии: предпочтения и тенденции // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 1. С. 33–46. DOI: 10.5281/zenodo.7793279.
11. *Дурович А. П.* Маркетинг в туризме: учеб. пособие. М.: ООО «Новое знание», 2014. 97 с.
12. *Желнина З. Ю.* Потенциал цифровой аналитики в исследовании феномена микротуризма // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 47–53. DOI: 10.24158/пер.2021.5.8.
13. *Коль О. Д.* Маркетинг в туристской индустрии: учебник и практикум для вузов / О. Д. Коль. М. : Юрайт, 2023. 342 с.
14. *Коновалова Е. Е., Макушева О. Н.* Портрет потребителя гостиничного продукта: взгляд через призму времен // Сервис plus. 2022. Т. 16. № 2. С. 129–141. DOI: 10.5281/zenodo.6964566.
15. *Котлер Ф.* Маркетинг. Гостеприимство. Туризм: учебник / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз. М. : Юнити, 2018. 240 с.
16. *Кошурникова Ю. Е.* Разработка портрета современного туриста как основа клиентоориентированности туристского продукта // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22851> (дата обращения: 19.05.2023).
17. *Кружалин В. М., Яковлев А. Р.* Влияние пандемии COVID-19 на поведение и предпочтения туристов // Современные исследования: теория и практика. Петрозаводск, 2022. С. 89–97.
18. *Максимовская О. А.* Модели поведения российских потребителей туристских услуг: новые ожидания и запросы в условиях COVID-пандемии и в постковидный период // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 2 (56) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-povedeniya-rossiyskih-potrebitелей-turistskih-uslug-novye-ozhidaniya-i-zaprosy-v-usloviyah-covid-pandemii-i-v-postkovidnyy> (дата обращения: 19.05.2023).
19. *Сердюкова Н. К., Сердюков Д. А., Баль Н. В.* Анализ трендов развития туризма и гостеприимства в условиях новой реальности // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 40 (2). С. 254–262.
20. *Суханова О. А., Михайлова В. В., Варызгина А. А., Солдаткин А. Е.* Внутренний рынок туризма: что определяет потребительские стратегии? (на примере Нижегородской области) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 44–50. DOI: 10.24158/tpor.2023.3.6.
21. *Траектории конкурентоспособности науки, социальной сферы и экономики: [колл. моногр.] / [колл. авт.]; под общ. ред. Е. Г. Жулиной. Энгельс : ИНИРПК, 2022. С. 56–72.*
22. *Щепетова И. В., Скоробогатых И. И.* Анализ клиентского опыта и экстра-сервис как конкурентное преимущество компании в секторе HoReCa // Практический маркетинг. 2021. № 11. С. 32–41. DOI: 10.24412/2071-3762-2021-11297-32-41.

23. *Karpova G. A., Kuchumov A. V., Voloshinova M. V., Testina Y. S.* (2019) Digitalization of a Tourist Destination. Text: direct. Proceedings of the 2019 International SPBPU Scientific Conference on Innovations in Digital Economy (SPBPU IDE '19). 2019. P. 337–342.

Об авторах:

Гамидуллаева Лейла Айваровна, заведующий кафедрой маркетинга, коммерции и сферы обслуживания Пензенского государственного университета (Пенза, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; gamidullaeva@gmail.com

Зинченко Светлана Владимировна, доцент кафедры маркетинга, коммерции и сферы обслуживания Пензенского государственного университета (Пенза, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; slatynova@mail.ru

References

1. Ababkov Yu. N. Marketing in tourism: textbook / Yu. N. Ababkov, M. Yu. Ababkova, I. G. Filippova; ed. E. I. Bogdanov. M. : INFRA-M, 2023. 214 p. (in Rus).
2. Abdunurova A. A., Razakova D. I., Davletova M. T. Global portrait of a modern tourist: travel trends in marketing // Bulletin of "Turan" University. 2022. N 1 P. 166–173. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-1-166-173 (in Rus).
3. Aimaletdinov T. A., Gritsenko V. I., Dolgova O. A. (2019) Market of Tourist Services: Consumer Behavior and Plans of Russians. M., 2019. 50 p. (in Rus).
4. Baryshev A. F. Marketing in tourism and hospitality: textbook. allowance. M. : Finance and statistics, 2014. 160 p. (in Rus).
5. Bogomazova I. V., Anoprieva E. V., Klimova T. B. Digital economy in the tourism and hospitality industry: trends and prospects // Services in Russia and Abroad [Servis v Rossii i za rubezhom]. 2019. N 13 (3). P. 34–47. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10303 (in Rus).
6. Butko I. I. Marketing in tourism / I. I. Butko, V. A. Sitnikov, E. A. Sitnikov. M. : Dashkov and Co., Nauka-Spectrum, 2013. 416 p. (in Rus).
7. Gizun E. I. Change of Consumer Behavior in Tourism under Conditions of External Risks // Problems and prospects for the development of tourism in the Russian Federation. 2022. Simferopol. P. 206–209 (in Rus).
8. Denga V. I., Karlova A. I. Domestic Tourism in Russia: Main Types and Features // Geopolitics and ecogeodynamics of regions [Geopolitika i ekogeodinamika regionov]. 2022. N 8 (1). P. 108–114 (in Rus).
9. Dzhandzhugazova E. A. Marketing technologies in tourism: marketing of tourist territories: a textbook for secondary vocational education / 3rd ed., rev. and ad. M. : Yurayt Publishing House, 2023 (in Rus).
10. Donskova L. I., Makovetsky M. U., Barannikov A. L. Consumer research in the domestic tourism market during the pandemic: preferences and trends // Services in Russia and Abroad [Servis v Rossii i za rubezhom]. 2023. N 17 (1). P. 33–46. DOI: 10.5281/zenodo.7793279 (in Rus).
11. Durovich A. P. Marketing in tourism: textbook. allowance. M. : LLC "New Knowledge", 2014. 97 p. (in Rus).
12. Zhelnina Z. Yu. Potential of digital analytics in studying the phenomenon of micro-tourism // Society: Politics, Economics, Law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2021. N 5. P. 47–53. DOI: 10.24158/pep.2021.5.8 (in Rus).
13. Kol O. D. Marketing in the tourist industry: a textbook and workshop for universities. M. : Yurayt Publishing House, 2023. 342 p. (in Rus).
14. Konovalova E. E., Makusheva O. N. Portrait of a consumer of a hotel product: a look through the prism of time // Service plus. 2022. N 16 (2), P. 129–141. DOI: 10.5281/zenodo.6964566 (in Rus).
15. Kotler F. Marketing. Hospitality. Tourism: Textbook / F. Kotler, J. Bowen, J. Mackenz. M. : Unity, 2018. 240 p. (in Rus).
16. Koshurnikova Y. E. Working the likeness of modern tourist as basis of the tourist product focused on clients // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2015. N 2–2 [Electronic source]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22851> (accessed: 19.05.2023) (in Rus).
17. Kruzhalin V. M., Yakovlev A. R. Impact of the Covid-19 Pandemic on Behavior and Preferences of Tourists // Modern Research: Theory and Practice. Petrozavodsk, 2022. P. 89–97 (in Rus).

18. Maksimovskaya O. A. Tourism consumer behavior patterns: new expectations and demands in the COVID pandemic and in the post-covid period // Technical and technological problems of the service [Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa]. 2021. N 2 (56) [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-povedeniya-rossiyskih-potrebiteluy-turistskih-uslug-novye-ozhidaniya-i-zaprosy-v-usloviyah-covid-pandemii-i-v-postkovidnyy> (accessed: 19.05.2023) (in Rus).
19. Serdyukova N. K., Serdyukov D. A., Bal N. V. Tourism and Hospitality Development Trends in New Reality // Natural humanities research [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]. 2022. N 40 (2). P. 254–262 (in Rus).
20. Sukhanova O. A., Mikhailova V. V., Varyzgina A. A., Soldatkin A. E. Domestic Tourism Market: What Determines Consumer Strategies? (Case of Nizhny Novgorod Region) // Theory and Practice of Social Development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2023. N 3. P. 44–50. DOI:10.24158/tipor.2023.3.6 (in Rus).
21. Trajectories of the competitiveness of science, the social sphere and the economy: [col. monograph] / [col. ed.]; total ed. E. G. Zhulina. Engels : INIRPK, 2022. P. 56–72 (in Rus).
22. Shchepetova I. V., Skorobogatykh I. I. Analysis of Customer Experience and Extra-Service as a Competitive Advantage of the Company in the HoReCa Sector // Practical marketing [Prakticheskii marketing]. 2021. N 11. DOI:10.24412/2071-3762-2021-11297-32-41 (in Rus).
23. Karpova G. A., Kuchumov A. V., Voloshinova M. V., Testina Y. S. Digitalization of a Tourist Destination. — Text: direct. Proceedings of the 2019 International SPBPU Scientific Conference on Innovations in Digital Economy (SPBPU IDE '19). 2019. P. 337–342.

About the authors:

Leila A. Gamidullaeva, Head of the Department of Marketing, Commerce and Services of Penza State University (Penza, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor; gamidullaeva@gmail.com

Svetlana V. Zinchenko, Associate Professor of Department of Marketing, Commerce and Services, Penza State University (Penza, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; slatynova@mail.ru

Развитие теории и практики расчета стоимости логистических услуг как элемента управления таможенно-логистическими рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

Гетман А. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; getman-ag@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В условиях геополитической нестабильности, введения в отношении нашей страны огромного количества санкций, ведение внешнеэкономической деятельности становится все сложнее и дороже. Одним из важным этапов в международной цепи поставок является таможенная логистика в части осуществления таможенного контроля, прохождение которого в большинстве своем возлагается на логистического оператора (таможенного представителя). Каждый второй товар сегодня содержит интеллектуальную собственность и у таможенных органов предусмотрен ряд механизмов для контроля этой сложной категории товаров. Применение таможенными органами механизмов таможенного контроля, предусмотренного таможенным законодательством ЕАЭС, влияет на сроки выпуска товаров (приостановление выпуска товаров на 20 рабочих дней), а также на конечную стоимость (учет лицензионных платежей в структуре таможенной стоимости товара). В работе проанализированы возникающие таможенно-логистические риски в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Ключевой фигурой при декларировании товаров является, как правило, логистический оператор. Однако на сегодняшний день риски логистического оператора не учитываются при формировании стоимости услуг за совершение операций, связанных с таможенным декларированием товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. В статье структурированы возникающие таможенно-логистические факторы в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. С этой целью на основе таможенно-логистических рисков, которые возникают у логистического оператора при таможенном декларировании товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, определены последствия наступления рассмотренных рисков для него. Разработана методика расчета гибких тарифов логистического оператора, включающая критерии дифференциации тарифов в зависимости от внешних и внутренних факторов, а также предложены корректирующие коэффициенты.

Ключевые слова: международная цепь поставок, товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности, логистический оператор, таможенно-логистические риски, таможенная логистика

Для цитирования: Гетман А. Г. Развитие теории и практики расчета стоимости логистических услуг как элемента управления таможенно-логистическими рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 85–95.

Development of the Theory and Practice of Calculating the Cost of Logistics Services As an Element of Customs and Logistics Risk Management in International Supply Chains for Goods Containing Intellectual Property

Anastasia G. Getman

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; getman-ag@ranepa.ru

ABSTRACT

In conditions of geopolitical instability, the introduction of a huge number of sanctions against our country, conducting foreign economic activity is becoming more and more difficult and expensive. One of the important stages in the international supply chain is customs logistics in terms of customs control, the passage of which is mostly assigned to the logistics operator (customs representative). Every second product today contains intellectual property, and customs authorities have a number of mechanisms to control this complex category of goods. The application by customs authorities of the customs control mechanisms provided for by the customs legislation of the EAEU affects the timing of the release of goods (suspension of the release of goods for 20 working days), as well as the final cost (accounting for license fees in the structure of the customs value of goods). The paper analyzes emerging customs and logistics risks in international supply chains of goods containing intellectual property. The key figure in the declaration of goods is, as a rule, the logistics operator, acting on behalf of and on behalf of the foreign trade participant. However, today the risks of a logistics operator are not taken into account when determining the cost of services for performing operations related to the customs declaration of goods containing intellectual property. The article structures emerging customs and logistics factors in international supply chains of goods containing intellectual property. For this purpose, based on the customs and logistics risks that arise for the logistics operator during the customs declaration of goods containing intellectual property, the consequences of the occurrence of the considered risks for him are determined. A methodology for calculating flexible tariffs for a logistics operator has been developed, including criteria for differentiating tariffs depending on external and internal factors, and correction factors have been proposed.

Keywords: International supply chain, goods containing intellectual property, logistics operator, customs and logistics risks, customs logistics

For citing: Getman A. G. Development of the Theory and Practice of Calculating the Cost of Logistics Services as an Element of Customs and Logistics Risk Management in International Supply Chains for Goods Containing Intellectual Property // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 85–95.

Введение

Сегодня в мире происходят серьезные геополитические изменения, которые последовали сразу за экономическими потрясениями, вызванными пандемией COVID-19 [3]. Несмотря на это, многие компании активно начали вводить в коммерческий оборот новые товары и услуги, расширяя долю интеллектуальной собственности, что способствовало чрезвычайно активному расширению международной охраны, прежде всего, товарных знаков¹. Хотя общее число заявок, поданных в рамках Мадридской системы Всемирной организации интеллектуальной собственности для международной регистрации товарных знаков в 2022 г., было ниже, чем в 2021 г., данный показатель был все же на 8% выше, чем в 2020 г.². Количество зарегистрированных товарных знаков в 2022 г. в Россий-

¹ Роспатент получил рекордное число заявок на регистрацию товарных знаков [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/1prime-31102023> (дата обращения: 22.11.2023).

² В 2021 г. число поданных во всем мире заявок на регистрацию ИС достигло историческо-

ской Федерации, по данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности, увеличилось на 14% по сравнению с предыдущим годом¹. В условиях обширных санкций, вводимых в отношении России рядом стран, и связанных с ними ростом цен на все услуги, связанные с сопровождением товаров (хранение, транспортировка, перевалка, разгрузка и т. д.), требуют оптимизации логистические затраты, которые возникают в связи с совершением таможенных операций с момента прибытия на таможенную территорию товаров и до их выпуска в свободное обращение. По мнению руководителей международных компаний Uber Freight и DHL, прогноз на 2024 г. в отрасли грузоперевозок не оптимистичен, главным аргументом является причина «неопределенности», которая также может привести к новому переломному моменту, когда менее диверсифицированные бизнес-модели не смогут работать на рентабельной основе. Вместе с тем в настоящее время наблюдается свободный рынок цен на предлагаемые услуги логистических операторов, без учета особенностей самого товара. По данным Tank Transport 31 278 автотранспортных компаний либо закрылись, либо перевели свои услуги на более крупные автопарки.

На основании изложенного сформулирована цель исследования: на основе анализа таможенно-логистических рисков факторов в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, разработать гибкую систему стоимости логистических услуг в зависимости от наличия объекта интеллектуальной собственности.

Таможенно-логистические риски

По данным Всемирной таможенной организации (ВТамО) по состоянию на 2023 г. в рамках ВТамО служат более 620 000 должностных лиц таможенных органов, оказывая содействие осуществлению внешнеэкономической деятельности, пополняя федеральный бюджет своей страны, при этом, обеспечивая безопасность граждан, животных, растений и защиту окружающей среды, а также защиту интеллектуальной собственности².

Известно, что ключевой задачей таможенной службы России на 2023 г. остается содействие росту товарооборота и развитию внешней торговли России с дружественными странами. Изменения векторов внешнеторговых связей неминуемо повлекли за собой постановку новых задач перед таможенной логистикой. Временные и финансовые издержки приобрели мощнейший импульс значимости в нестабильной мировой среде. Прежде всего, перечисленные изменения в мировой торговле не могли не затронуть сферу логистических услуг, особенно связанную с перемещением товаров через таможенную границу. Выделим основные таможенно-логистические рискованные факторы в области таможенной логистики, которые актуальны на сегодняшний день:

- рост тарифов на грузоперевозки. Только за первый квартал 2023 г. рост составил от 20 до 30% стоимости тарифов [9];
- отсутствие единых тарифов на совершение таможенных операций. Различные компании предлагают разную стоимость на оказание схожих услуг в сфере таможенного оформления товаров;

го максимума; наиболее существенный рост наблюдается в Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2022/article_0013.html (дата обращения: 22.11.2023).

¹ Основные показатели деятельности Роспатента за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/stat/osnovnye-pokazateli-2022> (дата обращения: 25.08.2023).

² WCO Annual Report 2022–2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/annual-reports/annual-report-2022_2023.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

- увеличение рисков доставки товаров из-за вводимых санкций и вторичных санкций. В период доставки страны транзита могут перейти из статуса «дружественных» в статус «недружественных»;
- отсутствие корректной информации об условиях импорта. Товар может быть заказан до введения санкций одной из стран-сторон контракта.

Вопросы таможенной логистики поднимаются многими исследователями (А. В. Парфенов [7], Н. Г. Плетнева [8], Ю. Е. Гупанова [6]), но преимущественно с позиции системы обслуживания участников внешнеэкономической деятельности со стороны таможенных органов. Вместе с тем, важной составляющей таможенной логистики выступает роль посредников — логистических операторов [10].

Понятие «логистического оператора», а также «таможенно-логистического оператора» не закреплено в таможенном законодательстве, вместе с тем данные термины активно используются в сфере внешнеэкономической деятельности. По сути, это лицо, которое оказывает услуги в сфере логистики, к которым среди прочих относятся таможенные операции, совершаемые как самим оператором непосредственно, так и иным лицом (в том числе, таможенным представителем) по его поручению.

При этом таможенный представитель несет солидарную ответственность с участником ВЭД, являющимся стороной контракта (получателем) товара, хотя он имеет ограниченный доступ к сведениям о сделке с перемещаемым товаром. Категория товара напрямую влияет на применение к нему запретов и ограничений, ставок таможенных пошлин, иных ограничений, поэтому лицо, выступающее от имени владельца товара, должно обладать необходимыми разрешительными документами в целях соблюдения таможенного законодательства.

Невозможно представить себе в наше время товар, особенно готовый к розничной реализации, без объекта интеллектуальной собственности. Конкурентное преимущество у брендированного товара выше особенно, если объект интеллектуальной собственности узнаваем. Преимущество заключается не только в повышенном спросе на продукцию, но и возможности продажи по более высокой стоимости. Как следствие, для владельца объекта интеллектуальной собственности крайне важной представляется защита интеллектуальной собственности с использованием всего арсенала средств, предусмотренных законодательством. Существующие полномочия и механизмы обеспечения защиты интеллектуальной собственности со стороны государственных органов (таможенных органов) накладывают дополнительную обязанность и ответственность на участников ВЭД, осуществляющих перемещение таких товаров через таможенную границу.

Обеспечение защиты интеллектуальной собственности относится к одной из задач таможенных органов, закрепленных в Таможенном кодексе ЕАЭС (ст. 351 ТК ЕАЭС), которая реализуется через инструмент задержания выпуска товаров сроком до 20 рабочих дней. В этой связи у участника ВЭД возникают дополнительные таможенно-логистические риски при перемещении через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности:

Временной риск

1. Задержка сроков выпуска.
2. Увеличение сроков хранения.
3. Увеличение сроков доставки.

Финансовый риск

1. Оплата хранения товара на складе.
2. Оплата выгрузки товара по требованию таможенного органа.

Административный риск

1. Невыпуск товара в установленный срок.
2. Возбуждение дела об АП.
3. Арест или изъятие товара.

Лицензионный риск

1. Невключение в таможенную стоимость лицензионных и иных платежей за использование интеллектуальной собственности.

3. Оплата юридических услуг.	2. Корректировка таможенной стоимости.
4. Оплата экспертизы.	3. Увеличение стоимости товара.
5. Оплата штрафных санкций по контракту.	

Контрактный риск

1. Нарушение условий контракта.
2. Порча товара.
3. Утрата товара.
4. Штрафные санкции за невыполнение условий контракта.

Репутационный риск

1. Понижение надежности клиента.
2. Лишение статуса добросовестного участника ВЭД.
3. Исключение из «Зеленого сектора».

То есть помимо финансовых рисков у участника ВЭД возникают еще пять различных видов риска: административный, временной, репутационный, лицензионный и контрактный. При этом последствия от наступления рассмотренных рисков будут иметь распространение не только на получателя товара, но и на логистического оператора непосредственно (таможенного представителя).

Таможенная логистика в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

Таможенная логистика возникает при появлении в международной цепи поставок таможенного органа как институционального участника этой цепи [6].

Деятельность логистических операторов направлена на сокращение логистических издержек, в том числе через обеспечение эффективного взаимодействия участников ВЭД и таможенных органов. Согласно оценкам Всемирного банка в среднем по всем потенциальным торговым маршрутам с момента прибытия контейнера в порт страны-экспортера до его выхода из порта назначения проходит 44 дня, со стандартным отклонением 10,5 дней. Этот промежуток составляет 60% времени, необходимого для международной торговли товарами¹. Если к этим срокам прибавить возможные простои на таможенной границе с хранением на складе временного хранения, логистические издержки сильно возрастут.

Согласимся с А. В. Парфеновым и Е. А. Смирновой в том, что таможенные логистические услуги играют важнейшую роль не только в определении конечной стоимости товара, но и влияют на развитие рынка услуг в целом [7].

Международные исследователи в области логистики выделяют в качестве нового тренда в области логистических услуг их продажу более «агрессивную», чем в прошлом [13]. Этому есть объективные предпосылки.

Таможенно-логистические факторы, влияющие на логистические издержки, как правило, связывают с таможенными рисками, то есть рисками, связанными с несоблюдением таможенного законодательства и принятием различных мер реагирования со стороны таможенных органов в целях их минимизации. Как правило, основными предпосылками возникновения таможенных рисков являются некорректность и неполнота сведений, заявленных в декларации на товары и отсутствие необходимых разрешительных документов [12]. Именно этими рисками обусловлено появление некоего посредника и в некоторых случаях аутсорсинга услуг в сфере таможенного дела [2; 11]. Этими посредниками выступают логистические операторы, которые либо непосредственно являются таможенными представите-

¹ World Bank Releases Logistics Performance Index 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://lpi.worldbank.org/sites/default/files/2023-04/PressRelease_english.pdf (дата обращения: 02.09.2023).

лями, либо обращаются к их услугам. Статус таможенного представителя можно проверить в реестре таможенных представителей на сайте ФТС России¹.

Стоимость услуг логистического оператора

На итоговый размер логистических издержек влияет стоимость логистических услуг [1]. На сегодняшний день, как отмечалось ранее, рынок предоставляемых таможенно-логистических услуг хаотичен и не фиксирован какими-либо тарифами. Ряд компаний добавляют к стоимости своих услуг некую наценку за подготовку дополнительного комплекта документов — например, в части соблюдения запретов и ограничений², в основном же компании выстраивают свою ценовую политику в зависимости от количества товаров, необходимых к заявлению в декларации на товары или направления перемещения, как импорт-экспорт³.

Вместе с тем, на наш взгляд, наличие объекта интеллектуальной собственности на товаре и связанные с этим возможные риски должны напрямую влиять на размер тарифа логистического оператора. В табл. 1 представлены предложения по тарифам логистического оператора (таможенного представителя) за осуществление сопровождения товарного потока, содержащего объект интеллектуальной собственности при перемещении через таможенную границу с учетом факторов риска. Приведенные в таблице тарифы от А до Н приведены по нарастающей, в зависимости от количества применяемых мер со стороны таможенных органов. Они не конечные и могут дальше расширяться в зависимости от сложности ситуации, то есть могут уменьшаться и увеличиваться.

С учетом наличия/отсутствия различных факторов риска для таможенного представителя могут увеличиваться либо уменьшаться. Так, если в качестве получателя указано лицо, уполномоченное на ввоз товаров, содержащих объект интеллектуальной собственности правообладателем, риски для представителя стремятся к нулю. Если у участника ВЭД, наоборот, ранее были прецеденты привлечения к ответственности за ввоз контрафактного товара, то и риски будут оцениваться как достаточно высокие, в связи с вероятностью повторения правонарушения, и таможенный представитель с помощью коэффициента увеличивает тариф, тем самым, повышая степень собственной защищенности.

Расчет тарифа для логистического оператора (таможенного представителя) будет рассчитываться по формуле:

$$T = T_{\text{нач}} + \sum_{i=1}^n K_i \cdot T_{\text{баз}},$$

где $T_{\text{нач}}$ — базовая стоимость (минимальная) таможенного представителя; T_{max} — стоимость (максимальная) таможенного представителя; $T_{\text{баз}}$ — стоимость, устанавливаемая таможенным представителем ($T_{\text{max}} - T_{\text{нач}}$); $T = T_{\text{нач}}$ — стоимость при отсутствии рисков факторов, тариф представителя; $T_{\text{нач}} + T_{\text{баз}}$ — стоимость в случае выявления всех рисков факторов; K_i — коэффициент рисков факторов (от 0 до 1 в соответствии с табл. 2).

Предлагаемая формула содержит коэффициент рисков факторов, который будет отдельно рассчитываться с учетом своей значимости и одновременной со-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/registers/customs-representatives?ysclid=I3mkrx9wxi> (дата обращения: 01.10.2023).

² Например, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nekgroup.com/services/document-registration/> (дата обращения: 01.10.2023).

³ Например, [Электронный ресурс]. URL: https://eltbroker.ru/uslugi/tamozhennoe_oformlenie_importa (дата обращения: 01.10.2023).

Гибкие тарифы логистического оператора
Table 1. Flexible logistics operator rates

№	Факторы	Тариф А (min)	Тариф В	Тариф С	Тариф D	Тариф Е	Тариф F	Тариф G	Тариф H (max)
1	Получателем товара является уполномоченное правообладателем лицо	+	-	-	-	-	-	-	-
2	Наличие фактов приостановления выпуска товаров данного участника ВЭД	-	-	+	+	-	-	+	+
3	Наличие дела об АП в отношении участника ВЭД, интересы которого представляет	-	-	+	+	-	-	+	+
4	Наличие решения суда (или другого признания) о контрафактности товара у данного участника ВЭД	-	-	+	+	-	-	+	+
5	Наличие разрешительного документа от правообладателя	+	-	+	-	-	-	-	-
6	Товар в перечне параллельного импорта	-	+	-	+	-	+	-	+
7	Скоропортящиеся товары	-	-	+	+	-	-	+	+
8	Предварительное решение по интеллектуальной собственности	+	+	-	-	-	-	-	-
9	Товар относится к распространенной категории контрафактных товаров, выявляемых таможенными органами (согласно данным ФТС России)	-	-/+	+	+	-	-	+	+
10	В документах имеется информация об объектах интеллектуальной собственности	+	-/+	-	-	+	+	-	+
11	Завод изготовителя не является правообладателем (или уполномоченное им)	-	-	-/+	-/+	+	+	+	+
12	Страна происхождения товара — основные страны производства контрафакта (Китай, Тайвань и др.)	-/+	-/+	-/+	-/+	+	+	+	+
13	Товар содержит объект интеллектуальной собственности, внесенный в таможенный реестр	+	+	+	+	-	-	-	-

вокупности. Каждый приведенный коэффициент (K_{1-12}) добавляет «рисковости» поставки, поэтому должен учитываться.

K_1 . Если получателем товара является не уполномоченное правообладателем лицо, то для таможенного органа это может являться признаком нарушения прав интеллектуальной собственности (если товар содержит объект интеллектуальной собственности, внесенный в таможенный реестр) и в таком случае выпуск товара будет приостановлен (ст. 124 ТК ЕАЭС).

K_{2-4} . Если у таможенных органов имеются предположения или информация о наличии фактов нарушений прав интеллектуальной собственности, у таможенных органов будут основания для применения мер в рамках минимизации рисков.

K_5 — при наличии разрешения от правообладателя у таможенных органов отсутствуют основания для проверки соблюдения прав интеллектуальной собственности.

K_6 — в условиях легализации параллельного импорта в отношении определенной категории товаров, таможенные органы обязаны проверить соблюдение прав интеллектуальной собственности без запроса правообладателя, а подтверждение легальности товара относится к обязанности участника ВЭД [5]. В настоящее время механизм проверки оригинальности товара не определен, а следовательно, имеются риски задержки сроков выпуска товаров для проведения дополнительной проверки.

K_{7-8} , K_{10-11} — вспомогательные коэффициенты, которые не являются значимыми по отдельности, но могут являться важным критерием в совокупности. Например: товар из Китая не является однозначно рисковым с точки зрения несоблюдения прав интеллектуальной собственности. Однако, если будут выявляться такие критерии, как отсутствие разрешительного документа, получателем будет являться не уполномоченное лицо, завод-изготовитель не является правообладателем и произведен товар в Китае, то в этом случае риски у логистического оператора (таможенного представителя) будут достаточно высоки.

K_{12} — этот коэффициент становится значимым при срабатывании одновременно K_1 или K_5 . То есть сам по себе факт наличия в таможенном реестре объекта интеллектуальной собственности, содержащейся в товаре, не является риском. Однако несоблюдение условий перемещения таких товаров, а именно перемещение неуполномоченным лицом и без разрешительных документов, приведет к однозначному применению мер со стороны таможенных органов, связанных с приостановлением выпуска товаров.

Таблица 2

Коэффициенты для расчета тарифов за таможенное декларирование товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

Table 2. Coefficients for calculating tariffs for customs declaration of goods containing intellectual property objects

№	Факторы	Коэффициент $K_n = (0-1)$
K_1	Получателем товара является не уполномоченное правообладателем лицо	0,07
K_2	Наличие фактов приостановления выпуска товаров данного участника ВЭД	0,05
K_3	Наличие дела об АП в отношении участника ВЭД, интересы которого представляет	0,05
K_4	Наличие решения суда (или другого признания) о контрафактности товара у данного участника ВЭД	0,05
K_5	Отсутствие разрешительного документа от правообладателя	0,1
K_6	Товар в перечне параллельного импорта	0,2

Окончание табл. 2

№	Факторы	Коэффициент $K_n = (0-1)$
K_7	Скоропортящиеся товары	0,1
K_8	Товар относится к распространенной категории контрафактных товаров, выявляемых таможенными органами (согласно данным ФТС России)	0,07
K_9	В документах имеется информация об объектах интеллектуальной собственности	0,10
K_{10}	Завод изготовителя не является правообладателем (или уполномоченное правообладателем)	0,03
K_{11}	Страна происхождения товара — основные страны производства контрафакта (Китай, Тайвань и др.)	0,02
K_{12}	Товар содержит объект интеллектуальной собственности, внесенный в таможенный реестр	0,08

Заключение

Перемещение через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, обладает повышенными рисками, особенно в условиях ухода с российского рынка многих известных правообладателей и меняющихся условий легализации параллельного импорта в отношении определенных категорий товаров.

Предлагаемые тарифы позволят учитывать современные и меняющиеся таможенно-логистические факторы в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, позволив упорядочить как методику расчета, так и ситуацию с логистическими тарифами на рынке ЕАЭС, в целом.

Разработка оптимальной системы расчетов логистических услуг, выполненная на основе методов анализа и синтеза, направлена на развитие теоретико-прикладной таможенной логистики и позволит повысить надежность цепей поставок в современных условиях, а также спрогнозировать таможенно-логистические риски, связанные с наличием объектов интеллектуальной собственности в товаре.

Литература

1. Арский А. А. Особенности формирования стоимости логистической услуги // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 1. С. 44–47. EDN SFUJVL.
2. Арский А. А. Логистический аутсорсинг как инструмент антикризисного управления // Стратегии бизнеса. 2018. № 12(56). С. 13–15. EDN VPJNCO.
3. Бойко И. В., Гетман А. Г. Международные цепи поставок: новые тренды в условиях коронавирусной пандемии // Управленческое консультирование. 2020. № 11 (143). С. 42–48.
4. Гетман А. Г. Последствия наступления рисков участников ВЭД, возникающих при перемещении через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 161–166. DOI: 10.26163/GIEF.2021.46.26.024. EDN QMRSSB.
5. Гетман А. Г. Влияние легализации параллельного импорта на безопасность цепей поставок // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 3. С. 200–205. DOI: 10.26163/GIEF.2022.51.48.029. EDN FFJTCW.
6. Гуланова Ю. Е. Таможенно-логистический фактор снижения издержек участников внешне-экономической деятельности // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 2 (51). С. 37–44. EDN QVDGZV.

7. Парфенов А. В., Смирнова Е. А. Логистические технологии финансовых расчетов в таможенной сфере // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2 (110). С. 52–57. EDN LBITHN
8. Плетнева Н. Г., Блаженкова Т. А. Таможенные аспекты в минимизации логистических затрат при организации международных перевозок // Вестник гражданских инженеров. 2021. № 2 (85). С. 263–268. DOI: 10.23968/1999-5571-2021-18-2-263-268. EDN VVUPXG.
9. Федоренко Р. В. Методология управления комплексами услуг в таможенной сфере : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Самара, 2015. 22 с. EDN ZPQRBP.
10. Федоренко Р. В. Развитие аутсорсинга услуг в таможенной сфере / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Самарский ин-т (фил.) Гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Российский гос. торгово-экономический ун-т». СПб. : Инфо-да, 2009. 155 с. EDN QTGXKP.
11. Шуклина Э. Н., Нефедов С. С. Система управления рисками в таможенной логистике // Вектор экономики. 2019. № 1 (31). С. 17. EDN VTLVBQ.
12. McKinnon A. C. The Outsourcing of Logistical Activities // Book Global Logistics and Distribution Planning. P. 215–234 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/345046526_The_Outourcing_Of_Logistical_Activities (дата обращения: 01.09.2023).
13. LaRocco L. A. The Global freight recession will continue in 2024: CNBC Supply Chain Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2023/11/07/freight-recession-will-continue-in-2024-cnbc-supply-chain-survey.html> (дата обращения: 01.09.2023).

Об авторе:

Гетман Анастасия Геннадьевна, заведующий кафедрой таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; getman-ag@ranepa.ru

References

1. Arsky A. A. Peculiarities of logistics service cost formation // Economics. Taxes. Right [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2014. N 1. P. 44–47. EDN SFUJVL (in Rus).
2. Arsky A. A. Logistics outsourcing as a tool for crisis management // Business strategies [Strategii biznesa]. 2018. N 12 (56). P. 13–15. EDN VPJNCO (In Rus).
3. Boyko I. V., Getman A. G. International supply chains: new trends in the context of the coronavirus pandemic // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 11 (143). P. 42–48 (in Rus).
4. Getman A. G. Consequences of the occurrence of risks of foreign economic activity participants arising from the movement of goods containing intellectual property across the customs border // Journal of Legal and Economic Research [Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy]. 2021. N 2. P. 161–166. DOI: 10.26163/GIEF.2021.46.26.024. EDN QMRSSB (in Rus).
5. Getman A. G. Impact of the legalization of parallel imports on the safety of supply chains // Journal of Legal and Economic Research [Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy]. 2022. N 3. P. 200–205. DOI: 10.26163/GIEF.2022.51.48.029. EDN FFJTCW (in Rus).
6. Gupanova Yu. E. Customs and Logistics Factor of Cost Reduction of Participants in Foreign Economic Activity // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2020. N 2 (51). P. 37–44. EDN QVDGZV (in Rus).
7. Parfenov A. V., Smirnova E. A. Logistic technologies of financial settlements in the customs sphere // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 2 (110). P. 52–57. EDN LBITHN (In Rus).
8. Pletneva N. G., Blazhenkova T. A. Customs aspects in minimizing logistics costs in organizing international transportation // Bulletin of Civil Engineers [Vestnik grazhdanskikh inzhenerov]. 2021. N 2(85). P. 263–268. DOI: 10.23968/1999-5571-2021-18-2-263-268. EDN VVUPXG (in Rus).
9. Fedorenko R. V. Methodology of management of service complexes in the customs sphere: author. Dis.... Dr. econ. sciences: 08.00.05. Samara, 2015. 22 p. EDN ZPQRBP (in Rus).
10. Fedorenko R. V. Development of outsourcing of services in the customs sphere. St. Petersburg: Info-da, 2009. 155 p. EDN QTGXKP (in Rus).

11. Shuklina Z. N., Nefedov S. P. Risk Management System in Customs Logistics // Economic Vector [Vektor ekonomiki]. 2019. N 1 (31). P. 17. EDN VTLVBQ (in Rus).
12. McKinnon A. C. The Outsourcing of Logistical Activities // Book Global Logistics and Distribution Planning. P. 215–234 [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/345046526_The_Outourcing_Of_Logistical_Activities (accessed: 01.09.2023).
13. LaRocco L. A. The Global freight recession will continue in 2024: CNBC Supply Chain Survey [Electronic source]. URL: <https://www.cnbc.com/2023/11/07/freight-recession-will-continue-in-2024-cnbc-supply-chain-survey.html> (accessed: 01.09.2023).

About the author:

Anastasia G. Getman, Head of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; getman-ag@ranepa.ru

Современное состояние системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения регионов страны*

Ковалев С. П.¹, Яшина Е. Р.¹, Турзин П. С.², Лукичев К. Е.³, *

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

²Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация.

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *lukichev.lkl@gmail.com

РЕФЕРАТ

В настоящее время в условиях высокого риска продолжения пандемии и введения новых санкций особую актуальность приобретает сохранение как профессионального здоровья, так и работоспособности работающего населения. Поэтому большую значимость приобретает определение реального состояния системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения регионов страны. С этой целью было выполнено социологическое исследование, состоящее в опросе с использованием специально разработанной анкеты руководителей органов управления регионов страны. Анализ результатов исследования позволил выявить существующую ситуацию по этой проблеме в ряде регионов страны и систематизировать как основные факторы, в настоящее время сдерживающие развитие системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионах, так и определить вид необходимой помощи, требуемой регионам со стороны федеральных органов власти для успешного развития данной системы управления. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, работающее население, органы управления, регионы, трудоспособность

Для цитирования: Ковалев С. П., Яшина Е. Р., Турзин П. С., Лукичев К. Е. Современное состояние системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения регионов страны // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 96–108.

The Current State of the Management System for the Process of Reducing the Disability of the Working Population of the Country's Regions

Kovalev S. P.¹, Yashina E. R.¹, Turzin P. S.², Lukichev K. E.³*

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

²Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russian Federation.

³Financial University under the Government of the Russian Federation; *lukichev.lkl@gmail.com

ABSTRACT

Currently, in conditions of high risk of the continuation of the pandemic and the introduction of new sanctions, the preservation of both professional health and the working capacity of the working population is of particular relevance. Therefore, it is of great importance to determine the real state of the management system of the process of reducing the

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

disability of the working population of the country's regions. For this purpose, a sociological study was carried out, consisting in a survey using a specially developed questionnaire of heads of government bodies of the regions of the country. The analysis of the results of the study made it possible to identify the existing situation on this problem in a number of regions of the country and systematize both the main factors currently constraining the development of the management system for reducing the level of disability of the working population in the regions, and to determine the type of necessary assistance required by the regions from the federal authorities for the successful development of this management system. The article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPА.

Keywords: professional health, working population, government bodies, regions, working capacity

For citation: Kovalev S. P., Yashina E. R., Turzin P. S., Lukichev K. E. The current state of the management system for the process of reducing the disability of the working population of the country's regions // *Administrative consulting*. 2023. N 12. P. 96–108.

Введение

Проблема разработки новых организационных и информационных направлений комплексного подхода к управлению процессом снижения нетрудоспособности работающего населения страны, безусловно, обладает несомненной актуальностью и научно-практической значимостью, особенно в условиях цифровизации, пандемии и санкций.

Сохранение, укрепление и улучшение профессионального здоровья работающего населения страны в настоящее время весьма важно, поскольку обусловлено острой необходимостью снижения влияния последствий случаев нетрудоспособности, вызванных заболеваемостью, травматизмом, долечиванием в санаторно-курортном учреждении, болезнью члена семьи, за которым необходим уход, и другими причинами, работающего населения на эффективность функционирования как предприятий различных форм собственности, так и на экономику страны в целом.

Под нетрудоспособностью (нарушением трудоспособности) понимается состояние организма, обусловленное заболеванием, травмой и их последствиями или другими причинами, когда выполнение профессионального труда полностью или частично, в течение ограниченного времени или постоянно, невозможно. Нетрудоспособность может быть как временной (полной и частичной), так и стойкой (полной и частичной) [1; 2; 5; 7].

Проблема развития системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения страны является междисциплинарной (медицинской, социально-экономической и информационной) и включает решение ряда актуальных задач [3; 4; 6; 8]:

- улучшения медицинского обеспечения работников предприятий в целях снижения их общей заболеваемости, улучшения профессионального здоровья и продления профессионального долголетия;
- оптимизации системы охраны труда для уменьшения риска возникновения профессиональных заболеваний, улучшения экологических и эргономических характеристик рабочих мест;
- совершенствование системы обучения и подготовки медицинских кадров, что будет способствовать улучшению выполнения ими профилактических и лечебно-реабилитационных мероприятий.

Представлял особый интерес вопрос с состоянием в регионах страны системы управления процессом снижения нетрудоспособности их работающего на-

селения. В связи с этим было выполнено специальное социологическое исследование.

Методы и организация исследования

В целях определения активности региональных и муниципальных органов власти по разработке и внедрению организационных подходов субъектами Российской Федерации для обеспечения управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения региона была осуществлена рассылка ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) в Органы исполнительной власти 85 регионов страны опросного листа (анкеты), включающего 30 вопросов, ориентированного на получение актуальной информации от практиков уровня субъекта Российской Федерации с предусмотренной возможностью внесения предложений соответствующих предложений по совершенствованию существующих подходов.

В результате анализа результатов выполненного РАНХиГС национального опроса с применением специализированного опросника оказалось, что получены заполненные опросные листы с актуальной информацией и предложениями по развитию комплексного подхода к управлению процессом снижения нетрудоспособности работающего населения страны от региональных органов исполнительной власти только 26 субъектов Российской Федерации, что составляет менее трети (30,5%) от общего числа регионов страны.

В подготовке ответов — заполнении опросных листов в опросе участвовали представители различного уровня администраций регионов: Правительства, Министерства здравоохранения, Министерства семьи, труда и социальной защиты населения, Министерства социального развития, труда и занятости, Министерства труда, занятости и социальной защиты и т. д., также ими были привлечены специалисты подведомственных организаций.

Следует обратить внимание, что в ряде таблиц, представляющих собой итоги анкетирования по каждому конкретному вопросу в процентном соотношении, суммарное количество ответов составляет больше 100%. Это обусловлено тем, что вопросы, на которые были даны ответы субъектами Российской Федерации в рамках проведения опроса, подразумевают несколько вариантов ответов одновременно.

Результаты и их обсуждение

В целом итоги анализа результатов опроса руководства органов исполнительной власти участвующих в опросе субъектов Российской Федерации по опроснику «Развитие комплексного подхода к управлению процессом снижения нетрудоспособности работающего населения страны» показали, что проблема обоснования, разработки и применения современной методологии и технологий управления процессом снижения нетрудоспособности работников для регионов является весьма актуальной и важной.

По итогам анализа результатов проведенного опроса было выявлено, что основными официальными документами, принятыми в органах исполнительной власти субъектов страны в сфере совершенствования существующих подходов к разработке и применению современной методологии и технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения региона, являлись (по степени убывания): региональные программы (76,9%), корпоративные программы (42,3%), муниципальные программы (38,5%), планы мероприятий (23,1%), региональные проекты (19,2%). Ссылки на документы на официальном

сайте указали 26,9%. Разработана 1 стратегия. Концепции не разрабатывались совсем.

В участвующих в опросе регионах используются наиболее часто реализуемые направления: сначала — реализация корпоративных программ (61,5%), потом реализация муниципальной программы укрепления общественного здоровья (57,7%), затем реализация региональной программы (53,8%), потом реализация регионального проекта (38,5%), затем реализация нормативно-правовых и методологических документов (23,1%), потом пилотные проекты (7,7%).

Основными официальными стратегическими документами в субъектах Российской Федерации по развитию данной проблемы были названы принятые во исполнение следующие нормативные правовые акты и другие регламентирующие документы: Федеральные законы (4), Указы Президента РФ (3), Приказы Минздрава России (3), Постановления Правительства РФ (2), Национальные проекты (2), Распоряжение Правительства РФ (1) и т. д.

Администрацией регионов было налажено взаимодействие со следующими государственными структурами: рядом Департаментов и подведомственных научных и других организаций Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, а также Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации и другими.

Работа по формированию и внедрению процедуры реагирования в условиях пандемии или воздействия иного экстремального фактора на потенциальную чрезвычайную ситуацию, связанную с повышенным уровнем нетрудоспособности работающего населения, выполнялась почти в половине (46,4%) опрошенных регионов.

Деятельность по формированию и поддержанию в надлежащем состоянии документированной информации для управления такой чрезвычайной ситуацией, связанной с повышенным уровнем нетрудоспособности работающего населения, выполнялась только в 26,9% опрошенных регионов.

Были выявлены следующие актуальные задачи по управлению процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в опрошенных регионах (табл. 1).

Таким образом, были определены следующие актуальные задачи по управлению процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в опрошенных регионах (по степени убывания): проведение профилактических мероприятий среди работников и проведение вакцинации работников (по 80,1%); обеспечение работников масками и перчатками (73,1%); проведение дезинфекционных мероприятий (65,4%); сохранение, укрепление и улучшение профессионального здоровья и продления профессионального долголетия работников и обеспечение карантинного режима и ограничительных мероприятий (по 61,5%); создание оптимальных санитарно-гигиенических, экологических и эргономических условий деятельности работников на их рабочих местах (61,5%); другой ответ (отсутствие ответа) (11,5%).

Наряду с этим оказалось, что представители регионов считают наиболее эффективными результатами эффективности развития проблемы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе (по степени убывания): повышение выявляемости хронических неинфекционных заболеваний (61,5%); уменьшение среднего срока временной нетрудоспособности (57,7%); снижение риска заболеваемости и повышение лояльности работников к руководству (50,0%); увеличение производительности труда, работоспособности и эффективности деятельности; снижение количества стрессовых и конфликтных ситуаций, повышение стрессоустойчивости работников; улучшение имиджа предприятия, по мнению работников, и повышение их мотивации (по 26,9%); снижение стоимости страхования по добровольному медицинскому страхованию (19,2%); повышение

Ответы на вопрос «Какие актуальные задачи по управлению процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения решаются в вашем регионе?»

Table 1. Answers to the question "What are the current tasks for managing the process of reducing the disability of the working population in your region?"

№ п/п	Актуальные задачи	Количество ответов, %
1	Сохранение, укрепление и улучшение профессионального здоровья и продления профессионального долголетия работников	61,5
2	Проведение профилактических мероприятий среди работников	80,1
3	Проведение вакцинации работников	80,1
4	Проведение дезинфекционных мероприятий	65,4
5	Обеспечение карантинного режима и ограничительных мероприятий	61,5
6	Обеспечение работников масками и перчатками	73,1
7	Создание оптимальных санитарно-гигиенических, экологических и эргономических условий деятельности работников на их рабочих местах	61,5
8	Другой ответ	11,5

лояльности работников к руководству, увеличение прибыли предприятия при снижении расходов и росте доходов (15,4%); снижение текучести кадров и расходов на адаптацию работников, увеличение вероятности привлечения более квалифицированного персонала (7,7%).

Мониторинг системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения осуществляется в 38,5% опрошенных регионов, в 11,5% опрошенных регионов в настоящее время не проводится, но планируется, а в 11,5% опрошенных регионов и не проводится, и пока не планируется.

Предложения представителей руководства регионов относительно улучшения системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения сконцентрировались в основном на следующих направлениях:

- формировании междисциплинарного подхода к управлению процессом сохранения, укрепления и улучшения профессионального здоровья работающего населения страны, состоящем, прежде всего, в улучшении как системы медицинского обеспечения работающего населения, так и системы охраны их труда;
- разработке комплексной межведомственной программы по охране граждан, которая бы согласовывала активность министерств и ведомств.

Кроме этого, было рекомендовано разработать и внедрить комплекс организационных мероприятий для работодателей:

- по повышению личной заинтересованности работодателя в обеспечении охраны и укрепления здоровья работников;
- по введению показателей работы для руководителей организаций: охват вакцинацией, уровень работников, прошедших профилактические медицинские осмотры и диспансеризацию;
- по снижению уровней профессиональных рисков в организации, динамическому наблюдению работников в организациях, имеющих вредные условия труда, путем открытия здравпунктов, медпунктов, а также проведению профилактических мероприятий, направленных на повышение здорового образа жизни;

- по активной совместной работе с Администрацией муниципальных образований, предприятий и медицинских организаций;
- по проведению предварительных и периодических медицинских осмотров работников;
- по проведению профилактических, диагностических, лечебных, реабилитационных мероприятий в отношении лиц с ранними признаками нарушения состояния здоровья, связанных с воздействием вредных и (или) опасных производственных факторов;
- по расширению и улучшению базы реабилитации, оплаты работодателями посещений спортивных залов, комплексов;
- по внедрению корпоративных программ по укреплению здоровья на рабочем месте, мероприятий, направленных на сохранение, укрепление и улучшение профессионального здоровья и продление профессионального долголетия работников, поощрение работников, ведущих здоровый образ жизни, отказавшихся от курения и т. д.;
- по улучшению имиджа предприятия, по мнению работников, и повышение их мотивации;
- по определению единого консультанта для решения вопросов и проблем, связанных с реализацией тенденции снижения уровня нетрудоспособности работающего населения.

Наряду с этим предлагаются организационные мероприятия, направленные на:

- установление дополнительных льгот и гарантий для санаторно-курортного обеспечения работающего населения;
- снижение риска развития социально значимых хронических заболеваний;
- повышение выявляемости хронических неинфекционных заболеваний;
- снижение количества стрессовых и конфликтных ситуаций, повышение стрессоустойчивости работников.

Также рекомендуются организационные мероприятия по активизации охраны труда:

- улучшение контроля за выполнением требований и инструкций по технике безопасности;
- уделение особого внимания и проведение курсового обучения по охране труда и технике безопасности с рабочими;
- проведение проверки знаний техники безопасности персонала, обслуживающего электроустановки, грузоподъемные машины;
- устранение в оборудовании конструктивных недостатков, последствия которых могут привести к травмам;
- устройство новых или модернизация имеющихся средств коллективной защиты работников от воздействия опасных и вредных производственных факторов и т. д.

Из полученных ответов следует, что в опрошенных регионах проводится информационно-коммуникационная кампания по оказанию через средства массовой информации информационной поддержки работодателям и их работникам, направленная на повышение эффективности управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения, посредством использования (по мере убывания): через телевидение (69,2%); радиопередачи (57,7%); интернет (50,0%); газеты, журналы (42,3%); другие источники (38,5%) (официальные сайты медицинских организаций, баннеры наружной рекламы, социальная реклама на общественном транспорте и т. д.).

Также оказалось, что лишь в 38,5% опрошенных регионов проводятся исследования по выявлению интересов и потребностей работодателей и их работников к разработке и внедрению методологии и технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения.

Было выявлено, что по мнению представителей администрации регионов пандемия и ограничительные меры оказали на систему управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе в основном негативное влияние (38,5%), чуть менее в 34,6% — нейтральное значение. 7,7% от опрошенных регионов расценили это влияние как положительное, а 19,2% затруднились ответить.

Представители Администрации участвующих в опросе регионов в своих ответах заявили, что пандемия и ограничительные меры повлияли на значения основных показателей уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе негативно и уровень нетрудоспособности работников увеличился (26,9%). 11,5% от опрошенных регионов заявили, что изменений не отмечено. Наряду с этим представители двух регионов отметили сокращение уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе в интервале 0–25%, а одного региона даже в интервале 25–50%. Половина представителей опрошенных регионов затруднились с ответом.

Исходя из полученных ответов из участвующих в опросе регионов, средний уровень содействия региональных органов власти в получении мер поддержки предприятиям различных форм собственности, направленной на снижение уровня нетрудоспособности их работников, был оценен самым большим количеством опрошенных регионов — 19,2%. Высокий уровень и низкий уровень отметили одинаково по 11,5% опрошенных регионов. Затруднились ответить 57,8% участвующих в опросе регионов.

Было определено, что только в трех регионах выполнялся анализ экономической и социальной эффективности применения лучших технологий по снижению уровня нетрудоспособности работников. Однако каким образом этот анализ осуществлялся не сообщалось. В 42,3% регионов такой анализ пока не проводится. Один регион ответил, что такой анализ проводится в рамках регионального конкурса «Лучшая корпоративная/муниципальная практика стимулирования здорового образа жизни».

Оказалось, что представители Администрации участвующих в опросе регионов отнесли к наиболее эффективным из разработанных и (или) внедренных в регионе технологиям управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения:

- проведение предварительных и периодических медицинских осмотров работников;
- реализацию корпоративных программ укрепления здоровья работников предприятий/организаций, выполняемых в рамках региональных проектов «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек (Укрепление общественного здоровья)» национального проекта «Демография»;
- проведение экспертизы временной нетрудоспособности;
- пропаганду здорового образа жизни и воспитание культуры здоровья среди взрослого населения;
- профосмотры и диспансеризацию трудоспособного населения;
- ежегодное проведение «Недели безопасности труда в целях повышения заинтересованности организаций района в создании условий труда, соответствующих условиям сохранения жизни и здоровья работников, содействия предотвращению несчастных случаев и заболеваний на рабочих местах», приуроченные к Всемирному дню охраны труда и т. д.

К основным ожидаемым результатам внедрения технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионах при ответах были отнесены:

- снижение числа случаев нетрудоспособности;
- снижение числа дней нетрудоспособности;

- снижение уровня производственного травматизма и несчастных случаев на производстве, улучшение условий труда, профессиональной заболеваемости;
- повышение охвата диспансерным наблюдением;
- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни;
- снижение смертности трудоспособного населения;
- результаты внедрения разработанных корпоративных программ «Укрепление общественного здоровья» в ряде расположенных в регионах организаций;
- снижение численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда и т. д.

В качестве примеров лучших управленческих решений на уровне субъекта Российской Федерации по мотивированию работодателей региона к управлению временной нетрудоспособностью работников были приведены следующие решения:

- Приказ Минздрава Республики «Об утверждении плана мероприятий по внедрению нематериального стимулирования для медицинских работников государственных учреждений здравоохранения Республики», направленный на внедрение нематериальных стимулов закрепления медицинских работников и снижения оттока кадров в другие регионы из медицинских организаций Республики;
- Областная программа «Укрепление общественного здоровья населения области на 2020–2024 годы»;
- создание Координационного совета по внутриведомственному и межведомственному взаимодействию по вопросам здорового образа жизни и профилактики заболеваний;
- план по снижению уровня травматизма и улучшению условий труда;
- реализация корпоративных программ улучшения общественного здоровья;
- разработан «Конструктор социальных льгот и гарантий», содержащий 24 наиболее востребованные у работников льготы и гарантии, из которых 8 направлены на сохранение здоровья и профилактику заболеваний. При этом все они взяты из реально действующих на территории региона коллективных договоров различных предприятий. Данный конструктор предложен работодателям для формирования своего приемлемого объема предпочтений;
- для стимулирования работодателей к улучшению условий труда своих работников и профилактике профзаболеваний и травматизма на предприятиях впервые достигнуты договоренности социальными партнерами о включении в Трехстороннее соглашение обязательства работодателей по компенсации морального вреда в связи с виновным причинением работнику трудового увечья либо профессионального заболевания. Заключено Соглашение между областным союзом «Федерация профсоюзов области», объединениями работодателей области, Правительством области на 2022–2024 гг.;
- применение различных методов материальной (оплата труда, страхование работника) и нематериальной мотивации (улучшение душевного состояния и расположения духа, различные комплексы программ для повышения квалификации, интеллекта, эрудиции, самосовершенствования) и другие.

Было выявлено, что в 33,3% участвующих в опросе регионов стимулирование работодателей и руководителей медицинских и иных социально направленных организаций по созданию условий для разработки и внедрения технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения практически не осуществляется. Однако представители Администрации 66,7% опрошенных регионов ответили более оптимистично — пока не проводится.

Было выявлено, что стимулирование работодателей и руководителей медицинских и иных социально направленных организаций по созданию условий для разработки и внедрения технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения проводится в 19,2% опрошенных регионов. Практи-

чески не проводится подобная работа в 15,4% опрошенных регионов. Пока не проводится в 26,9% опрошенных регионов.

Оказалось, что в 23,1% опрошенных регионов проводились конкурсы по определению лучших технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения:

- региональный конкурс «Лучшая корпоративная/муниципальная практика стимулирования здорового образа жизни»;
- областной конкурс «Лучшая организация работы по охране труда»;
- областной конкурс «Лучший социально ответственный работодатель года»;
- конкурс на лучшую корпоративную практику и другие.

Конкурсы пока не проводятся в 30,7% опрошенных регионов.

Было определено, что анализ экономической и социальной эффективности применения лучших практик по снижению уровня нетрудоспособности работников крупных предприятий страны в участвующих в опросе регионах проводился только в 15,4% опрошенных регионов:

- профильными исполнительными органами;
- в рамках регионального конкурса «Лучшая корпоративная/муниципальная практика стимулирования здорового образа жизни»;
- в части анализа производственного травматизма, профессиональной заболеваемости и условий труда.

Органам управления более чем половине (66,6%) участвующих в опросе регионов оказывают практическую помощь в развитии системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работников, работающих на предприятиях, расположенных на территории их региона, подведомственные Минздраву России и Минтруда России организации.

Администрацией участвующих в опросах регионов были выбраны следующие предложения по улучшению организационного, правового, методического, технологического и информационного обеспечения системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе (табл. 2).

Из ответов участвующих в опросе регионов следует, что они полагают — использование технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособ-

Таблица 2

Ответы на вопрос «Ваши предложения по улучшению организационного, правового, методического, технологического и информационного обеспечения системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в вашем регионе?»

Table 2. Answers to the question "Your proposals for improving the organizational, legal, methodological, technological and information support of the system for managing the process of reducing the disability of the working population in your region?"

№ п/п	Показатели	Предложения, %
1	Повышение заинтересованности работодателей	88,5
2	Повышение заинтересованности работников	88,5
3	Повышение заинтересованности медицинских кадров	73,1
4	Повышение квалификации менеджеров	19,2
5	Повышение квалификации медицинских кадров	30,8
6	Увеличение финансирования данного направления	69,2
7	Внедрение зарубежного опыта	19,2
8	Другой ответ	11,5

ности работающего населения в регионе безусловно полностью способствует (по степени убывания): укреплению здоровья и улучшению самочувствия работников (61,5%); сокращению затрат на медицинское обслуживание (30,8%); росту производительности труда (23,1%); повышению заработной платы (7,7%).

Из анализа ответов было выявлено, что использование технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе способствует для работодателей достижению следующих результатов (табл. 3).

Анализ полученных из регионов ответов позволил выявить основные факторы, в настоящее время сдерживающие развитие системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионе:

- отсутствие комплексной методологии и единого государственного подхода в данном направлении;
- отсутствие федеральных методических рекомендаций;
- отсутствие мотивации и заинтересованности у работодателей внедрения на своем предприятии корпоративных программ укрепления здоровья на рабочем месте;
- отсутствие обязанности у работодателей по укреплению здоровья работников, отсутствие механизмов и способов мотивирования работодателей;
- отсутствие организационных, правовых, технологических и информационных методик по снижению количества случаев нетрудоспособности, общего числа дней нетрудоспособности и частоты заболеваний, травматизма работников;
- отсутствие четкого взаимодействия между структурами и ведомствами;
- кадровый дефицит;
- низкая мотивация работников к ведению здорового образа жизни и участию в профилактических мероприятиях;
- отсутствие культуры по сохранению своего здоровья у работников;
- ограниченность доступа работников в спортивные сооружения для бесплатного занятия физической культурой;

Таблица 3

Ответы на вопрос «На примере вашего региона можно ли сегодня говорить о том, что использование технологий управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в вашем регионе способствует для работодателей?»

Table 3. Answers to the question "On the example of your region, can we say today that the use of technologies for managing the process of reducing the disability of the working population in your region contributes to employers?"

№ п/п	Позиции	Количество ответов, %
1	сохранению здоровых трудовых ресурсов	53,8
2	сокращению трудопотерь по болезни	53,8
3	снижению количества несчастных случаев	42,3
4	снижению текучести кадров	11,7
5	росту производительности труда	34,6
6	повышению имиджа компании	34,6
7	другой ответ	Отсутствие ответа — 26,9%

- недостаточный уровень финансирования охраны труда на производстве;
- отсутствие в ряде организаций:
 - ◆ инженерно-технических систем (или они признаны малоэффективными) санитарно-технического оборудования (системы вентиляции, очистки воздуха);
 - ◆ эффективных средств индивидуальной защиты работников;
 - ◆ рабочих столовых.

Оказалось, что с результатами развития системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в стране за последние годы знакома Администрация более трети (38,5%) от общего количества участвующих в опросе регионов. Практически незнакомы 34,6% опрошенных регионов.

Анализ ответов Администрации участвующих в опросе регионов позволил выявить, какой вид помощи требуется регионам страны со стороны федеральных органов власти для успешного развития системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения:

- принятие нормативно-правового акта, регулирующего систему управления процессом снижения уровня нетрудоспособности;
- разработка единых федеральных методических рекомендаций;
- разработка методических указаний (рекомендаций) по развитию и управлению процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения;
- нормативно-правовая и методологическая поддержка;
- формирование на федеральном уровне реестра лучших практик по снижению уровня нетрудоспособности работников;
- проведение федеральными экспертами анализа эффективности применения лучших практик по снижению нетрудоспособности работающего населения;
- финансовая поддержка организациям, внедрившим корпоративные программы (в виде понижения налоговой ставки, для премирования работников, ведущих здоровый образ жизни (ЗОЖ) и не болеющих). Премирование работодателей за создание условий для мотивации работников вести ЗОЖ;
- расширение заинтересованности работодателей в развитии ЗОЖ, в том числе в рабочее время;
- возобновление работы цеховой службы на предприятиях, организациях, расширение службы охраны труда;
- информационное взаимодействие всех заинтересованных структур и ведомств для поддержки предприятий, направленное на снижение числа случаев и дней временной нетрудоспособности.

Выводы

1. Анализ полученных из участвующих в опросе регионов страны ответов позволил выявить:

- основные факторы, в настоящее время сдерживающие развитие системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения в регионах;
- какой вид помощи требуется регионам со стороны федеральных органов власти для успешного развития системы управления процессом снижения уровня нетрудоспособности работающего населения.

2. Исходя из результатов проведенного опроса, вполне очевидно, что крайне необходимо активизировать работу органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по решению актуальной и важной социально-медицинской и экономической проблемы развития системы обеспечения управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения страны, прежде всего при выполнении

национальных проектов «Здравоохранение», «Демография» и входящих в них федеральных и региональных проектов.

Литература

1. Арутюнов А. Т., Денисенко В. И., Турзин П. С., Ходжаев С. С. Профилактическая медицина и эпидемиология: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Г. Г. Онищенко, В. И. Покровского. М.; Смоленск : Маджента, 2010. 756 с.
2. Генералов А. В., Лукичев К. Е., Яшина Е. Р., Кнутов А. Н., Евсеев А. С. К вопросу о совершенствовании услуг по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий // Экономика и предпринимательство. 2019. № 3 (104). С. 1277–1280.
3. Евсеев А. С., Зембатов Г. Р., Зюрин Э. А., Лукичев К. Е. Анализ мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, по совершенствованию системы физической культуры и спорта с учетом стратегии развития отрасли // Вестник спортивной науки. 2017. № 5. С. 48–52.
4. Лукичев К. Е. Место статистического инструментария в механизме государственного управления организациями, осуществляющими спортивную подготовку // Вестник спортивной науки. 2017. № 1. С. 3–7.
5. Лукичев К. Е., Турзин П. С., Яшина Е. Р. Актуальные вопросы внедрения и применения телемедицинских технологий // Экономика и предпринимательство. 2019. № 10 (111). С. 1024–1028.
6. Миронов С. П., Арутюнов А. Т., Турзин П. С. Факторы риска заболеваний и их профилактики. М. : ЗАО «Принт-Ателье», 2008. 272 с.
7. Миронов С. П., Арутюнов А. Т., Егорова И. А., Мкртумян А. М., Турзин П. С. и др. Телемедицинские аспекты послевузовского обучения врачей // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2011. № 1. С. 122–127.
8. Ушаков И. Б., Давыдов Б. И., Турзин П. С. Рискметрия в медико-биологических исследованиях // Гигиена и санитария. 2002. № 6. С. 16–19.

Об авторах:

Ковалев Сергей Петрович, заведующий лабораторией информационных технологий в управлении Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации; sp_kov@mail.ru

Яшина Елена Романовна, ведущий научный сотрудник лаборатории информационных технологий в управлении Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор медицинских наук; socinstitut@mail.ru

Турзин Петр Степанович, ведущий научный сотрудник отдела организации здравоохранения ГБУ города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы» (Москва, Российская Федерация), доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации; b71112@yandex.ru

Лукичев Константин Евгеньевич, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; lukichev.lkl@gmail.com

References

1. Arutyunov A. T., Denisenko V. I., Turzin P. S., Khodzhaev S. S. Preventive medicine and epidemiology: Encyclopedic dictionary-reference book / ed. G. G. Onishchenko, V. I. Pokrovsky. M.; Smolensk : Magenta, 2010. 756 p. (in Rus).

2. Generalov A. V., Lukichev K. E., Yashina E. R., Knutov A. N., Evseev A. S. On the issue of improving medical care services using telemedicine technologies // Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2019. N 3 (104). P. 1277–1280 (in Rus).
3. Evseev A. S., Zembatov G. R., Zyurin E. A., Lukichev K. E. Analysis of the activities carried out by the subjects of the Russian Federation to improve the system of physical culture and sports, taking into account the development strategy of the industry // Bulletin of sports science [Vestnik sportivnoi nauki]. 2017. N 5. P. 48–52 (in Rus).
4. Lukichev K. E. Place of statistical tools in the mechanism of public administration of organizations carrying out sports training // Bulletin of sports science [Vestnik sportivnoi nauki]. 2017. N 1. P. 3–7 (in Rus).
5. Lukichev K. E., Turzin P. S., Yashina E. R. Actual issues of introduction and application of telemedicine technologies // Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2019. N 10 (111). P. 1024–1028 (in Rus).
6. Mironov S. P., Arutyunov A. T., Turzin P. S. Risk factors of diseases and their prevention. Moscow: Print-Atelier, 2008. 272 p. (in Rus).
7. Mironov S. P., Arutyunov A. T., Egorova I. A., Mkrtumyan A. M., Turzin P. S. and others. Telemedicine aspects of postgraduate training of doctors // Kremlin medicine. Clinical Herald [Kremlevskaia meditsina. Klinicheskii vestnik]. 2011. N 1. P. 122–127 (in Rus).
8. Ushakov I. B., Davydov B. I., Turzin P. S. Riskometry in biomedical research // Hygiene and sanitation [Gigiena i sanitaria]. 2002. N 6. P. 16–19 (in Rus).

About the authors:

Sergey P. Kovalev, Head of the Laboratory of Information Technologies in the Management of the Institute of Applied Economic Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economics, Honored Economist of the Russian Federation; sp_kov@mail.ru.

Elena R. Yashina, Leading Researcher at the Laboratory of Information Technologies in the Management of the Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), Doctor of Medical Sciences; socinstitut@mail.ru.

Petr S. Turzin, Leading Researcher of the Department of Healthcare Organization of the State Budgetary Institution of Moscow “Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow” (Moscow, Russian Federation), Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation; b71112@yandex.ru .

Konstantin E. Lukichev, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Candidate of Law, Associate Professor; lukichev.kl@gmail.com.

Умный город как элемент устойчивого развития мегаполиса

Александрова О. А., Минина М. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *minina-mv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В наше время цифровизация охватывает все сферы жизни, в том числе и отрасль жилищно-коммунального хозяйства. В таких мегаполисах, как Санкт-Петербург и Сингапур, уже давно внедряются «умные» технологии, которые позволяют оптимизировать управление городской инфраструктурой и повышать качество жизни жителей.

Объектом исследования является цифровизация сферы жилищно-коммунального хозяйства в мегаполисах.

Цель статьи заключается в изучении опыта внедрения «умных» технологий в сфере ЖКХ в Санкт-Петербурге и Сингапуре.

В статье раскрываются вопросы цифровизации сферы жилищного-коммунального хозяйства. Рассматриваются уникальные решения Санкт-Петербурга и Сингапура в рамках внедрения «умных» технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства. На основе сравнительного анализа опыта внедрения «умных» технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства в двух мегаполисах выявляются основные преимущества и недостатки и формулируются рекомендации Санкт-Петербургу по улучшению этой сферы на основе опыта Сингапура.

Ключевые слова: «умное» жилищно-коммунальное хозяйство, «умные» технологии, цифровизация, автоматизация, системы мониторинга

Для цитирования: Александрова О. А., Минина М. В. Умный город как элемент устойчивого развития мегаполиса // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 109–117.

Smart City as an Element of Sustainable Development of the Metropolis

Olga A. Aleksandrova, Marina V. Minina*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *minina-mv@ranepa.ru

ABSTRACT

Nowadays, digitalization covers all spheres of life, including the housing and communal services sector. Smart technologies have been introduced in megacities such as St. Petersburg and Singapore for a long time, which make it possible to optimize the management of urban infrastructure and improve the quality of life of residents.

The object of the study is the digitalization of the sphere of housing and communal services in megacities.

The purpose of the article is to study the experience of the introduction of “smart” technologies in the housing and utilities sector in St. Petersburg and Singapore.

The article reveals the issues of digitalization of the sphere of housing and communal services. The unique solutions of St. Petersburg and Singapore in the framework of the introduction of “smart” technologies in the field of housing and communal services are considered. Based on a comparative analysis of the experience of the introduction of “smart” technologies in the field of housing and communal services in two megacities, the main advantages and disadvantages are identified, and recommendations are formulated to St. Petersburg to improve this area based on the experience of Singapore.

Keywords: “Smart” housing and communal services, “smart” technologies, digitalization, automation, monitoring systems

For citing: Aleksandrova O. A., Minina M. V. Smart city as an element of sustainable development of the metropolis // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 109–117.

Введение

Новый этап индустриального развития во всех странах сопряжен с внедрением информационных технологий, что, в свою очередь, в значительной степени меняет приоритеты развития современных городов. Все чаще цифровизация инфраструктуры рассматривается как основной ресурс развития городской среды, который представляет возможности для оптимизации экономических процессов, создания инноваций в социальной сфере, формирования новых моделей управления, что создает предпосылки для внедрения технологий умных городов [2, с. 3017].

Сегодня «умный город» — это не просто набор отдельных инновационных проектов, а комплексная система, объединяющая все структуры и инструменты управления городом. В этой связи особое значение приобретает сотрудничество между государственными органами, бизнесом и населением.

В Санкт-Петербурге уже создано множество интерактивных сервисов для жителей, которые помогают им получать информацию о состоянии дома или благоустройстве территории и эффективно общаться с коммунальными службами. Но в основном это лишь небольшие изменения, которые не меняют городскую среду радикально. Поэтому представляется важным проанализировать процессы, позволяющие считать Санкт-Петербург действительно «умным» и изменяющие качество жизни его граждан к лучшему.

Что такое «умное» жилищно-коммунальное хозяйство?

Концепция «умного» устойчивого города — это концепция высокоэффективной «системы систем», основанной на горизонтальной и вертикальной интеграции городских процессов, в которой в полном объеме используются данные, которые создаются системами, действующими на основе IoT [1, с. 52]. Важным направлением развития города является внедрение «умных» технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее ЖКХ). Согласно определению, данному на портале IoT.ru, «Умное ЖКХ — это часть концепции умного города, отвечающая за автоматизацию жилищно-коммунального хозяйства для своевременного получения показаний счетчиков, контроля работы оборудования, предотвращения аварийных ситуаций, прозрачности работы объектов ЖКХ и т. д.»¹.

«Умное» ЖКХ базируется на использовании данных и аналитике для принятия решений, автоматическом контроле за процессами и максимально эффективном использовании ресурсов.

Важными элементами «умного» ЖКХ являются:

1. Автоматизация управления различными системами (отопление, вентиляция, освещение), что позволяет экономить ресурсы и повышать комфортность жилья.
2. Внедрение «умных» приборов учета потребления ресурсов (вода, газ, электричество), которые позволяют контролировать расходы и оптимизировать затраты.
3. Использование датчиков и IoT-технологий для мониторинга состояния инженерных систем и быстрого выявления неисправностей.

¹ Умное ЖКХ [Электронный ресурс]: Новости Интернета вещей IoT.ru. URL: <https://iot.ru/wiki/umnoe-zhkhk> (дата обращения: 07.04.2023).

4. Системы видеонаблюдения и контроля доступа позволяют повысить безопасность жилья.
5. Технологии сбора данных о качестве воздуха, шумовом загрязнении и других факторах окружающей среды позволяют выявлять проблемы и принимать меры для улучшения экологической обстановки.

Конечно, для того чтобы достичь устойчивого развития мегаполиса с помощью «умных» технологий, необходимо предусмотреть грамотное управление, которое включает в себя комплексный подход и тесное взаимодействие многих структурных подразделений. Важно также обеспечить качественную обработку и защиту данных, а также обучение персонала для работы с новыми технологиями. Кроме того, необходимо учитывать социальные и экономические аспекты внедрения «умных» технологий, чтобы они были доступны и полезны для всех слоев населения.

«Умное» жилищно-коммунальное хозяйство в Санкт-Петербурге

Прежде всего необходимо выяснить, насколько «умен» сейчас Санкт-Петербург. Существует множество индексов, делающих это возможным. В данной статье рассматривается «Индекс городов в движении 2022 года», разработанный бизнес-школой Университета Наварры (IESE)¹.

Санкт-Петербург находится в рейтинге на 13-м месте среди 183 городов с показателем 35,98/100, относящимся к низкому уровню развития (130 — Сан-Паулу, Бразилия; 132 — Богота, Колумбия). Наиболее развитой сферой городской жизни в этом рейтинге отмечается государственное управление (23-я позиция), а наихудшей — городское планирование (183-я позиция). Таким образом, Санкт-Петербург обладает огромным интеллектуальным и профессиональным потенциалом, который используется недостаточно рационально прежде всего из-за плохо организованной и неисправной системы городского планирования и низкого уровня технологического развития.

Внедрение технологий «умного» города в сфере ЖКХ является одним из ключевых направлений развития городской инфраструктуры. Однако для успешной реализации таких проектов необходимо соответствующее законодательство.

В Санкт-Петербурге действует ряд законов и нормативных актов, которые регулируют вопросы жилищно-коммунального хозяйства. Например, Закон «О жилищной политике Санкт-Петербурга», который устанавливает начала правового регулирования жилищных отношений в Санкт-Петербурге и общие принципы реализации гражданами, проживающими в Санкт-Петербурге, конституционного права на жилище². Также существует Государственная программа Санкт-Петербурга «Обеспечение доступным жильем и жилищно-коммунальными услугами жителей Санкт-Петербурга», целью которой является улучшение жилищных условий и повышение качества и доступности предоставления жилищно-коммунальных услуг жителям Санкт-Петербурга³.

¹ IESE Cities in Motion Index 2022 // IESE: Официальный сайт Университета Наварры [Электронный ресурс]. URL: <https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0633-E.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

² Закон Санкт-Петербурга от 26.04.2006 № 221–32 «О жилищной политике Санкт-Петербурга» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=1625860&req=doc&rnd=h9jSjg&base=SPB&n=266839zfSOlcTe3DbzOUHl> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Постановление Санкт-Петербурга от 23.05.2014 № 491 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Обеспечение доступным жильем и жилищно-коммунальными услугами жителей Санкт-Петербурга» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=148903-0&req=doc&rnd=h9jSjg&base=SPB&n=272866ETxOlcTkVrxNcN01> (дата обращения: 20.04.2023).

Также в 2021 г. была принята Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга, в которой рассматриваются проблемы города и проекты, при помощи которых планируется их решить. Из наиболее значимых проектов следует выделить: Новый умный дом (Формирование платформы цифрового ЖКХ на базе модернизированной ГИС ЖКХ); Обращение с отходами производства и потребления в Санкт-Петербурге; Современный инженерно-энергетический комплекс Санкт-Петербурга¹.

Итак, вопрос «умного» ЖКХ в нормативно-правовых актах Санкт-Петербурга рассматривается, но в достаточно ограниченном виде. Значит для эффективной работы «умных» систем требуются изменения в законодательстве.

Внедрение технологий «умного» города в сфере ЖКХ становится все более актуальным в Санкт-Петербурге. Одной из основных задач такого внедрения является повышение качества и комфорта жизни горожан.

В этой связи, на сегодняшний день уже применяются различные решения для оптимизации управления жилыми комплексами и обслуживания домов. Например, до конца 2023 г. энергетики должны завершить процесс замены квартирных электросчетчиков на «умные» приборы². Эта технология позволяет снизить нагрузку на энергетическую сеть за счет более эффективного использования энергоресурсов, что может помочь снизить расходы на ее обслуживание и модернизацию.

В Санкт-Петербурге ведет деятельность компания *Intelliger*, благодаря которой в некоторых жилых комплексах, например, в ЖК «Русский дом», используются системы «умного» отопления и кондиционирования воздуха, которые позволяют экономить энергоносители и создавать оптимальный микроклимат в помещении³.

Стоит также отметить значительное развитие технологий, связанных с управлением платежами за коммунальные услуги. Сегодня уже существуют приложения, которые позволяют контролировать расходы и оплачивать услуги без посещения банка или платежных терминалов, например, у компаний ПАО «Территориально генерирующая компания № 1» (ТГК-1), ООО «Единая Информационная Система ЖКХ» (ЕИС ЖКХ), АО «Единый информационно-расчетный центр Санкт-Петербурга» (ЕИРЦ СПб). Но у всех этих приложений низкий рейтинг (AppStore: ТГК-1 — 1,6, ЕИС ЖКХ — 1,7, ЕИРЦ СПб — 3,3; Google Play: ЕИРЦ СПб — 1,9). Пользователи отмечают множество проблем в приложениях, например, постоянные ошибки (ТГК-1), несвоевременное направление квитанций (ЕИС ЖКХ). Таким образом, несмотря на то, что приложения есть, они требуют тщательной доработки.

Важным аспектом оказывается и внедрение «умной» системы освещения в парадных домов Санкт-Петербурга, которая является одним из элементов «умного» ЖКХ. Такая система состоит из датчиков движения и освещенности, которые автоматически включают свет в парадной при появлении человека и выключают его через время. Благодаря этому решению можно существенно уменьшить расходы на электроэнергию и увеличить продолжительность эксплуатации ламп.

Несмотря на достаточно большое количество принятых решений в сфере цифровизации ЖКХ, существует риск недофинансирования и отказ управляющих ком-

¹ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга от 25.08.2021 // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/strategiyautv.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

² С января 2022 г. энергетики должны устанавливать умные счетчики // Новостной портал RG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/s-ianvaria-2022-goda-energetiki-dolzny-ustanavlivat-umnye-schetchiki.html> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Квартира в ЖК «Русский дом» // Сайт компании *Intelliger* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intelliger.ru/kvartira-v-zhk-%C2%ABrusskij-dom%C2%BB.html> (дата обращения: 20.04.2023).

паний внедрять «умные» технологии. Это следует из того факта, что Санкт-Петербург входит в пятерку регионов с самой большой просрочкой перед предприятиями ЖКХ (23 млрд руб. по данным на 2021 г.)¹. Помимо этого, управляющие компании могут столкнуться с другими препятствиями, такими как отсутствие квалифицированных кадров для работы с новыми технологиями, неподготовленность и недостаточная осведомленность жильцов, ограниченный бюджет и отсутствие государственной поддержки.

Таким образом, внедрение технологий «умного» ЖКХ является одной из ключевых задач развития Санкт-Петербурга. Реализация проектов в этой области позволит сделать город более комфортным и удобным для жизни, а также способствует повышению уровня экологической безопасности и устойчивого развития.

«Умное» жилищно-коммунальное хозяйство в Сингапуре

Правительство Сингапура уже давно развивает сферу ЖКХ. Оно ориентировано на внедрение цифровых технологий во всех сферах. Для этого существует инициатива «Умная нация», которая предполагает преобразование города с помощью технологий, в котором важную роль играют три субъекта: цифровое правительство, цифровая экономика и цифровое общество.

Цифровое правительство инвестирует в инфраструктуру и создает открытые платформы для обучения и развития граждан Сингапура.

Цифровая экономика в Сингапуре создает новые возможности для развития стартапов и инновационных проектов в сфере «умного» ЖКХ².

Цифровое общество дает гражданам Сингапура возможность развивать свои таланты и вооружаться новейшими цифровыми технологиями, чтобы реализовать свой потенциал.

Существуют различные режимы продаж для покупателей с разными потребностями и сроками. Также, чтобы лучше удовлетворять жилищные потребности семей, одиноких и пожилых людей, в Сингапуре существует огромное количество видов жилья (рис.). Благодаря такому разнообразию каждый горожанин может подобрать место проживания исходя из его нужд и возможностей³.

Стоит учитывать, что большинство граждан проживает в квартирах HDB. Директор группы HDB Building & Research Institute, утверждает, что в таком жилье проживает 80% населения⁴. Именно в этих квартирах внедряется большинство высоких технологий в сфере ЖКХ.

В Сингапуре внедрены инновационные решения для оптимизации управления жилыми комплексами и повышения качества жизни жителей. Большинство новых строительных проектов оснащено системой автоматического управления освеще-

¹ Просрочка по долгам перед компаниями ЖКХ обновила рекорд начала пандемии // Новостной портал РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/24/07/2021/60f6e1dd9a79470ede298bac> (дата обращения: 17.04.2023).

² Transforming Singapore Through Technology // Singapore Government Agency Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/transforming-singapore/> (дата обращения: 11.04.2023).

³ Evolution of public housing in Singapore // Singapore Government Agency Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.sg/article/evolution-of-public-housing-in-singapore> (дата обращения: 10.04.2023).

⁴ Michelle Ng. From utilitarian flats to smart-enabled homes: How HDB's designs evolved for the next generation. // The Straits Times. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/housing/from-utilitarian-flats-to-smart-enabled-homes-how-hdbs-designs-evolved-for-the> (дата обращения: 17.04.2023).

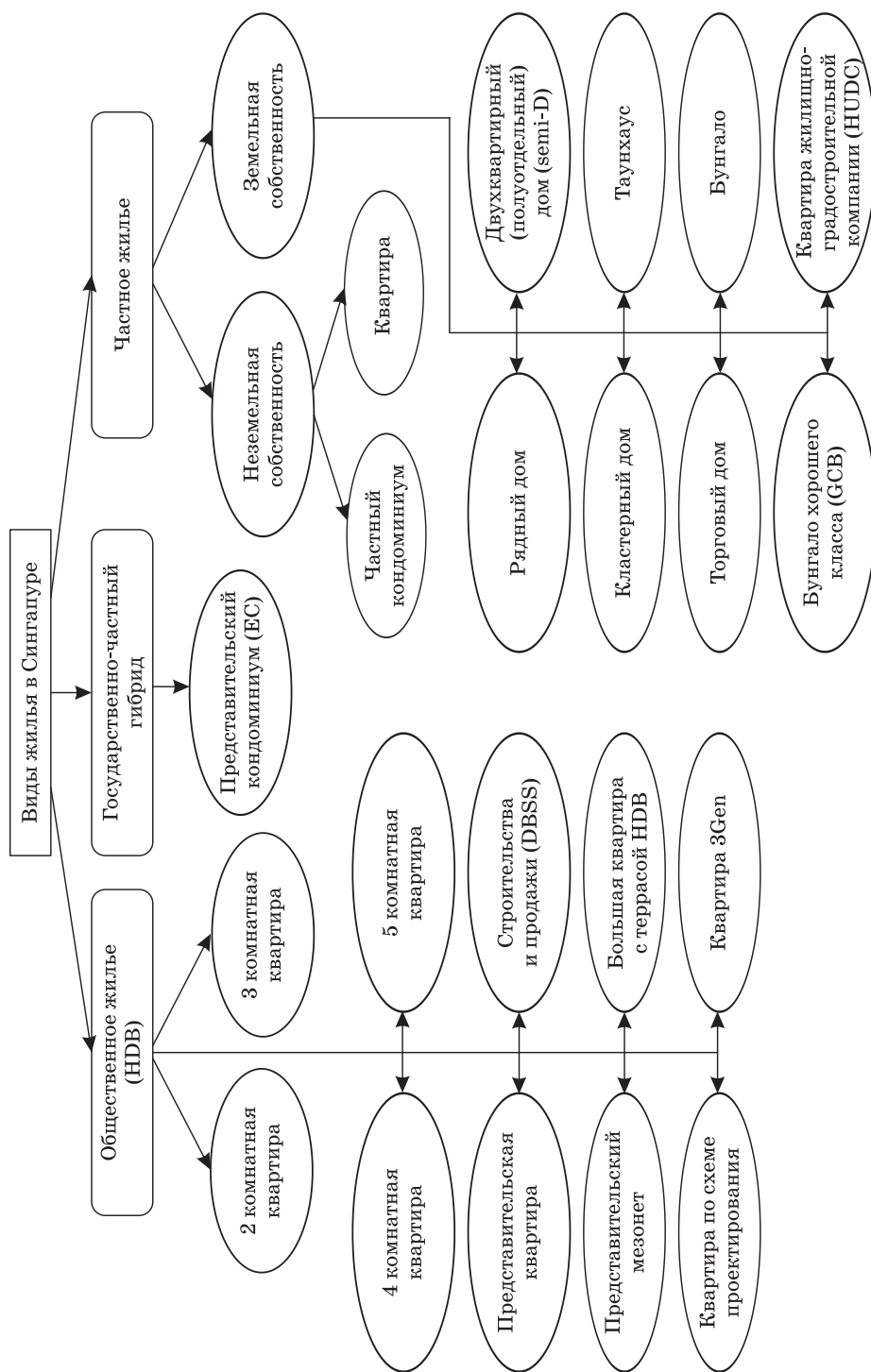

Рис. Виды жилья в Сингапуре (разработано авторами)
 Fig. Types of housing in Singapore (developed by the authors)

нием, кондиционированием воздуха и другими устройствами. Это позволяет экономить энергию и снижать затраты на коммунальные услуги.

Еще одной технологией, которая активно используется в Сингапуре, является система мониторинга потребления энергии. Жители получают информацию о своих расходах на электричество, газ и воду через интернет или специальные приложения на смартфонах. Это помогает им контролировать свое потребление и снижать затраты на коммунальные услуги. Также существует система наблюдения за пожилыми людьми. Она изучает привычки человека с помощью различных устройств и в случае необходимости предупреждает родственников или других лиц, осуществляющих уход¹.

Кроме того, в 38 жилых домах Юйхуа, в рамках проекта HDB Greenprint, была внедрена система автоматического управления отходами (Pneumatic Waste Conveyance System — PWCS). Благодаря ей уменьшаются экологические и санитарные проблемы, связанные с открытыми методами сбора мусора. Утилизация отходов автоматизирована, что снижает потребность в рабочей силе и повышает производительность².

В 2022 году Сингапур вошел в историю, став первой страной, создавшей цифрового двойника (SingPass) всей своей нации³.

В сфере «умного» ЖКХ Сингапура SingPass может использоваться для получения доступа к электронной системе оплаты счетов за коммунальные услуги, которая позволяет жильцам оплачивать счета онлайн, без посещения офиса управляющей компании. Кроме того, это помогает повысить уровень безопасности, поскольку авторизация происходит через цифровой идентификатор, что предотвращает несанкционированный доступ к системам управления.

Помимо этого, в Сингапуре активно внедряются и другие «умные технологии». Например:

- солнечная фотоэлектрическая система (Solar Photo Voltaic (PV) system) — преобразование естественного солнечного света в солнечную энергию;
- система регенерации энергии лифта (Elevator Energy Regeneration System — EERS) — внедрена в лифтовую систему для снижения энергопотребления;
- инициатива по светодиодному освещению на открытом воздухе (Outdoor LED initiative) — замена уличного освещения на энергосберегающее светодиодное. Энергопотребление снижается как минимум на 50%, повышается безопасность жителей⁴.

Эти возможности демонстрируют значительный потенциал «умного» жилищно-коммунального хозяйства в Сингапуре и его значимость для улучшения качества жизни граждан и экологической устойчивости города.

Однако следует учитывать тот факт, что Сингапур — это небольшое государство с ограниченными ресурсами, значит страна сильно зависит от политических и эко-

¹ HDB Smart Enabled Home // Housing & Development Board [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hdb.gov.sg/about-us/our-role/smart-and-sustainable-living/smart-hdb-town-page/hdb-smart-home-exhibition> (дата обращения: 10.04.2023).

² HDB Greenprint // Housing & Development Board [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hdb.gov.sg/cs/infoweb/about-us/our-role/smart-and-sustainable-living/hdb-greenprint> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Zoria S. Technological Advancements That Make Singapore a Smart City // IoT for all. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iotforall.com/singapore-smart-city> (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ Yuhua Residents First to Benefit from Sustainable Features with Completion of HDB Greenprint // Housing & Development Board [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hdb.gov.sg/cs/infoweb/about-us/news-and-publications/press-releases/yuhua-residents-first-to-benefit-from-sustainable-features> (дата обращения: 12.04.2023).

номических связей. Так, например, Китай является самым крупным импортером и экспортером Сингапура¹. Кроме экономических связей, Китай и Сингапур имеют дипломатические отношения, начиная с 1990 года.

Также важно отметить, что Тайвань является крупным инвестором в Сингапуре, особенно в сфере производства полупроводников и электроники. Более того, Сингапур и Тайвань подписали множество двусторонних соглашений, направленных на укрепление торговых и экономических связей.

Помимо этого, Сингапур является партнером США в военной и экономической сферах [3, р. 1].

Исходя из вышеизложенного влияние США и Китая на стабильность «умного» ЖКХ Сингапура может быть двояким. С одной стороны, эти страны являются ведущими экономическими силами, которые положительно влияют на экономику Сингапура и, следовательно, на «умное» ЖКХ. С другой стороны, США и Китай являются важными партнерами Сингапура, и их отношения могут повлиять на устойчивость региона.

Однако Сингапур стремится оставаться нейтральным в своих отношениях с США и Китаем. Стабильность и безопасность в регионе являются приоритетом для Сингапура, и «умное» ЖКХ — это один из механизмов для достижения этих целей.

Сравнивая умное ЖКХ Санкт-Петербурга и Сингапура, можно сделать выводы.

1. Оба мегаполиса имеют проекты цифровизации и модернизации сферы ЖКХ, но в Сингапуре они успешно реализуются, а Санкт-Петербург лишь формирует базу для внедрения технологий в этой отрасли.

2. В Санкт-Петербурге, как и в целом в России, внедрение «умных» технологий, особенно в сфере ЖКХ, сталкивается с рядом проблем и ограничений, в то время как в Сингапуре процессы и процедуры отлажены и инновации находят быстрое и эффективное применение.

3. В Сингапуре информационная безопасность обеспечивается на уровне государства, тогда как в Санкт-Петербурге поиск путей решения проблемы утечки и кражи личных данных горожан находится на начальном этапе.

4. Сингапур эффективно развивается благодаря взаимодействию трех субъектов: правительства, бизнеса и населения. Санкт-Петербург пытается формировать сотрудничество между правительством города, научным и экспертным сообществом, бизнес-структурами и горожанами на основе диалога и обратной связи.

5. Стабильная экономика и высокий уровень жизни в Сингапуре позволяет государству привлекать высокопрофессиональных наемных сотрудников и предпринимателей из разных стран мира, что повышает конкурентоспособность государства. Санкт-Петербург в настоящее время испытывает трудности с привлечением специалистов в области строительства, цифровых технологий и инфраструктурных проектов, а государственная миграционная политика и, в целом, политическая и экономическая ситуация в стране, увы, пока не способствует развитию умных городов в полной мере.

Заключение

Санкт-Петербургу необходима единая стратегия развития «умного» ЖКХ с участием государственных, общественных и частных организаций на основе совершенствования системы управления и мониторинга ЖКХ, а также улучшения качества инфраструктуры и сетей связи для обеспечения бесперебойной работы систем

¹ Singapore Trade // Статистический портал World Integrated Trade Solution [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/SGP/textview> (дата обращения: 22.04.2023).

«умного» ЖКХ с высокой скоростью передачи данных и надежной связью между устройствами и системами.

Безусловно, невозможно внедрение «умного» ЖКХ без осмысления приоритетов городской политики, направленной на обеспечение развития инновационных технологий и эффективное использование ресурсов, и создание благоприятной экосистемы, объединяющей государственные, общественные и частные интересы.

Литература

1. Дюдюн Т. Ю., Старостина Н. А. «Умный город» как основная составляющая инфраструктуры будущего // Вестник МГЭИ. 2019. № 4. С. 49–58.
2. Семячков К. А. Цифровые данные как ключевой ресурс развития умных городов // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 12. С. 3003–3020.
3. Tan S. S. America the Indispensable Power: Singapore's Perspective of America as a Security Partner // Asian Politics & Policy. Vol. 8. N 1. P. 119–135.

Об авторах:

Александрова Ольга Андреевна, студент факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); olyaleksa29@yandex.ru.

Минина Марина Виссарионовна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; minina-mv@ranepa.ru.

References

1. Dyudyun T. Yu, Starostina N. A. "Smart city" as the main component of the infrastructure of the future // Bulletin of the MGEI [Vestnik MGEI]. 2019. N 4. P. 49–58 (in Rus).
2. Semyachkov K. A. Digital data as a key resource for the development of smart cities // Economics, entrepreneurship, and law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]. 2020. N 12. P. 3003–3020 (in Rus).
3. Tan S. S. America the Indispensable Power: Singapore's Perspective of America as a Security Partner // Asian Politics & Policy. Vol. 8. N 1. P. 119–135.

About the authors:

Olga A. Aleksandrova, student of the Faculty of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); olyaleksa29@yandex.ru

Marina V. Minina, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences; minina-mv@ranepa.ru

Анализ регионального СПО: что в приоритете?

Григорьев В. Ю.*; Бедарева Л. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР госзадания РАНХиГС 11.3-2023-1 «Анализ организационно-экономических механизмов повышения эффективности развития региональных систем СПО». В статье исследуется состояние системы среднего профессионального образования регионов России на базе анализа количественных параметров специальностей/профессий, по которым производится обучение. Выработана методологическая база для дальнейших исследований, включающая определение приоритетной для региона специальности/профессии, базирующееся на вычисляемом индексе выявленного сравнительного преимущества, механизм компенсации одних специальностей другими по трем различным сценариям.

Рассмотрены зависимости между удельным весом специальности и долей регионов, в которых данная специальность приоритетна, проверена и статистически отклонена гипотеза о связи между долей специальностей/профессий, по которым регион имеет выявленное сравнительное преимущество и межрегиональной миграцией населения для диапазона возрастов 14–19 лет, возникающей за счет экспорта образования.

Выдвинута и подтверждена гипотеза о том, что высокая доля специальностей/профессий, по которым регион имеет выявленное сравнительное преимущество, связана с низкой диверсификацией профессий/специальностей в регионе, что, в свою очередь, обусловлено не реальной потребностью экономики региона, а скорее неготовностью или неспособностью образовательных организаций региона развивать СПО.

Ключевые слова: система среднего профессионального образования, приоритетные специальности и профессии, индекс выявленного сравнительного преимущества, диверсификация профессий и специальностей

Для цитирования: Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю. Анализ регионального СПО: что в приоритете? // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 118–130.

Analysis of Regional Secondary Vocational Education: What Is the Priority?

Valery Yu. Grigoryev*, Larisa Yu. Bedareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The state of the system of secondary vocational education in the regions of Russia is studied on the basis of an analysis of the quantitative parameters of the specialties/professions for which training is provided. A methodological basis for further research has been developed, including the definition of a priority specialty/profession for the region, based on the calculated index of the revealed comparative advantage, and a mechanism for compensating some specialties by others according to three different scenarios.

The dependences between the share of specialty and the share of regions in which this specialty is a priority are considered, the hypothesis of the relationship between the share of specialties/professions in which the region has a revealed comparative advantage and interregional migration of the population for the age range of 14–19 years, which occurs over education export account.

A hypothesis has been put forward and confirmed that a high proportion of specialties/professions in which the region has a revealed comparative advantage is associated with a low

diversification of professions/specialties in the region, which in turn is due not to the real need of the region's economy, but rather to the unpreparedness or inability of educational institutions region to develop open source software.

Keywords: the system of secondary vocational education, priority specialties and professions, the index of revealed comparative advantage, diversification of professions and specialties

For citing: Grigoryev V. Yu., Bedareva L. Yu. Analysis of regional secondary vocational education: what is the priority? // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 118–130.

Цель настоящей статьи — разработка подхода для оценки эффективности/результативности системы среднего профессионального образования как сферы государственных интересов, базирующейся на бюджетных ассигнованиях, сквозь призму спектра специальностей/профессий.

Решаемые задачи:

- анализ параметров, связанных с количественными показателями специальностей/профессий, по которым производится обучение;
- выявление приоритетных для региона специальностей/профессий, базирующееся на объективно вычисляемом индексе;
- проверка гипотезы о наличии механизмов компенсации одних специальностей другими;
- проверка гипотезы о влиянии межрегиональной миграции населения на приоритетность специальностей для обеспечения экспорта образования.

Ранее уже отмечалось [3; 4], что исследователи системы среднего профессионального образования (СПО), как правило, сводят вопрос об эффективности самой системы к успешному выходу студентов и выпускников на рынок труда [5]. Главные причины удачного трудоустройства ищутся в поведении или мотивации самих выпускников, а ученые фокусируются на особенностях условий, предшествующих выбору именно обучения в образовательной организации СПО, и мотивах такого выбора. Поэтому исследователями рассматриваются, например, следующие вопросы: «как на общем фоне выглядит группа выпускников среднего профессионального образования (СПО)? Насколько типичны ее проблемы? Есть ли у этой группы свои специфические трудности? Чем они вызваны?» [10]; или исследуются портрет и социальные меры поддержки выпускников СПО [11]. Одна из причин высокой безработицы молодых специалистов видится в том, что многие студенты в период обучения не задумываются о проблемах будущего трудоустройства, думая, что проблем с ним у них не будет и работу им будет найти легко [1]. Исследуется, например, влияние самостоятельного финансирования получаемого образования или работы учащихся СПО во время обучения на их последующее трудоустройство [5], считается, что серьезной проблемой трудоустройства молодых специалистов является «информационная и психологическая неподготовленность к поиску работы, отсутствие знаний по методам поиска работы и трудоустройства» [8]. В качестве возможного решения указанной проблемы предлагается пойти путем формирования региональной системы содействия занятости выпускников средних специальных учебных заведений [9].

Не ставя под сомнение необходимость и целесообразность подобных исследований, нельзя не отметить, что такой подход имеет несколько ограничений [2]. Во-первых, предположение о том, что важнейшим критерием при выборе специальности/профессии является ее востребованность на рынке труда, уже не столь очевидно, как казалось десять лет назад. Уже в 2018 году для более четверти россиян (28%) на выбор их профессии в первую очередь повлияли собственные

увлечения и интересы¹, а такой критерий, как востребованность специальности/профессии на рынке труда (а именно она и означает высокую вероятность успешного трудоустройства), делит лишь четвертое-пятое места с результатом 10%. Во-вторых, на наш взгляд, корни проблемы лежат глубже уровня влияния на особенности трудоустройства выпускников СПО их социально-демографических характеристик и отдельных свойств предшествующего обучения в колледже.

Внимание на зависимость между результатами трудоустройства выпускников и группами специальностей было обращено в работе [6], однако это направление исследования не нашло дальнейшего развития. В результате, за рамками рассмотрения остаются многие факторы, главным из которых, на наш взгляд, является ответ на вопрос — а тех ли вообще специалистов в контексте спектра специальностей/профессий готовит система СПО, в адекватных ли количествах и пропорциях. Кажется, что именно он должен лежать в основе оценки эффективности/результативности системы СПО — сферы, базирующейся на бюджетных ассигнованиях.

В рамках предыдущих исследований [2] нами было показано, что существенно важную роль при оценке состояния системы СПО региона и Российской Федерации в целом играет анализ следующих параметров, связанных с количественными показателями специальностей/профессий, по которым осуществляется обучение:

- удельный вес специальности/профессии в общем объеме приема в образовательные организации СПО;
- диверсификация профессий/специальностей — доля профессий/специальностей СПО, на которые осуществляется фактический прием в регионе, от общего числа профессий/специальностей СПО;
- распространенность профессии/специальности — число регионов Российской Федерации, в которых фактически осуществляется прием на обучение по данной профессии/ специальности.

Важно обратить внимание, что показатели *удельный вес специальности/профессии* и *распространенность профессии/специальности* являются характеристиками *специальности/профессии*, но никак не характеризуют регион. В противоположность этому — *диверсификация профессий/специальностей* — свойство конкретного региона. Понятно также, что любой из вышеперечисленных показателей изменяется в зависимости от исследуемого года. Поэтому возникает желание найти показатель, который одновременно характеризовал бы и регион, и специальность/профессию. И в поисках такого показателя было обращено внимание на *Индекс выявленного сравнительного преимущества* (именуемый в англоязычной литературе *revealed comparative advantage — RCA*), активно используемый в экономике для регионального (межстранового) анализа. Сам индекс восходит к классической теории сравнительных преимуществ международной торговли и наиболее известен в виде формулы, предложенной Б. Баласса (B. Balassa), по которой он определяется как соотношение между долей экспорта определенного товара в общем объеме экспорта страны и долей этого товара в общем объеме мирового экспорта [12]. Отметим, что подход с использованием индекса выявленного сравнительного преимущества, на базе которого в дальнейшем вычислялся индекс экономической сложности, вполне успешно применяется для анализа в ряде исследований высшего образования, например [7].

В нашем случае мы будем использовать следующее определение:

Индекс выявленного сравнительного преимущества по профессии/специальности это отношение *удельного веса численности приема по профессии/специальности*

¹ Опрос ВЦИОМ от 24.10.2018 «Какие профессии выбирают россияне» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizh-i-dokhod-kakieprofessii-vybirayut-rossiyane> (дата обращения: 17.02.2021).

в регионе в общей численности приема по той же профессии/специальности по России в целом (или более коротко — доля вклада региона в общероссийский прием по профессии/специальности) к удельному весу численности приема на программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ)/квалифицированных рабочих и служащих (ППКРС) по региону в целом в общей численности приема на ППССЗ/ППКРС по России в целом (доля вклада региона в общероссийский прием в СПО). Обозначим его RC_{Aps} — индекс выявленного сравнительного преимущества профессии/специальности в регионе и обратим внимание, что он характеризует уже не отдельно регион и отдельно специальность/профессию, а пару «регион — специальность/профессия» в целом. По аналогии с классическим подходом, мы будем считать, что регион обладает выявленным сравнительным преимуществом по данной специальности/профессии, если значение $RC_{Aps} > 1$. В противном случае, будем считать, что регион имеет выявленное непреимущество по данной специальности/профессии. Кроме того, будем считать, что специальность/профессия, по которой регион обладает выявленным сравнительным преимуществом, является *приоритетной для данного региона*.

Попутно заметим, что, во-первых, RC_{Aps} можно применять и к группе специальностей/профессий, например, к укрупненным группам специальностей (УГС)/укрупненным группам профессий (УГП) или группе специальностей/профессий по отраслям наук. А, во-вторых, что RC_{Aps} зависит от календарного года, и его колебания могут представлять собой самостоятельное требующее изучения явление.

Очевидно, что при анализе ситуации по RC_{Aps} возникает два вида разрезов. В первом случае речь идет о таком параметре специальности/профессии, как «число регионов, в которых наблюдается сравнительное преимущество по данной специальности/профессии». Во втором случае, мы говорим о свойстве уже региона — «число специальностей/профессий, по которым данный регион имеет выявленное сравнительное преимущество».

Начнем рассмотрение с первого разреза — доля регионов, в которых данная профессия/специальность приоритетна, где в числителе стоит «число регионов, в которых данная профессия/специальность приоритетна», а в знаменателе находится «число регионов, в которых осуществлен фактический набор на данную профессию/специальность». Если указанная доля высока, то можно предположить, что данная профессия/специальность либо мало востребованная, либо сложная. При этом под востребованностью может пониматься востребованность как со стороны учащихся, так и со стороны образовательной организации — образно говоря — «либо не предлагают, либо не идут». Выполненный анализ показал, что в 2022 г. число специальностей с долей 100% приоритетности составляло 99 единиц (что составляет 38,7% общего числа специальностей, на которые был осуществлен фактический прием), при этом их совокупный удельный вес в общем приеме — лишь 2,29%. Максимум по числу регионов с приоритетом, который в данном случае равен общему числу регионов, достигается у специальности «21.02.18 — Обогащение полезных ископаемых» — восемнадцать регионов (это 21% от общего числа регионов). Опуская планку отсечения приоритетности до 90%, получаем сто двадцать одну специальность (это 47% от общего числа специальностей, на которые был осуществлен фактический прием) с совокупным удельным весом 3,96%. В данном перечне впервые появляется специальность (однако в единственном числе) с распространенностью более 30% регионов (конкретно сорок два региона и 49% распространенности). Это специальность «18.02.12 — Технология аналитического контроля химических соединений». Дальнейшее снижение порога отсечения до приоритетности в 80% приводит к списку из ста пятидесяти шести специальностей (это 61% от общего числа специальностей) с совокупным удельным весом 8,88%. И наконец, опуская планку отсечения приоритетности до 70%, получаем сто семьдесят одну

специальность (это 67% от общего числа специальностей) с совокупным удельным весом 16,24%.

Возникает соблазн считать, что все определяется удельным весом: чем менее распространена профессия/специальность, тем она приоритетнее. Для проверки данной гипотезы нами был выполнен расчет коэффициента корреляции между удельным весом специальности и долей регионов, в которых данная специальность приоритетна. Полученный результат составил минус 0,59. Таким образом, обратная корреляция между данными параметрами есть, но ее абсолютное значение указывает лишь на умеренную силу связи. Более того, были выявлены две близкие по численным параметрам специальности: «44.02.02 — Преподавание в начальных классах» (распространенность — 81 регион, удельный вес — 2,64%) и «23.02.07 — Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» (распространенность — 84 регион, удельный вес — 2,98%). При этом в первом случае процент приоритетности составляет 31%, а во втором случае — в два с лишним раза больше — 64%. Очевидно, что есть другие факторы, влияющие на процесс. Для объяснения данного феномена были изучены регионы, связанные с данными специальностями.

На первом этапе все регионы были разбиты на четыре группы. В первую вошли регионы, в которых ни одна, ни другая специальность не являются приоритетными. Таких регионов оказалось 26. Можно предполагать, что это регионы с большим охватом СПО на уровне удельного веса или на уровне диверсификации специальностей ППССЗ, либо это регионы с низким процентом специальностей с RCAs. Выполненный анализ не выявил какой-либо зависимости, а именно, из 26 попавших в первую группу регионов лишь 10 попадают в число 26 регионов с *максимальным* удельным весом по приему на ППССЗ, только 9 — в число 26 регионов с максимальной диверсификацией по ППССЗ, и только 8 — в число 26 регионов с минимальным процентом специальностей с RCAs. Во вторую группу были отобраны регионы, в которых обе специальности являются приоритетными. Таковых оказалось 20. В данном случае можно предполагать, что это регионы с малым охватом СПО на уровне удельного веса или на уровне диверсификации специальностей ППССЗ, либо это регионы с высоким процентом специальностей с RCAs. Выполненный анализ снова не выявил какой-либо зависимости, а именно, из 20 попавших во вторую группу регионов лишь 9 попадают в число 20 регионов с *минимальным* удельным весом по приему по программам подготовки специалистов среднего звена, только 7 — в число 20 регионов с минимальной диверсификацией по ППССЗ, и также только 7 — в число двадцати регионов с максимальным процентом специальностей с RCAs. В третью группу были отобраны регионы, в которых специальность «23.02.07» является приоритетной, а «44.02.02» — нет (таких регионов 34), и в последнюю четвертую группу были отобраны регионы, в которых специальность «44.02.02» является приоритетной, а «23.02.07» — нет (таких регионов 5).

Поскольку просто объяснить различий найти не удалось, было обращено внимание на то обстоятельство, что данные специальности существенно разнятся по доле бюджетников. А именно, на специальности «23.02.07» доля поступивших на бюджет составляет 77,8%, в то время как на специальности «44.02.02» доля бюджетников — 59,8%, то есть, специальность «23.02.07» намного более «бюджетная». И можно предположить, что ее более частая приоритетность связана именно с этим обстоятельством. Для учета данного фактора были посчитаны средние значения по группам для шести параметров, а именно: удельный вес в регионе специальности «23.02.07», доля приема в регионе на бюджет по специальности «23.02.07», удельный вес в регионе бюджетников по специальности «23.02.07», удельный вес в регионе специальности «44.02.02», доля приема в регионе на бюд-

жет по специальности «44.02.02», удельный вес в регионе бюджетников по специальности «44.02.02» (табл. 1).

Анализ средних значений по группам не дает ответа на вопрос, почему одна из специальностей существенно приоритетнее другой. Существенно выпадает из нормы как раз четвертая группа, но она находится за рамками контекста нашего изучения. А первая, вторая и третья группы не показывают каких-либо выбросов. Поэтому на следующем шаге проверялась другая гипотеза — не обусловлено ли различие параметрами систем СПО регионов. Для учета данного фактора были посчитаны средние значения по группам для шести параметров, а именно: общее число специальностей в регионе; число специальностей в регионе с RCAs; доля специальностей в регионе с RCAs; диверсификация специальностей в регионе; удельный вес принятых на программы ППССЗ в регионе относительно всех принятых на программы ППССЗ; интегральный рейтинг социально-экономического положения региона (табл. 2).

Анализ средних значений по группам снова не дает ответа на вопрос, почему одна из специальностей существенно приоритетнее другой. Таким образом, можно сделать вывод, что ответ на данный вопрос, скорее всего, лежит за рамками общих параметров систем региональных СПО. Можно предположить, что имеет место специфика самих специальностей и/или УГС. И в таком случае может работать механизм компенсации, который теоретически может быть представлен одним из трех возможных сценариев.

Первый тип сценария — замещение в данном регионе специальности смежной специальностью с большим удельным весом. То есть в рамках одной УГС существует несколько «конкурирующих» между собой специальностей с более-менее равными удельными весами, обладающих похожими и привлекательными для обучающихся свойствами, которые попеременно в разных регионах являются приоритетными.

Рассмотрим подробнее состав двух интересующих нас УГС. В группу «23.00.00 Техника и технологии наземного транспорта» входят семь специальностей: «23.02.01 Ор-

Таблица 1

Средние значения «бюджетных» показателей по специальностям «23.02.07» и «44.02.02»

Table 1. Average values of «budget» indicators in the specialties «23.02.07» and «44.02.02»

Тип группы регионов	Приоритетность специальности 23.02.07	Приоритетность специальности 44.02.02	Средние значения по группам					
			Удельный вес в регионе специальности 23.02.07	Доля приема в регионе на бюджет по специальности 23.02.07	Удельный вес в регионе бюджетников по специальности 23.02.07	Удельный вес в регионе специальности 44.02.02	Доля приема в регионе на бюджет по специальности 44.02.02	Удельный вес в регионе бюджетников по специальности 44.02.02
			%					
1	нет	нет	2,03	75,10	1,59	1,80	70,16	1,31
2	да	да	4,10	79,70	3,25	3,64	74,37	2,73
3	да	нет	4,14	80,05	3,37	1,72	67,98	1,25
4	нет	да	1,60	79,52	1,26	8,66	47,09	3,96

ганизация перевозок и управление на транспорте (по видам)»; «23.02.02 Автомобиле- и тракторостроение»; «23.02.03 Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» (утратила силу с 28.06.2022); «23.02.04 Техническая эксплуатация подъемно-транспортных, строительных, дорожных машин и оборудования (по отраслям)»; «23.02.05 Эксплуатация транспортного электрооборудования и автоматики (по видам транспорта, за исключением водного)»; «23.02.06 Техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог»; «23.02.07 Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей». В группу «44.00.00 Образование и педагогические науки» входят шесть специальностей: «44.02.01 Дошкольное образование»; «44.02.02 Преподавание в начальных классах»; «44.02.03 Педагогика дополнительного образования»; «44.02.04 Специальное дошкольное образование»; «44.02.05 Коррекционная педагогика в начальном образовании»; «44.02.06 Профессиональное обучение (по отраслям)».

В первой УГС существует единственная специальность, относительно соразмерная с рассматриваемой нами специальностью «23.02.07». Это специальность «23.02.01 Организация перевозок и управление на транспорте (по видам)» с удельным весом 1,58%. Все остальные специальности УГС «23.00.00» имеют удельный вес менее 1%. Но сама специальность «23.02.01» по своей сути имеет принципиально другое содержание, она не про ремонт автомобилей, она про логистику. Поэтому можно сделать вывод, что в УГС «23.00.00» отсутствует замещение по первому сценарию. Во второй УГС ситуация другая — здесь есть две специальности, достаточно близкие и по сути, и по удельному весу, и по распространенности в регионах. Это изучаемая нами специальность «44.02.02 Преподавание в начальных классах» с удельным весом 2,64% и распространенностью в 81 регионе, и специальность «44.02.01 Дошкольное образование» с удельным весом 2,38% и распространенностью в 85 регионах. Причем потенциально «конкурирующая» специальность «44.02.01» сама приоритетна в сорока шести регионах страны. И если посчитать число регионов, в которых приоритетна хотя бы одна из двух специальностей «44.02.01» или «44.02.02», то получим пятьдесят четыре региона. Что абсолютно совпадает с числом регионов, в которых приоритетна специальность «23.02.07». Таким образом, специальность «44.02.01» выступает за-

Таблица 2

Средние значения удельных весов и RCAs по группам регионов

Table 2. Mean Specific Weights and RCAs by Region Group

Тип группы регионов	Приоритетность специальности 23.02.07	Приоритетность специальности 44.02.02	Средние значения по группам					
			Общее число специальностей в регионе, ед.	Число специальностей в регионе с RCAs, ед.	Доля специальностей в регионе с RCAs	Диверсификация специальностей в регионе	Удельный вес принятых в регионе относительно всех принятых	Интегральный рейтинг социально-экономического положения региона
1	нет	нет	98	62,96	67,05	33,29	1,6	47,97
2	да	да	75,3	50,6	69,76	25,61	0,78	35,55
3	да	нет	85	54,76	67,46	28,92	1	45,18
4	нет	да	85,4	46,2	53,56	29,05	1,75	41,19

мещающей для специальности «44.02.02» в компенсационном механизме по первому типу сценария.

Второй тип сценария замещения — замещение в данном регионе специальности смежной специальностью с небольшим удельным весом. То есть, в составе УГС существует специальность, обладающая похожими и привлекательными для обучающихся свойствами, не имеющая такого массового распространения в России в целом, но в ряде регионов являющаяся приоритетной. Для выявления наличия или отсутствия такой замещающей специальности были посчитаны средние значения RCAs по тем же группам для всех входящих в УГС «44.00.00» специальностям (табл. 3).

Из полученных данных хорошо видно, что при переходе из второй группы в третью резко, более чем в три раза, возрастает среднее значение RCAs по специальности «44.02.05 Коррекционная педагогика в начальном образовании». Это и есть специальность, выступающая замещающей в компенсационном механизме по второму типу сценария.

Третий тип сценария замещения — замещение в данном регионе специальности смежной/похожей профессией. В данном случае для специальностей УГС «44.00.00» отсутствует аналогичная группа УГП, а для специальностей УГС «23.00.00» таковая УГП существует. И анализ показывает, что профессия «23.01.17 Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей» является хорошим кандидатом на такой тип компенсации. Нами была использована уже проверенная методика, а именно все регионы были разбиты на четыре группы. В первую группу вошли регионы, в которых ни специальность «23.02.07», ни профессия «23.01.17» не являются приоритетными. Во вторую группу были отобраны регионы, в которых наоборот и специальность, и профессия являются приоритетными. В третью группу были отобраны регионы, в которых специальность является приоритетной, а профессия — нет, и в последнюю четвертую группу были отобраны регионы, в которых профессия является приоритетной, а специальность «23.02.07» — нет (табл. 4).

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что в данном случае следует говорить не о механизме компенсации, а скорее о синергии специальности и профессии. В подавляющем числе регионов — в пятидесяти семи субъектах Российской Федерации — они работают синхронно: если в приоритете специальность, то в приоритете будет и профессия, и наоборот.

Переходя ко второму разрезу по свойству региона — «доля специальности/профессий, по которым данный регион имеет выявленное сравнительное преимуще-

Таблица 3

Средние значения RCAs по группам регионов для УГС «44.00.00»

Table 3. RCAs Mean Values by Region Group for GBS "44.00.00"

Тип группы регионов	Приоритетность специальности 23.02.07	Приоритетность специальности 44.02.02	Средние значения по группам					
			RCAs по специальности 44.02.01, ед.	RCAs по специальности 44.02.02, ед.	RCAs по специальности 44.02.03, ед.	RCAs по специальности 44.02.04, ед.	RCAs по специальности 44.02.05, ед.	RCAs по специальности 44.02.06, ед.
1	нет	нет	0,54	0	0,46	0,42	0,38	0,15
2	да	да	0,65	1	0,4	0,35	0,15	0,3
3	да	нет	0,44	0	0,21	0,38	0,47	0,15
4	нет	да	1	0,2	0,4	0,4	0,4	0,2

ство», обратим внимание, что в знаменателе мы имеем «диверсификацию региона по профессиям/специальностям», а в числителе «число приоритетных профессий/специальностей в регионе». Если указанная доля высока, то можно выдвинуть две гипотезы — либо регион так или иначе занимается экспортом образования, и в таком случае должна обнаружиться связь с межрегиональной миграцией населения для возрастов в диапазоне 14–19 лет, либо имеет место низкая диверсификация профессий/специальностей в регионе. То есть по тем или иным причинам регион не особо развивает СПО.

Для проверки первой гипотезы нами были выполнены расчеты межрегиональных миграционных потоков для шести различных возрастов (14, 15, 16, 17, 18 и 19 лет), после чего был вычислен коэффициент корреляции между миграционным приростом населения в регионе и долей специальности/профессий, по которым данный регион имеет выявленное сравнительное преимущество (табл. 5).

Анализ полученных результатов свидетельствует, что гипотеза о существовании межрегионального экспорта образования на уровне СПО не подтверждается. Более того, наоборот, выявлена очень слабая, но даже отрицательная корреляция между миграционным приростом населения в регионе и долей специальностей/профессий, по которым данный регион имеет выявленное сравнительное преимущество.

Для проверки второй гипотезы нами был выполнен расчет коэффициента корреляции между диверсификацией специальности в регионе и удельным весом приоритетных специальностей в том же регионе. Полученный результат составил величину «–0.66». Абсолютное значение коэффициента корреляции находится уже на границе между средней и сильной силой связи. Таким образом, можно говорить о том, что в ряде регионов учат по ограниченному набору специальностей — или по тем специальностям, по которым могут/умеют/готовы учить, или по тем специальностям, по которым существует реальная потребность в регионе. Для ответа на последний вопрос нами была проанализирована структура региональных потребностей в контексте специалистов среднего звена и структура приема в образовательные организации СПО на ППСЗ в разрезе отраслей наук. Для анализа использованы данные последнего выборочного обследования

Таблица 4

Приоритетности специальности «23.02.07» и профессии «23.01.17» по группам регионов

Table 4. Priorities of the specialty “23.02.07” and the profession “23.01.17” by groups of regions

Тип группы регионов	Приоритетность специальности 23.02.07	Приоритетность профессии 23.01.17	Число регионов в группе
1	нет	нет	19
2	да	да	38
3	да	нет	16
4	нет	да	12

Таблица 5

Корреляции между миграционными потоками и долей RСAps в регионах

Table 5. Correlations between migration flows and RСAps share in regions

Коэффициент корреляции между долей RСAps и миграционным потоком	Возраст					
	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет	19 лет
	–0,068	–0,102	–0,115	–0,072	–0,054	0,001

организаций о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам¹.

При анализе сопоставлялись общие потребности и прием по четырем выделенным группам специальностей по отраслям наук:

- «образование и педагогические науки» (условно подготовка педагогов начальных классов и детских садов);
- «науки об обществе, гуманитарные науки» (условно подготовка юристов и экономистов);
- «здравоохранение и медицинские науки» (условно подготовка медработников);
- «инженерное дело, технологии и технологические науки, математические и естественные науки» (условно подготовка технологов).

Анализ сводных данных показывает, что в целом по России совокупный прием на ППСЗ в 8,65 раза превышает заявленные потребности в специалистах среднего звена, а по регионам превышение варьирует от 1,9 раза в Чукотском автономном округе до 141 раза в Республике Дагестан². В 6 регионах России прием превышает потребности более чем в 20 раз, в 20 регионах — в 10–20 раз; в 42 регионах — в 5–10 раз; и лишь в 9 регионах превышение совокупного приема на ППСЗ над заявленными потребностями в специалистах среднего звена составляет менее 5 раз.

Особенно впечатляющие результаты приносит сравнительный анализ по группам специальностей по отраслям наук. Так, например, по группе «образование и педагогические науки»:

- в целом по России прием превышает потребность в 20,85 раза;
- в 11 регионах потребности в данной категории специалистов отсутствуют (т. е. превышение достигает бесконечности), в то время как совокупный прием по данным специальностям только в этих регионах составляет 5308 человек, или 0,7% от общего приема на все ППСЗ;
- в Республике Бурятия и Чувашской Республике прием превышает потребность в 300 с лишним раз;
- в Ивановской области — в 236 раз;
- в пяти регионах — в 100–200 раз;
- в одиннадцати регионах — в 50–100 раз;
- в сорока двух регионах — в 10–50 раз.

По группе «науки об обществе, гуманитарные науки»:

- в целом по России прием превышает потребность в 26,78 раза;
- в 8 регионах потребности в данной категории специалистов отсутствуют (то есть превышение достигает бесконечности), в то время как совокупный прием по данным специальностям только в этих регионах составляет 10 127 человек, или 1,3% от общего приема на все ППСЗ;
- в Чеченской Республике прием превышает потребность в 1432 раза;
- в Тамбовской области, Севастополе и Республике Саха (Якутия) — более чем в 400 раз;
- в 11 регионах — более чем в 100 раз;
- в 28 регионах — в 50–100 раз.

Можно было предполагать, что ситуация коренным образом изменится в группе «инженерное дело, технологии и технологические науки, математические и естественные науки», которую трудно причислить к условной группе специальностей «для дома, для семьи», однако и здесь мы наблюдаем похожие результаты:

¹ [Электронный ресурс]. <https://fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 12.02.2023).

² В перечне регионов отсутствует Республика Ингушетия, по которой отсутствуют данные по потребностям.

- в целом по России прием превышает потребность в 17,86 раза;
- в Республике Северная Осетия — Алания прием превышает потребность в 716 раз;
- в Республике Калмыкия — в 340 раз;
- в десяти регионах — более чем в 50 раз.

Уже напрашивалось объяснение, что цифры потребностей совсем не пригодны для анализа, когда абсолютно реалистичные цифры показал расчет по группе «здравоохранение и медицинские науки»:

- в целом по России прием превышает потребность в 1,7 раза, что с учетом возможного отсева показывает почти идеальное совпадение;
- неадекватное превышение в 84 раза имеет место лишь в Республике Дагестан, а более 10 раз (10,22 раза) — только в Чеченской Республике;
- в подавляющем числе регионов (в шестидесяти шести) превышение составляет не более трех раз;
- при этом в 13 регионах прием находится даже ниже уровня потребностей.

Таким образом, напрашивается вывод, что СПО в части программ подготовки специалистов среднего звена распадается на две категории. В первую попадают специальности, направленные на удовлетворение реального спроса со стороны региона — это единственная группа специальностей «здравоохранение и медицинские науки». В количественном выражении она покрывает всего лишь 12% общего приема в СПО на ППССЗ. И вторая категория — специальности, численно крайне слабо связанные с реальными потребностями экономики региона, которые можно считать функционирующими «по традиции». Проблема в том, что в количественном выражении эта категория покрывает почти 90% общего приема в СПО на программы подготовки специалистов среднего звена. А учитывая, что совокупный прием по ним составляет 687 тыс. чел. при потребности в 34 тыс., то может создаться впечатление, что система ППССЗ принимает в год 618 тыс. «ненужных специалистов». То есть верхний предел коэффициента полезного действия системы не может превышать 21%, что сложно признать эффективным при любых условиях. Оговоримся, что вероятность не совсем качественного определения потребности в тех или иных специалистах СПО безусловно существует, и целесообразно выполнить оценку самой методики оценки потребности на полноту и достоверность. Однако наш экспертный опыт общения с практиками СПО позволяет выдвинуть гипотезу об инерционности и слабой обоснованности контрольных цифр приема в образовательные организации СПО с точки зрения реальных потребностей экономики регионов.

В рамках данной работы на базе анализа параметров, связанных с количественными показателями специальностей/профессий, по которым производится обучение, изложены результаты исследования состояния системы среднего профессионального образования региона на примере программ подготовки специалистов среднего звена.

Сформулировано определение приоритетной для региона специальности/профессии, базирующееся на вычисляемом индексе выявленного сравнительного преимущества. Рассмотрены зависимости между удельным весом специальности и долей регионов, в которых данная специальность приоритетна.

Выявлен механизм компенсации одних специальностей другими по трем различным сценариям — замещение в данном регионе специальности смежной специальностью с большим удельным весом; замещение в данном регионе специальности смежной специальностью с небольшим удельным весом; замещение в данном регионе специальности смежной/похожей профессией.

Выдвинута и проверена гипотеза о связи между долей специальностей/профессий, по которым данный регион имеет выявленное сравнительное преимущество и межрегиональной миграцией населения для возрастов в диапазоне 14–19 лет за счет экспорта образования, которая не нашла статистического подтверждения.

Выдвинута и проверена гипотеза о том, что высокая доля специальностей/профессий, по которым регион имеет выявленное сравнительное преимущество, связана с низкой диверсификацией профессий/специальностей в регионе, что в свою очередь с большой долей вероятности обусловлено не реальной потребностью экономики региона, а неготовностью или нежеланием самих образовательных организаций менять структуру профессий/специальностей СПО.

Литература

1. *Врублевская Н. М.* Проблемы трудоустройства выпускников среднего профессионального образования // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 94–97. EDN ZVKVVL.
2. *Григорьев В. Ю.* Анализ уровня диверсификации (вариативности) региональных систем среднего профессионального образования // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 94–107. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-94-107.
3. *Григорьев В. Ю.* Оценка и анализ образования: что оцениваем? // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 145–154. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-145-154.
4. *Григорьев В. Ю.* Подходы к оценке состояния системы регионального профобразования // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 84–98. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-84-98.
5. *Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Травкин П. В.* Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 109–136. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-109-136
6. *Клячко Т. Л.* Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 100–125. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-06. EDN XQOCLR.
7. *Любимов И. Л., Якубовский И. В.* Высшее образование и экономическое развитие регионов // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 6. С. 110–139. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-6-110-139.
8. *Никулина Ю. Н.* Молодежь на рынке труда региона: актуальные вопросы трудоустройства и занятости // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 747–762. DOI: 10.18334/et.6.2.40780.
9. *Рудакова О. В.* Проблемы трудоустройства выпускников учреждений среднего профессионального и высшего образования // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2022. № 1 (29). С. 22–24. EDN SCQYGU.
10. *Селиверстова И. В.* Трудоустройство выпускников СПО: в чем специфика? // Научный вектор Балкан. 2020. Т. 4, № 4 (10). С. 24–30. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0004. EDN AUNFXD.
11. *Титоренко Е. Ю.* Проблемы трудоустройства выпускников СПО // Качество продукции, технологий и образования : Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 30 апреля 2021 г. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. С. 192–194. EDN RWUTYC.
12. *Balassa B.* Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1965. Vol. 33: P. 99–123.

Об авторах:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, лауреат Премии Президента России в области образования; grigorev-vy@ranepa.ru

Бедарева Лариса Юрьевна, старший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); lara-2006@mail.ru

References

1. Vrublevskaya N. Problems of employment of graduates of secondary vocational education // Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanova [Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova]. 2017. N 19. P. 94–97. EDN ZVKVVL (in Rus).

2. Grigoriev V. Analysis of the level of diversification (variability) of regional systems of secondary vocational education // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 6. P. 94–107. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-94-107 (in Rus).
3. Grigoriev V. Assessment and analysis of education: what are we assessing? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 11. P. 145–154. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-145-154 (in Rus).
4. Grigoriev V. Approaches to assessing the state of the regional vocational education system // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 10. P. 84–98. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-84-98 (in Rus).
5. Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. Employment of graduates of the secondary vocational education system: still a whirlpool or already a ford // Issues of education [Voprosy obrazovaniya]. 2019. N 1. P. 109–136. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-109-136 (in Rus).
6. Klyachko T. Employment of graduates of the secondary vocational education system / T. Klyachko, E. Semionova // Economic policy [Ekonomicheskaya politika]. 2018. Vol. 13. N 2. P. 100–125. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-06. EDN XQOCLR (in Rus).
7. Lyubimov I., Yakubovsky I. Higher education and economic development of regions // Economic policy [Ekonomicheskaya politika]. 2020. T. 15. N 6. P. 110–139. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-6-110-139 (in Rus).
8. Nikulina Yu. Youth in the regional labor market: current issues of employment and employment // Labor Economics [Ekonomika truda]. 2019. Vol. 6. N 2. P. 747–762. DOI: 10.18334/et.6.2.40780 (in Rus).
9. Rudakova O. Problems of employment of graduates of institutions of secondary vocational and higher education // Current problems of social, humanitarian and scientific-technical knowledge [Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniya]. 2022. N 1 (29). P. 22–24. EDN SCQYGU (in Rus).
10. Seliverstova I. Employment of graduates of secondary vocational education: what are the specifics? // Scientific vector of the Balkans [Nauchnyi vektor Balkan]. 2020. Vol. 4. N 4 (10). P. 24–30. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0004. EDN AUNFXD (in Rus).
11. Titorenko E. Problems of employment of graduates of secondary vocational education // Quality of products, technologies and education: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, April 30, 2021. Magnitogorsk : Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosova, 2021. P. 192–194. EDN RWUTYC (in Rus).
12. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies. Vol. 1965. N 33. P. 99–123.

About the authors:

Valery Yu. Grigoryev, leading researcher at the Center for Economics of Continuous Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), candidate of technical sciences, laureate of the Russian Presidential Prize in the field of education; grigorev-vy@ranepa.ru

Larisa Yu. Bedareva, senior researcher at the Center for Economics of Lifelong Education, RANEPa (Moscow, Russian Federation); lara-2006@mail.ru

Стратегическое проектное управление социально-экологическим развитием Арктической зоны РФ

Зарецкий А. А., Козырев А. А. *

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kozyrev-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются направления стратегического проектного управления при реализации социально-экологических программ в Арктической зоне РФ. Рассматриваются актуальные нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение развития Арктической зоны. Обозначены проблемы рационального природопользования, освоение территорий с минимальным негативным влиянием на состояние окружающей среды и с учетом экологической обстановки в регионе. Проанализированы и представлены государственные программы поддержки и помощи людям, живущим и работающим в регионах Арктической зоны РФ, направленные на экономическую поддержку, развитие кадрового резерва и сохранение здоровья, экологические проекты. Отмечается приоритетное значение социально-экологических проектов по развитию инфраструктуры, повышению качества жизни населения и сохранению первичной экосистемы. Применение методик расчетов индексов экологической безопасности и индексов качества городской среды Минстроя РФ при ранжировании субъектов Арктической зоны позволило определить наиболее проблемные зоны в обеспечении качества жизни, и, соответственно, приоритетные направления разработки и реализации стратегических проектов. Подчеркивается важность для повышения качества жизни жителей городов Арктической зоны стратегических программ и проектов по снижению уровня загрязняющих веществ, по повышению обеспеченности населения качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения городов, а также по повышению качества городской среды.

Ключевые слова: стратегическое управление, качество жизни, Арктическая зона, социально-экологические проекты, управление проектами, управление программами, качество городской среды

Для цитирования: Зарецкий А. А., Козырев А. А. Стратегическое проектное управление социально-экологическим развитием Арктической зоны РФ // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 131–144.

Strategic Project Management of the Socio-Ecological Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Andrej A. Zaretsky, Aleksandr A. Kozyrev*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *kozyrev-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes the processes of project management in the implementation of social and environmental programs in the Arctic zone of the Russian Federation. Current regulatory and legal acts aimed at ensuring the development of the Arctic zone are considered. The problems of rational environmental management, development of territories with minimal negative impact on the state of the environment and taking into account the environmental situation in the region is identified. State programs for support and assistance to people living and working in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation, aimed at economic support, development of a personnel reserve and health preservation, and environmental projects, are analyzed and presented. The priority importance of social and environmental projects to develop infrastructure, improve the quality of life of the population and preserve the primary

ecosystem is noted. The use of methods for calculating environmental safety indices and urban environment quality indices of the Ministry of Construction of the Russian Federation when ranking the subjects of the Arctic zone made it possible to identify the most problematic areas in ensuring the quality of life, and, accordingly, priority areas for the development and implementation of strategic projects. The importance of strategic programs and projects to reduce the level of pollutants, to increase the population's supply of high-quality drinking water in cities and to improve the quality of the urban environment is emphasized to improve the quality of life of residents of the cities of the Arctic region.

Keywords: strategic management, quality of life, Arctic zone, social and environmental projects, project management, program management, quality of the urban environment

For citing: Zaretsky A. A., Kozyrev A. A. Strategic project management of the socio-ecological development of the Arctic zone of the Russian Federation // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 131–144.

Введение

Как известно, Арктическая зона Российской Федерации имеет стратегически важное географическое положение. Территория данной зоны включает 4,8 млн км² (28% территории России), на которой проживает 2,6 млн человек¹. Арктическая зона РФ располагает множеством нефтяных и газовых месторождений, драгоценными металлами и т. д., поэтому является экономически и стратегически значимым регионом РФ. Следовательно, все большую актуальность приобретает проблема освоения территорий Арктической зоны, что связано с геополитическими и экономическими интересами. Вопросы, затрагивающие экологические проблемы Арктики и рационального природопользования, особое значение приобретают в нефтегазовой сфере [15, с. 20].

Важной особенностью Арктической зоны являются ее сложные и суровые природно-климатические условия. Из-за влияния техногенных факторов начали таять льды, видоизменились вечномёрзлые грунты Арктики, произошло проседание почв и заболачивание местности. Освоение Арктической зоны шло в форсированном темпе, при этом способы строительства промышленных объектов и добычи природных ресурсов не учитывали особенности данной местности, которые состоят в первую очередь в низкой устойчивости и подвижности грунтов.

Освоение Арктических территорий должно обязательно происходить с минимальным негативным влиянием на состояние окружающей среды и экологическую обстановку в регионе. Экосистема Арктической зоны начала разрушаться еще быстрее, и деградация стала уже не очаговой, а региональной, поскольку теперь на экосистему оказывали отрицательное влияние химические загрязнения, возникшие из-за развития в регионе металлургической промышленности и горнодобывающих работ [3, с. 37].

В связи с вышеперечисленными характеристиками Арктической зоны Российской Федерации и особенностями ее развития важную роль приобретает проблематика обеспечения экологической безопасности, предотвращения возможных экологических катастроф, устранения негативных последствий человеческой деятельности для окружающей среды.

Ожидаемая продолжительность жизни людей, которые родились на территории Арктической зоны, согласно прогнозам, к 2024 г. может возрасти и составить

¹ Арктические регионы России // Председательство Российской Федерации в Арктическом Совете 2021–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council-russia.ru/useful/> (дата обращения: 20.04.2023).

78 лет, а к 2035 г. может достигнуть 82 лет¹. Поэтому наряду с решением экологическим проблем реализуемые в данной сфере стратегические проекты должны включать развитие социальной инфраструктуры и повышение качества жизни.

Материалы и методы

Объектом исследования является социально-экономическая и экологическая система Арктической зоны Российской Федерации. Предметом исследования являются методы управления проектной деятельностью, направленные на реализацию стратегических приоритетов обеспечения экологической безопасности и качества жизни населения Арктической зоны Российской Федерации. В статье используются методы стратегического и системного анализа, методы нормирования и ранжирования показателей, методология и инструменты управления проектами и программами, методология стратегирования научной школы В.Л. Квинта, методологические подходы к определению качества жизни В.Л. Квинта и В.В. Окрепилова.

В отечественных и зарубежных исследованиях разрабатываются различные методические подходы по определению набора индикаторов, которые можно было бы применить для оценки основных аспектов социально-экономического и экологического развития Арктического региона Российской Федерации. К ним можно отнести: Индекс городского развития (City Development Index UN-Habitat, 1993–1998)², индикаторы рабочей группы по устойчивому развитию Арктического совета³, адаптированная методика по применению целей устойчивого развития, в том числе в области экологии [16], а также индикаторные методы оценки эффективности моделей управления рисками экологической безопасности Арктики. В частности, известность получила 14-индикаторная модель⁴. К ее базовым индикаторам относят: индикатор изменения климата, индикатор загрязнения, показатель охраны окружающей среды, а также индикатор управления и другие [8, с. 198–199].

Индекс качества городской среды⁵, который рассчитывается Минстроем России ежегодно начиная с 2019 г. (по итогам 2018 г.), является хорошо известным, устойчивым индикатором, позволяющим определить стратегически важные направления улучшения качества жизни. Методика определения данного индекса состоит из расчета 36 индикаторов, оцениваемых по десятибалльной шкале. Суммирование полученных значений составляет индекс качества. При этом рассматриваемые города распределены по 10 размерно-климатическим группам.

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).

² Global Urban Indicators Database. Version 2 // Global Urban Observatory United Nations Human Settlements Programme (UN — Habitat) [Электронный ресурс]. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/Global%20Urban%20Indicators%20Database.pdf> (дата обращения: 12.04.2023).

³ Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages / ed. by Joan Nyman Larsen and Gail Fondahl. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. P. 39–42. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=BmO2BgAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA39> (дата обращения: 12.04.2023).

⁴ Heininen L., Everett K., Padrtova B., Reissell A. Arctic policies and strategies — analysis, synthesis, and trends // International Institute for Applied Systems Analysis [Электронный ресурс]. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/16175/1/ArcticReport_WEB_new.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

⁵ Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования [Электронный ресурс]. URL: <https://индекс-городов.рф> (дата обращения: 12.04.2023).

Комфортная городская среда включает «благоустройство, ... доступность спортивной инфраструктуры, объектов культуры, безопасность дорожного движения, развитость сферы услуг, состояние жилищного фонда, обеспеченность коммунальной инфраструктурой и множество других компонентов»¹. Согласно методике расчета максимальное количество баллов, набираемых городами, — 360 баллов, при этом городская среда будет считаться условно неблагоприятной, если наберет менее половины максимального количества.

В области охраны воздуха предложены следующие индикаторы: «доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников (%), доля проб воздуха, в которых превышена ПДК (%), качество атмосферного воздуха и загрязнения атмосферы в городах (балл), выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, в расчете на ВРП (т/млн руб.). В области охраны водной среды разработаны индикаторы: доля загрязненных сточных вод в общем объеме сбросов (%), сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в расчете на ВРП (м3/млн руб.), объем оборотной и последовательно используемой воды в расчете на ВРП (м3/млн руб.), доля потери воды при транспортировке (%), количество случаев высокого и экстремально высокого загрязнения поверхностных вод (шт.). В области обращения с отходами анализируются показатели, такие как: отходы производства и потребления в расчете на ВРП (т/млн руб.) и доля использованных и обезвреженных отходов 1–4-го классов опасности (%). По критериям затрат и инвестиций используются индикаторы: затрат на охрану окружающей среды на одного городского жителя (тыс. руб./чел.), инвестиции в основной капитал, направленные на охрану природной среды в расчете на одного городского жителя (тыс. руб./чел.)» [11, с. 23–26].

Социально-экологические индикаторы, применяемые при ранжировании городов Арктического региона, согласно методике Н. Г. Бобылева, С. Гадаля, М. О. Коноваловой, А. А. Сергунина, А. А. Тронина и В.-П. Тюнкюнена, включают критерии «комфортности городской среды (индекс качества городской среды, разработанный Минстроем РФ², долю населения в городах с высоким и очень высоким загрязнением воздуха, обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности), а также критерии состояния городской инфраструктуры (степень износа основных фондов)» [11, с. 23–26]. В качестве основы для ранжирования субъектов Арктической зоны будет положена данная методика, уточненная в соответствии с актуальными статистическими показателями.

Для обеспечения развития Арктической зоны и сохранения целостности экосистемы разрабатываются различные государственные программы, утверждаются нормативно-правовые акты. Таким образом, обеспечение экологической безопасности Арктической зоны РФ сегодня является одним из приоритетных направлений развития данного региона в соответствии с постановлением Правительства РФ № 484, принятого 30 марта 2021 г., а также выступает частью государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Отдельные меры государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне, приводятся в Федеральном законе «О госу-

¹ Почти 27% российских городов признаны комфортными для жизни граждан // Минстрой России [Электронный ресурс]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/pochti-27-rossiyskikh-gorodov-priznany-komfortnymi-dlya-zhizni-grazhdan/> (дата обращения: 20.04.2023).

² Индекс качества городской среды в разрезе городов и субъектов Российской Федерации за 2022 год // Минстрой России [Электронный ресурс]. URL: https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/55a/bcgdkwu41u5xb10rm0ug87hjqp02yt4/030423_INDX_A4_crop.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

дарственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ. Также вопросы и направления развития региона, связанные с экологией и качеством жизни населения Арктической зоны, обозначены в указе Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹ (далее — Стратегия развития Арктики) и другие нормативно-правовые акты.

Результаты

Согласно отечественной Стратегии развития Арктики важнейшими направлениями деятельности и мероприятиями в рамках обеспечения экологической безопасности Арктического региона и охраны окружающей среды являются следующие:

- определение природных территорий в Арктической зоне, которые будут находиться на особом положении и считаться особо охраняемыми;
- учет климатических изменений, происходящих в Арктической зоне, при организации инфраструктуры и планировании экономического развития;
- постоянный мониторинг, оценка и ликвидация нанесенного окружающей среде антропогенного и техногенного вреда;
- разработка и внедрение современной системы мониторинга актуального состояния окружающей среды со стороны государства;
- снижение уровня загрязнения окружающей среды в Арктическом регионе путем минимизации сбросов вредных отравляющих веществ от производств и хозяйств;
- государственная поддержка применения новых экологических технологий при ведении бизнес-деятельности в Арктической зоне;
- профилактика и предотвращение возможного отрицательного воздействия на природу Арктики в ходе освоения территорий;
- разработка и внедрение системы, способной предупреждать и при необходимости быстро ликвидировать чрезвычайные ситуации, связанные с загрязнением окружающей среды Арктической зоны (например, при разливе нефтепродуктов);
- оказание государственной поддержки при обращении с различного рода отходами в Арктической зоне, организация правильной и своевременной утилизации особо опасных отходов;
- разработка специализированной информационной системы для мгновенной передачи данных населению Арктики и органам государственного управления о возникновении или рисках скорого возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с загрязнением окружающей среды [4, с. 62].

Важными с точки зрения национальных интересов России в зоне Арктики являются: «ресурсная база, которая обеспечивает социально-экономическое развитие, единая транспортная коммуникация, использование Северного морского пути, зона сотрудничества с другими странами, взаимовыгодные партнерства, обеспечение военной безопасности, защиты и охраны границы Российской Федерации, благосостояние Арктического населения, охрана и безопасность экологических систем» [1, с. 48].

Анализируя стратегические приоритеты, «определенные в арктических стратегиях Канады, Швеции и Дании, а также некоторых практических действий с использованием отдельных предложенных исследователями индикаторов показывают

¹ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAAQqfxN6XIt6i6XzpTVAvQy.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).

общее в отношении к рискам экологической безопасности и принимаемым мерам по противостоянию им» [8, с. 210]. К ним относятся: минимизация рисков экологической безопасности, картографирование, развитие систем спутникового наблюдения и мониторингования, использование Полярного кодекса и др.

Для обеспечения реализации проектов в сфере экологии в соответствии с вышеприведенным Указом «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» предлагается: «привлекать инвесторов, в том числе иностранных, для осуществления экономических проектов в Арктической зоне; разрабатывать и применять проекты гуманитарного и экономического взаимодействия Арктической зоны РФ с арктическими областями других стран»¹.

Исследователями были определены релевантные индикаторы для составления индекса экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации, классифицированных по трем основаниям: экологическим, эколого-экономическим и социально-экологическим критериям [11, с. 22–24]. Наибольший интерес с позиции проводимого исследования представляют результаты группировки по социально-экологическим критериям, представленным в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что в 2018–2019 гг. наилучшие показатели состояния городской инфраструктуры были отмечены в городах Красноярского края, наивысшие показатели комфортности городской среды — в Ямало-Ненецком АО. В целом по группам индикаторов состояния городской инфраструктуры и комфортности городской среды самые высокие показатели отмечались в Ямало-Ненецком АО, Республике Коми и Мурманской области. Наихудшие показатели состояния городской инфраструктуры были отмечены в городах Мурманской области, а самые низкие показатели комфортности городской среды и в целом, по всем рассматриваемым индикаторам, зафиксированы в Республике Саха (Якутия).

Возникновение новых морских путей, размещение промышленных объектов и прочие факторы антропогенного воздействия на окружающую среду приводит к появлению экологических рисков. П. П. Баттахов приводит перечень данных рисков: «чрезмерная эксплуатация месторождений, выбросы парниковых газов, ... загрязняющих веществ в атмосферу, техногенных катастроф и аварий, загрязнения вод ..., радиационные загрязнения окружающей среды, климатические изменения, которые влияют на гидрометеорологические природные процессы, многолетнемерзлые грунты, ... животных, растения» [1, с. 48–49].

По оценкам исследователей, «активное хозяйственное освоение, климатические особенности и низкая способность к восстановлению экосистем уже спровоцировали необратимые техногенные нарушения» [2, с. 9]. Как справедливо отмечается, «реализация проектов на шельфе Арктики — высокотехнологичная и наукоемкая деятельность, полностью соответствует стратегической линии государства по переходу на инновационный путь развития» [14, с. 102].

По мнению В. Г. Милославского, применение проектного подхода является в условиях Арктики «результативным механизмом достижения целей социально-экономического развития» [7, с. 132]. Обоснованием данного утверждения является, в частности, тот факт, что «проектно-кластерная модель является оптимальной с точки зрения внедрения инноваций, формирования технических и технологических площадок» [7, с. 132].

Особенности управления экологическими проектами в настоящее время зависят во многом от степени развития в разных странах экологической культуры людей и профессиональных сообществ. В развитых странах экологическая культура, как правило, находится на достаточно высоком уровне, т. е. они принимают личную

¹Там же.

Баллы по группам индикаторов в области состояния городской инфраструктуры и комфортности городской среды (2018–2019 гг.)

Table 1. Points by groups of indicators in the field of the state of urban infrastructure and the comfort of the urban environment (2018–2019)

Субъект АЗРФ	Степень износа основных фондов, %	Балл по критерию «Степень износа основных фондов»	Итоговый балл по критерию «Состояние городской инфраструктуры»	Место по группе критериев	Доля населения в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения, %	Балл по критерию «Доля населения в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязняющих веществ»	Обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, %	Балл по критерию «Обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности»	Индекс качества городской среды, балл	Балл по критерию «Индекс качества городской среды»	Итоговый балл по группе критериев «Комфортность городской среды»	Место по группе критериев
	Мурманская область	56,8	0,000	0,000	9	10	0,836	58,5	0,749	186	0,972	0,852
Ямало-Ненецкий АО	41,8	0,598	0,598	3	0	1,000	65,0	0,859	188	1,000	0,953	1
Республика Карелия	34,5	0,888	0,888	2	0	1,000	29,6	0,258	164	0,662	0,640	6
Республика Коми	45,6	0,446	0,446	4	5	0,918	67,4	0,900	173	0,789	0,869	2
Республика Саха (Якутия)	45,9	0,434	0,434	5	0	1,000	17,1	0,046	117	0,000	0,349	9
Красноярский край	31,7	1,000	1,000	1	61	0,000	52,7	0,650	182	0,920	0,523	8
Архангельская область (без НАО)	49,6	0,287	0,287	8	0	1,000	73,3	1,000	155	0,535	0,845	4
Ненецкий АО	46,4	0,414	0,414	6	0	1,000	14,4	0,000	174	0,803	0,601	7
Чукотский АО	49,4	0,295	0,295	7	0	1,000	49,8	0,601	167	0,704	0,768	5

Источник: [11, с. 28].

и общую ответственность за состояние окружающей среды, за сохранение благоприятных природных условий в будущем, осознают возможные риски для собственного здоровья и здоровья других людей при ненадлежащем использовании природных ресурсов, неправильной утилизации бытовых и промышленных отходов и т. д. На уровне одного человека или семьи в развитых странах население стремится применять многоразовую посуду и тару, отказывается от пластиковых пакетов и упаковок, сортирует мусор. Сегодня эта тенденция развивается и наблюдается и в России. На уровне бизнеса также развивается социальная ответственность и сознательное отношение к охране окружающей среды у представителей фирм и предприятий. Предприниматели стали улучшать имидж своих компаний посредством поддержки различных экологических проектов и мероприятий [9, с. 27].

В настоящее время на территории Арктической зоны РФ реализуется крупномасштабный федеральный проект в сфере экологии «Чистая Арктика», который включает в себя различные направления работы, мероприятия и подпроекты. «Чистая Арктика» представляет собой комплексный проект, направленный на развитие Арктической зоны РФ и очищение данного региона страны от накопленных на территориях отходов и загрязнений с организацией их дальнейшей переработки. Для реализации проекта привлекаются команды волонтеров, а также региональные предприятия и филиалы крупных компаний с целью оказания материальной и организационной поддержки. Основные цели проекта «Чистая Арктика» состоят не только непосредственно в очистке территорий от отходов и, соответственно, улучшении экологической обстановки в регионе, но и в повышении качества жизни населения Арктики, а также в повышении ее туристической привлекательности и последующем развитии туристической сферы. За период реализации проекта в 2021 г. в Арктической зоне было собрано 1,5 тыс. тонн мусора при участии и содействии более 2250 добровольцев. В настоящее время открыта регистрация новых волонтеров, и любой желающий может отправить заявку и принять участие в экологических проектах Арктики¹.

Важным аспектом социально-экологического развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) является развитие медицинского обеспечения населения. Е. Е. Торопушина отмечает, что «здравоохранение в российской Арктике стало в результате оптимизации крайне поляризованной структурой, что проявляется в неоднородном пространственном распределении кадрово-инфраструктурных ресурсов. Объекты здравоохранения в значительной мере сконцентрированы в административных центрах регионов АЗРФ, что в условиях крайне низкой транспортной доступности и изолированности значительной части поселений делает медицинскую помощь малодоступной для жителей арктических территорий» [13, с. 129]. Количество врачей за последние 20 лет в ряде регионов сокращается, например, в Мурманской области «сокращение общей численности врачей [составило] с 4,4 тыс. в 2000 г. до 3,7 тыс. в 2021 г.» [13, с. 125].

Обсуждение

В результате форсированного освоения Арктической зоны и добычи природных ресурсов на ее территориях экология региона сильно пострадала от негативного техногенного и антропогенного воздействия. При безответственной организации процесса природопользования возникает увеличение техногенной нагрузки на местность,

¹ Герасимова Ю. «Чистая Арктика» строит планы по генеральной уборке Севера на следующий год // Ямал-Медиа. 2021. 26 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://yamal-media.ru/news/chistaja-arktika-stoit-plany-po-generalnoj-uborke-severa-na-sledujuschij-god> (дата обращения: 10.10.2022).

истощение природных ресурсов, уменьшение разнообразия видов растений и животных, загрязнение атмосферы, недостаток чистой воды, климатические изменения, в частности потепление.

Проблема недостаточного внимания к вопросам экологии и охраны природы, а также недостаточной экологической культуры в России, вероятно, обусловлена тем, что большие природные богатства и огромные малозаселенные территории страны давали возможность в течение длительного времени не обращать внимания на экологическую ситуацию. Становится очевидным, что в сфере промышленности важно соблюдать принцип рационального природопользования, т.е. применение в процессе производства технологий, которые являются безопасными для окружающей среды и людей. Среди основных задач рационального природопользования в Арктическом регионе можно обозначить: мониторинг экологических угроз и рисков, разработка и внедрение новых технологий в области контроля состояния окружающей среды. Совершенствование правового регулирования в данной области с юридической стороны может включать, по мнению специалистов Института государства и права РАН: «развитие и совершенствование законодательства Российской Федерации, а именно нормативно-правовой базы... по вопросам охраны окружающей среды в зоне Арктики, разработать положения, в которых был бы приведен утвержденный перечень загрязняющих веществ... разработать нормативы допустимого технического воздействия, регуляция норм загрязняющих веществ с учетом природы и климата зоны Арктики... утвердить перечень особо охраняемых природных зон... подверженных рискам и угрозам, ввести при необходимости запрет пользования природной территорией в промышленных целях; осуществить экспертизу и оценку нормативно-правовых актов стратегической оценки и территориального планирования ..., исходя из влияния профессиональной деятельности на окружающую природную среду ... разработать критерии и утвердить перечень видов деятельности, разработать нормативно-правовые акты по обязательному страхованию угроз и рисков промышленной деятельности... разработать нормативно-правовые акты по ужесточению мер ответственности за неблагоприятное воздействие на окружающую среду зоны Арктики (экологические правонарушения); [осуществить] закрепление в Законе запрета на использование и разработку газа и нефти в местах, где обитает живность, занесенная в Красную книгу» [1, с. 49].

Экологические проекты традиционно направлены на решение возникших на определенной территории проблем в сфере экологии, а также могут включать в себя превентивные меры, нацеленные на предотвращение возможных экологических проблем. Однако на сегодняшний день приобретают популярность и формируются комплексные социально-экологические проекты, направленные также на повышение качества жизни местного населения. Развитие в этом направлении тем не менее идет медленно [9, с. 112–113].

Очистка территорий Арктической зоны от мусора и вредных промышленных и бытовых отходов с последующим вывозом и утилизацией позволяет улучшить качество почв и грунтов, воздуха и воды, что должно положительно отражаться на состоянии здоровья местного населения, повышая таким образом качество жизни.

Реализация экологических проектов позволяет привлечь в Арктику волонтеров, инвесторов, активизировать местные предприятия в вопросах социальной ответственности бизнеса, способствует информированию населения об экологических проблемах Арктики, повышению туристической привлекательности Арктической зоны.

В связи с актуальностью экологических проблем и угроз в Арктической зоне РФ возникает необходимость разработки новых подходов и направлений освоения арктических территорий, их социально-экономического развития, а также улучше-

ния качества жизни населения. Главная цель подхода, основанного на принципах рационального природопользования, состоит в достижении баланса между интересами государства, научного сообщества, населения Арктики и бизнес-структур в экологической сфере с помощью создания и применения единых стратегий. Однако существуют и такие проблемы, препятствующие реализации рассматриваемой концепции рационального природопользования, как недостаток необходимого ресурсного потенциала Арктической зоны и недостаточный уровень инфраструктуры и технической оснащенности региона.

Поляризация структуры здравоохранения в Арктической зоне РФ сопровождается снижением абсолютной численности врачей в Мурманской области и увеличением данного показателя в Ненецком, Чукотском и Ямало-Ненецком АО. Однако исследования, проведенные в Институте экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, в частности, ведущего научного сотрудника Е. Е. Торопушиной, доказывают увеличение удельного показателя обеспеченности населения врачами во всех рассматриваемых регионах [13, с. 126].

Исследователи отмечают, что «существующие подходы к организации медицинской помощи населению арктических территорий можно охарактеризовать как недостаточно эффективные, что определяет необходимость формирования новой модели здравоохранения в российской Арктике» [13, с. 129]. В качестве направлений по обеспечению доступности современной медицины и, следовательно, повышению качества жизни населения предлагается разработка «комплексной государственной программы развития арктического здравоохранения, ... обеспечение значительного увеличения доступности объектов здравоохранения в удаленных, малонаселенных, прибрежных поселениях АЗРФ, обеспечение роста кадрово-инфраструктурной обеспеченности здравоохранения за счет развития как государственного, так и негосударственного сектора» [13, с. 129].

Перспективным направлением исследований можно считать, по нашему мнению, «разработку модели эколого-сбалансированного природопользования, обеспечивающей эффективное и долгосрочное устойчивое развитие Арктической зоны РФ» [12, с. 42], поскольку стратегически важно уделять внимание не только непосредственно экологическим проектам, которые, разумеется, оказывают положительное влияние на качество жизни населения Арктической зоны, но и целенаправленно заниматься проблемой повышения качества жизни людей и развития человеческого капитала в регионе.

Человеческий капитал выступает важнейшим ресурсом Арктической зоны. Экологические проблемы и недостаточно развитая социально-экономическая инфраструктура приводят к миграции населения Арктической зоны.

В работах В. Л. Квинта и В. В. Окрепилова отмечается важность повышения качества жизни и обосновывается необходимость применения в современной экономической науке «аристотелевой категории «хорошая жизнь» — высокого качества жизни и раскрытия креативных возможностей человека, которые должны обеспечиваться на корпоративном, региональном и национальном уровне» [6, с. 412].

Для оценки качества жизни населения в Арктической зоне РФ проведем расчет социально-экологических индикаторов, применяемых при оценке качества жизни в городах Арктической зоны, согласно методике Н. Г. Бобылева, С. Гадаля, М. О. Коналовой, А. А. Сергунина, А. А. Тронина и В.-П. Тюнкюнена (табл. 2).

Результаты расчетов, приведенные в табл. 2, показывают, что в 2022 г. наименьшая степень износа основных фондов на конец года по полному кругу организаций была зафиксирована в Ненецком АО, а наибольшая — в Ямало-Ненецком АО. Наивысшие показатели комфортности городской среды были определены в Республике

Коми и Ямало-Ненецком АО, а самые низкие — в Республике Саха (Якутия). Причем рейтинги комфортности городской среды практически не изменились, по сравнению с расчетами 2018–2019 гг., что позволяет дать оценку реализации существующих проектов и программ.

Применение при ранжировании субъектов Арктической зоны методик расчетов индексов экологической безопасности и индексов качества городской среды Минстроя РФ дает возможность определить наиболее проблемные зоны в обеспечении качества жизни, и, соответственно, приоритетные направления разработки и реализации стратегических проектов.

Таким образом, повышение качества жизни жителей городов Арктической зоны РФ может быть достигнуто путем разработки и реализации стратегически значимых проектов:

- по снижению уровня загрязняющих веществ в городах Красноярского края, Республики Саха (Якутия) и Мурманской области;
- по повышению обеспеченности населения качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения городов Ненецкого АО, Республики Карелия, Архангельской области;
- по повышению качества городской среды городов Республики Саха (Якутия), Архангельской области и Красноярского края.

Литература

1. *Баттахов П. П.* Актуальные проблемы правового регулирования защиты интересов России в Арктике: аспект охраны и безопасности экологических систем // *Право и государство: теория и практика.* 2021. № 4 (196). С. 46–50.
2. *Баттахов П. П.* Арктика: предпринимательство, экология и право // *Аграрное и земельное право.* 2022. № 8 (212). С. 7–10.
3. *Брехунцов А. М., Петров Ю. В., Прыкова О. А.* Экологические аспекты развития природно-ресурсного потенциала российской Арктики // *Арктика: экология и экономика.* 2020. № 3 (39). С. 34–47.
4. *Гриняев С. Н., Журавель В. П.* Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации // *Арктика и Север.* 2020. № 39. С. 52–74.
5. *Евдокимова Ю. Г., Сычева С. М., Шрамченко Т. Б.* Проблемы управления проектами в сфере экологии: рациональное природопользование и ресурсосбережение // *Вестник государственного университета управления.* 2020. № 3. С. 26–31.
6. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // *Вестник Российской академии наук.* 2014. Т. 84. № 5. С. 412–425.
7. *Милославский В. Г.* Проектный и кластерный подходы в деятельности проектного офиса в условиях Арктики // *Молодой ученый.* 2018. № 41 (227). С. 125–133.
8. *Мусиенко Т. В.* Стратегические приоритеты управления рисками экологической безопасности Арктики // *Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России.* 2022. С. 195–211.
9. *Никоноров С. М.* Арктика место для внедрения экологических проектов // *Научные труды Вольного экономического общества России.* 2020. Т. 226. С. 112–133.
10. *Погостинская Н. Н., Погостинский Ю. А., Власова М. С.* Измерение стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации // *Арктика: экология и экономика.* 2019. Т. 1. С. 21–33.
11. *Ранжирование* регионов Арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности / Н. Г. Бобылев, С. Гадаль, М. О. Коновалова [и др.] // *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2020. № 3 (69). С. 17–40.
12. *Спиридонов А. А., Фадеев А. М.* Стратегическое управление рисками освоения арктических шельфовых месторождений // *Экономика промышленности.* 2022. Т. 15. № 1. С. 36–48.
13. *Торопушина Е. Е.* Здравоохранение российской Арктики: уроки пандемии COVID-19, результаты оптимизации, приоритеты развития // *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2023. Т. 26, № 2 (80). С. 117–132.

14. *Фадеев А. М.* Стратегические приоритеты обеспечения технологической независимости при реализации энергетических проектов в Арктике // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 1 (3). С. 88–105.
15. *Фадеев А. М., Кметь О. В., Щекалев Р. В.* Развитие инфраструктуры Северного морского пути и обеспечение производства при освоении Арктики // Газовая промышленность. 2022. № 4 (831). С. 20–28.
16. *Indicators for digitalization of sustainable development goals in PEEEX program / S. N. Bobylev, O. Y. Chereschnya, S. V. Solov'eva [et al.] // Geography, Environment, Sustainability. 2018. Vol. 11, N 1. P. 145–156.*

Об авторах:

Зарецкий Андрей Андреевич, специалист Центра образовательных проектов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); zaretskiy-aa@ranepa.ru

Козырев Александр Александрович, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; kozyrev-aa@ranepa.ru

References

1. Battakhov P.P. Current problems of legal regulation of the protection of Russia's interests in the Arctic: aspect of protection and safety of environmental systems // Law and State: Theory and Practice [Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika]. 2021. N 4 (196). P. 46–50 (in Rus).
2. Battakhov P.P. The Arctic: entrepreneurship, ecology and law // Agrarian and land law [Agrarnoe i zemel'noe pravo]. 2022. N 8 (212). P. 7–10 (in Rus).
3. Brekhuntsov A. M., Petrov Yu. V., Prykova O. A. Environmental aspects of the development of the natural resource potential of the Russian Arctic // Arctic: ecology and economics [Arktika: ekologiya i ekonomika]. 2020. N 3 (39). P. 34–47 (in Rus).
4. Grinyaev S. N., Zhuravel V. P. Issues of integrated security in the Fundamentals of Russian state policy in the Arctic zone until 2035: previous experience and prospects for implementation // Arctic and North [Arktika i Sever]. 2020. N 39. P. 52–74 (in Rus).
5. Evdokimova Yu. G., Sycheva S. M., Shramchenko T. B. Problems of project management in the field of ecology: rational use of natural resources and resource conservation // Bulletin of the State University of Management [Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya]. 2020. N 3. P. 26–31 (in Rus).
6. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2014. Vol. 84. N 5. P. 412–425 (in Rus).
7. Miloslavsky V. G. Project and cluster approaches in the activities of the project office in the Arctic // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2018. N 41 (227). P. 125–133 (in Rus).
8. Musienko T. V. Strategic priorities for managing risks of environmental safety in the Arctic // Civilizational aspects of the development of the Arctic regions of Russia [Tsivilizatsionnye aspekty razvitiya Arkticheskikh regionov Rossii]. 2022. P. 195–211 (in Rus).
9. Nikonorov S. M. The Arctic is a place for the implementation of environmental projects // Scientific works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2020. Vol. 226. P. 112–133 (in Rus).
10. Pogostinskaya N. N., Pogostinsky Yu. A., Vlasova M. S. Measuring the strategy of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation // Arctic: ecology and economics [Arktika: ekologiya i ekonomika]. 2019. Vol. 1. P. 21–33 (in Rus).
11. Ranking of regions of the Arctic zone of the Russian Federation according to the environmental safety index / N. G. Bobylev, S. Gadal, M. O. Konovalova [etc.] // North and market: formation of economic order [Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka]. 2020. N 3 (69). P. 17–40.
12. Spiridonov A. A., Fadeev A. M. Strategic management of the risks of developing Arctic shelf fields // Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2022. Vol. 15. N 1. P. 36–48 (in Rus).
13. Toropushina E. E. Healthcare of the Russian Arctic: lessons from the COVID-19 pandemic, optimization results, development priorities // North and market: formation of economic order

[Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2023. Vol. 26. N 2 (80). P. 117–132 (in Rus).

14. Fadeev A. M. Strategic priorities for ensuring technological independence in the implementation of energy projects in the Arctic // Strategy: theory and practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2022. Vol. 2. N 1 (3). P. 88–105 (in Rus).
15. Fadeev A. M., Kmet O. V., Shchekalev R. V. Development of infrastructure of the Northern Sea Route and provision of production during the development of the Arctic // Gas industry [Gazovaya promyshlennost']. 2022. N 4 (831). P. 20–28 (in Rus).
16. Indicators for digitalization of sustainable development goals in PEEEX program / S. N. Bobylev, O. Y. Cheresnaya, S. V. Solov'eva [et al.] // Geography, Environment, Sustainability. 2018. Vol. 11. N 1. P. 145–156.

About the authors:

Andrey A. Zaretsky, Specialist of the Center for Educational Projects of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); zaretsky-aa@ranepa.ru

Aleksandr A. Kozyrev, Associate Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economy, Associate Professor, kozyrev-aa@ranepa.ru

Политико-воспитательная работа в частях тылового обеспечения на Курской дуге

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность публикации вызвана, во-первых, 80-летием победы многонационального советского народа и его Вооруженных сил в битве под Курском; во-вторых, возрастанием роли и значения военно-патриотического воспитания молодого поколения, которое является барометром российского общества. На основе архивных материалов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Института Российской истории, Военно-медицинского музея и других архивов, материалов фронтовых и армейских газет, военных мемуаров военачальников РККА, таких как Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев и др. рассматривается идейно-политическая работа в частях и соединениях тылового обеспечения войск в битве под Курском, мужество и героизм воинов тыла, обеспечивших войска всеми видами вооружения и боевой техники, боеприпасами и горючим, продовольствием и снаряжением.

Ключевые слова: политико-воспитательная работа, тыл, тыловое обеспечение, мужество, героизм, Военные советы, политорганы

Для цитирования: Гриднев В. П. Политико-воспитательная работа в частях тылового обеспечения на Курской дуге // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 145–157.

Political and Educational Work in the Rear Support Units on the Kursk Bulge

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The relevance of the publication is caused, firstly, by the 80th anniversary of the victory of the multinational Soviet people and its Armed Forces in the Battle of Kursk; secondly, by the increasing role and importance of military-patriotic education of the younger generation, which is a barometer of Russian society. Based on archival materials of the Russian Center for the Storage and Study of Documents of Modern History, the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, the Institute of Russian History, the Military Medical Museum and other archives, materials of front-line and army newspapers, military memoirs of military commanders of the Red Army, such as Marshals of the Soviet Union G. K. Zhukov, A. M. Vasilevsky, I. S. Konev the ideological and political work in the units and formations of the rear support of the troops in the battle of Kursk, the courage and heroism of the rear soldiers who provided the troops with all types of weapons and military equipment, ammunition and fuel, food and equipment are considered.

Keywords: political and educational work, rear, logistics, courage, heroism, Military councils, political organizations

For citing: Gridnev V. P. Political and educational work in the rear support units on the Kursk Bulge // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 145–157.

Идейно-воспитательная работа, особенности которой в битве под Курском заключались в том, что она велась в условиях преднамеренного перехода советских войск к обороне, длительных сроков ее подготовки с последующим переходом в контрнаступление без оперативной паузы, формирование у солдат и офицеров высоких морально-политических и боевых качеств, воспитание их в духе преданности Родине и ненависти к немецко-фашистским захватчикам, а также развитие на этой основе глубокого чувства ответственности за безупречное выполнение своего священного долга перед народом, боевых приказов, требований военной присяги и воинских уставов; своевременное и полное удовлетворение материальных, транспортных, бытовых и других потребностей войск в ходе решения ими поставленных боевых задач.

Осуществление этих задач обеспечивалось использованием различных форм политико-воспитательной работы: политинформаций, индивидуальных и групповых бесед, лекций, докладов, митингов, обращений Военных советов, листовок, демонстраций кинофильмов, наглядной агитации, печати и т. д.

В идейно-политическом воспитании воинов тыла применялись самые различные методы: убеждение, личный пример командира, высокая требовательность, повышение ответственности за порученное дело, решительная борьба с недисциплинированностью, которые осуществлялись во всех формах идейно-воспитательной работы.

Политико-воспитательная работа тесно увязывалась с практическими, конкретными боевыми задачами, решаемыми тыловыми частями, учреждениями и подразделениями в тот или иной период. Во время подготовки войск к Курской битве командно-политическим составом военно-автомобильной дороги № 7 (ВАД-7) изучались, например, следующие темы: «Поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной», «О воинском воспитании и чести командира Красной Армии», «Роль и значение фронтовых дорог»¹ и др.

В помощь слушателям групп регулярно проводились консультации, читались лекции и доклады на такие темы, как: «Героическое прошлое русского народа», «Офицер Красной Армии — образец воинской доблести, хранитель традиций Красной Армии, ее любви и преданности своему народу и советскому правительству», «События на фронтах и международная обстановка»².

В частях тыла для военнослужащих создавались библиотеки военно-политической, исторической и другой литературы. Так, библиотека ремпоезда № 23 Брянского фронта насчитывала около 500 книг, фронтового эвакопункта № 1 Западного фронта — 10 тыс., а в 20 госпиталиях местного эвакопункта № 92 Воронежского фронта — 14 277 экземпляров книг³.

Политическая учеба благоотворно сказывалась на идейно-теоретическом уровне офицеров, обучении и воспитании подчиненных, а в целом — на успешном выполнении боевых задач.

С воинами тыла проводились занятия по политической подготовке. Они проходили два раза в неделю в утренние часы, были тесно связаны с боевой подготовкой и направлены на внедрение в сознание бойцов требований Советского государства, изложенных в приказе Верховного Главнокомандующего № 195 и директиве Глав-

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. ВАД-7. Оп. 526731. Д. 1. Л. 30, 63 об.

² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 118-119; Ф. ВАД-7. Оп. 526731. Д. 1. Л. 30. 63 об.

³ Там же. Ф. 202. Оп. 20. Д. 25. Л 366; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 603. Оп. 1. Д. 10. Л. 72об.; Д. 11. Л. 127.

ного политического управления РККА № 22 от 2 мая 1943 г., что «... главное сейчас состоит в том, чтобы вся Красная Армия изо дня в день совершенствовала свою боевую выучку, чтобы все командиры и бойцы Красной Армии изучали опыт войны, учились воевать так, как этого требует дело победы. Поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной, твердо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, довольствием зависит исход боевых операций»¹.

Мобилизуя личный состав на решение данных задач, Главное политическое управление РККА предложило в своей директиве № 22 Военным советам и политорганам фронтов и армий провести политзанятия по следующим темам: «Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина — боевая программа действий в предстоящих решающих сражениях с немецко-фашистскими захватчиками», «Свято блюсти дисциплину, соблюдать организованность и порядок», «Поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной»².

В период июльских боев на Курской дуге в тыловых частях и учреждениях Центрального фронта, например, проводились политзанятия: «Итоги двух лет Отечественной войны против фашистских оккупантов», «Причины провала гитлеровского летнего наступления на орловско-курском и белгородском направлениях», «О зверствах немецко-фашистских оккупантов», «Выше революционную бдительность»³ и т. д.

Политработники тыла повседневно руководили политической учебой. Для руководителей групп организовывались специальные семинары, совещания, инструктажи, особенностью которых было то, что значительная часть времени отводилась обсуждению практических вопросов. Перед ними регулярно выступали командиры и политработники, делясь опытом и ставя конкретные задачи по повышению качества занятий⁴.

Все это положительно сказывалось на результатах политической учебы воинов, в конечном же счете — тыловом обеспечении войск.

Наряду с политической учебой одно из ведущих мест в идейно-воспитательной работе с красноармейцами и офицерами тыла принадлежала политинформации. Как правило, они проводились командирами и политработниками ежедневно для солдат и сержантов и один раз в неделю — для офицеров. Тематика политинформаций, определявшаяся заместителями командиров частей тыла по политической части, была разнообразной и актуальной — это доведение сводок Совинформбюро, разъяснение постановлений ГКО, приказов Ставки ВГК, НКО СССР, ГлавПУ РККА, начальника Тыла Красной Армии, решений Военных советов фронтов и армий по вопросам дисциплины и порядка, работы автотранспорта, о борьбе с бесхозяйственностью, хищениями, экономии и сбережению материальных средств и др.⁵

Действенным средством мобилизации воинов тыла на успешное выполнение боевых задач являлись такие формы идейно-политического воспитания, как лекции, доклады, беседы, читки.

В проведении этой работы велика была роль агитаторов, особенно возросла она в связи с упразднением института заместителей командиров рот по политчасти и им равных. В этих условиях значительную часть идейно-воспитательной работы пришлось выполнять агитаторам, являющимися опорой командиров и политработников. Они подбирались из числа авторитетных, наиболее подготовленных воинов.

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1950. С. 183, 185; ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 93.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 93-94.

³ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 118.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 16. Л. 59; Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 92.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 118, 274; Ф. 202, Оп. 20. Д. 16. Л. 59; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 123; Д. 38. Л. 132.

О составе агитаторов можно судить по таким данным. 19-я отдельная железнодорожная бригада Воронежского фронта имела 521 агитатора, в том числе:

- а) по званию:
 - офицерского состава — 140 человек;
 - сержантского состава — 180;
- б) по образованию:
 - высшее — 3 человека;
 - среднее — 210;
 - начальное — 308 человек¹.

Тыловые же части и учреждения 21-й армии насчитывали 539 агитаторов².

Политорганы, добиваясь плодотворной деятельности агитаторов, проводили большую работу по их обучению. Основными формами учебы агитаторов были: систематическое проведение семинаров и совещаний по отдельным вопросам политической работы и обмену опытом, инструктажи. Занятия с агитаторами носили практический характер. Политработники учили агитаторов работе с людьми, проведению агитационной работы. Так, например, проводили с агитаторами семинары по следующим темам: «Формы и методы агитационной работы на строительстве», «Задачи агитатора на строительстве по показу лучших людей и их методов работы», «Личный пример агитатора в выполнении приказов и заданий», «Обмен опытом агитационной работы», «Задачи агитаторов по обеспечению выполнения боевых приказов командования»³ и т. п.

Главным же в обучении и воспитании агитаторов было личное общение политработников с ними, живое инструктирование на месте — на строительстве, трассе, складе, базе и т. д.

Политорганы проявляли заботу и об обеспечении агитаторов подборками газетных и журнальных статей, периодической и другой литературой. Политуправления фронтов определяли порядок обеспечения частей периодической печатью, требовали, чтобы командиры и их заместители по политчасти, начальники уделяли самое серьезное внимание этому вопросу, также ставилась задача добиться, чтобы в роты приходило не менее трех-четырёх экземпляров центральных газет. «Недополучение хотя бы одного экземпляра газет по установленному... лимиту, — говорилось в директиве политуправления Воронежского фронта, — считать чрезвычайным происшествием»⁴.

Политорганы успешно решили эту задачу. Так, агитаторы госпиталя № 1392 Юго-Западного фронта получали весной 1943 г. семь наименований газет в количестве 150 шт., в том числе «Правды» и «Красной звезды» — по 50 экземпляров; 21 журнал — 146 экземпляров; агитаторы ВАД-7 в июле–августе 1943 г. получали 5 газет (117 экземпляров) и 4 журнала (34 экземпляра)⁵.

Большим подспорьем в работе агитаторов служили литература и листовки, рассылаемые систематически политуправлениями фронтов⁶. Например, политуправление Брянского фронта в июне 1943 г. отправило тыловым частям и учреждениям очередную листовку «О боевых делах в войсковых тылах» в количестве 1 тыс. экземпляров, а политуправление Воронежского фронта — книгу Е. Ярославского «Чего требует партия от коммуниста в дни Отечественной войны»⁷.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 139.

² ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 47. Л. 69.

³ ЦАМО РФ. Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 97; Ф. 25 ОЖДБр. Оп. 40037. Д. 40. Л. 132об.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 56. Л. 293.

⁵ Подсчитано авт. по: РЦХИДНИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 8. Л. 72; ЦАМО РФ. Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 4. Л. 8.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 15. Л. 146; Ф. 208. Оп. 2526. Д. 281. Л. 138-139.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 15. Л. 146; Чего требует партия от коммуниста в дни Отечественной войны // За честь Родины. 1943. 6 июня.

По инициативе политотделов в частях и подразделениях тыла создавались уголки агитаторов (агитпункты). Это были отдельные помещения, в которых вывешивалась карта, оборудовались витрины со сводками Совинформбюро, имелись подшивки газет и журналов, библиотечки политической и художественной литературы, шахматы, шашки, домино. Здесь агитаторы проводили политическую работу с личным составом¹.

Важное место в идейно-политической работе занимали агитколлективы, агитбригады и группы лекторов. Они создавались политорганами при политуправлении фронтов и политотделах армий в количестве 20–25 человек, политотделах тыловых соединений — 6–10, штабах частей — 5–6 человек². В отдельных частях они были и более многочисленны. Так, агитбригада при политотделе ВАД-26 Центрального фронта насчитывала 19 человек, а агитколлектив госпиталя № 1032 Брянского фронта — 36 человек³.

Агитколлективы создавались, как правило, из политработников. В лекторскую группу при политотделе фронтового эвакуопункта № 73 Центрального фронта входили, например, заместители начальников пяти госпиталей по политической части и пропагандисты трех госпиталей⁴.

Естественно, такой состав позволял проводить на высоком идейно-теоретическом уровне агитационно-пропагандистскую работу.

Руководили работой агитколлективов начальники политорганов и заместители командиров частей по политической части. Агитколлективы, агитбригады, группы лекторов работали по плану. Два-три раза в месяц собирались они на инструкторско-методические занятия (семинары), где старшие политработники выступали с докладами по очередным (плановым) лекциям. Здесь же давались рекомендации, каким образом раскрыть ту или иную проблему, связать ее с жизнедеятельностью коллектива и задачами подразделения, части, использовать наглядные средства. Практиковалось также предварительное заслушивание (проверка) на таких занятиях членов агитколлективов об их готовности к выступлениям перед личным составом⁵.

Забота и внимание политорганов и заместителей командиров частей по политической части способствовали тому, что агитаторы в основном ярко и доходчиво проводили агитационно-пропагандистскую работу.

В тематике лекций, докладов, бесед, читок, проводимых агитаторами, большое место занимало воспитание воинов на лучших боевых традициях, героическом прошлом русского народа и армии.

В речи на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза И. В. Сталин, обращаясь к красноармейцам и офицерам, сказал: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁶.

Следует отметить, что агитационно-пропагандистская работа особенно активно проводилась в период июльских боев. Так, в подразделениях ВАД-7 было прочи-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 119; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 139 об.; Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 9.

² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 275; Ф. 202. Оп. 20. Д. 18. Л. 3; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 139 об., 140. Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 92 об.

³ РЦХИДНИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 10. Л. 71; ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 361.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 275.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 18. Л. 3; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 140.

⁶ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 71–72.

тано 17 лекций и докладов, проведено 111 бесед и 181 читка¹. А в госпитале № 1828 Центрального фронта с 1 по 15 июля 1943 г. было проведено лекций — 6, докладов — 2, бесед — 36, читок — 357, сообщений Совинформбюро — 284 с общим охватом 18 080 человек².

Как видно из приведенных данных, чаще всего проводились беседы, читки и сообщения. Это было не случайно, так как они являлись наиболее оперативными формами политико-воспитательной работы в условиях войны.

Одной из действенных форм идейно-воспитательной работы по мобилизации воинов тыла на выполнение поставленных задач были митинги. Рожденные в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, они в период Великой Отечественной войны не только не утратили, а наоборот, приобрели еще большее значение.

Преимущество митингов состояло в том, что они сразу охватывали своим влиянием большинство красноармейцев и офицеров тыловых частей и учреждений. Выступая на митингах, воины клялись своему народу, что приложат все свои силы, чтобы с честью и достоинством выполнить задачи по тыловому обеспечению войск.

Успех проведения митингов зависел от их подготовки. Учитывая это обстоятельство, Главное политическое управление РККА требовало от политорганов тщательно готовить митинги³.

В этой связи большая роль принадлежала политотделам тыла, которые выступали организаторами подготовки и проведения всех политических мероприятий, в том числе и митингов.

Вот как, например, политотдел тыловых частей и учреждений Центрального фронта провел в апреле 1943 г. митинги «Красная Армия — армия мстителей за насилие и унижение, причиняемые немецко-фашистскими подлецами нашим братьям и сестрам в оккупированных районах нашей страны»⁴.

Получив указание и директиву Главного политического управления РККА № 16 от 30 марта 1943 г.⁵ из политуправления фронта о проведении митингов, политотдел тыла фронта провел кустовые совещания командиров, политработников, секретарей партийных и комсомольских организаций в городах Курск и Елец, на которых довел содержание директивы и дал практические рекомендации по подготовке и проведению митингов. На совещаниях особое внимание обращалось на требование ГлавПУ РККА о том, что проведение митингов необходимо считать важнейшим политическим мероприятием; задача их заключается в поднятии у каждого воина чувства жгучей ненависти к врагу, стремления отомстить фашистам; митинги должны мобилизовать красноармейцев и офицеров на выполнение очередных боевых задач.

Это требование и определило дальнейшую работу командиров и политработников. Были проведены совещания командного состава, заместителей командиров по политчасти, партийно-комсомольского актива, где присутствующие изучили директиву № 16 и материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории СССР, в том числе в г. Курске и области. Во всех ротах прошли политзанятия, политинформации, беседы, были выпущены фото- и стенгазеты, боевые листки, сделаны фотомонтажи, написаны лозунги, призывающие воинов к священной мести немецким извергам.

К проведению бесед были привлечены все красноармейцы, очевидцы жестоких расправ фашистов над советскими людьми, которые побывали в своих городах

¹ ЦАМО РФ. Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 75 об.

² Подсчитано авт. по: ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 31.

³ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 70.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 66-67.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 70-71.

и селах после их освобождения нашими войсками. Были зачитаны письма, полученные от родных и близких о творимых немцами бесчинствах.

Выступления красноармейцев и офицеров на митингах были пронизаны ненавистью к фашизму, негодованием, местью. Так, на митинге личного состава 786 отдельного автотранспортного батальона (ОАТБ) водитель младший сержант Парамонов⁶ заявил: «За издевательства фашистов над нашими советскими людьми отомстим врагу в несколько раз больше. Мы должны бить врага беспощадно, наше оружие — автомашины — держать всегда в боевой готовности, своевременно доставлять боевые грузы фронту — это обеспечит разгром врага»⁷.

На митинге 616 отдельного автомобильного батальона красноармеец Зайцев⁸ рассказал историю своей семьи. Когда его родные попали в плен, немцы держали их без воды и пищи более четырех дней в траншеях. За попытку выйти из них фашисты тут же расстреливали. Так погибла сестра, брат, отец и мать. Осталась в живых только жена, над которой немцы долго издевались. «Нет места на земле этим людоедам нашего времени!» — сказал он⁹.

Нередко митинги проводились на местах гибели боевых товарищей. 7 мая 1943 г., например, при выполнении боевого задания по перевозке боеприпасов погибли на станции Черемисиново младший лейтенант Вилков П. А., водители Неелов П. А. и Еремин В. И. Сразу же после окончания вражеской бомбежки прошел митинг личного состава 26-го ОАТБ¹⁰.

Митинги заканчивались принятием коротких резолюций, призывающих воинов мобилизовать все свои силы на беспощадную борьбу с фашистскими извергами, на образцовое выполнение задач тылового обеспечения войск.

Аналогичным образом проходили митинги и на других фронтах курского направления¹¹.

Огромное мобилизующее воздействие на личный состав тыла имели обращения Военных советов и политорганов фронтов и армий, издаваемые в канун операций, а зачастую и в ходе их. Так, перед наступлением советских войск на Курской дуге Военный совет и политуправление Центрального фронта издали две листовки-обращения: «К бойцам и офицерам войскового тыла!» и «Водитель, тебя ждет фронт»¹². Во второй листовке, например, говорилось: «Товарищ водитель! Ты — боец Красной Армии. От твоей работы зависит успех наступления. Фронт требует и ждет от тебя своевременной доставки необходимого вооружения, продовольствия и горючего. Сделай все, чтобы с честью выполнить перед Родиной и Красной Армией эту почетную, благодарную задачу»¹³.

Военный совет и политотдел 6-й гвардейской армии в период обороны издал две листовки-обращения: «Ко всем бойцам, командирам и политработникам» и «Остановить и разгромить врага!»; перед переходом войск в контрнаступление — третью — «За Родину, Сталина — вперед на разгром врага!». Всего же за время оборонительных и наступательных боев было выпущено десять листовок-обращений¹⁴.

⁶ Инициалы не указаны. — Авт.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 66.

⁸ Инициалы не указаны. — Авт.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 66.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 78.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 202 (Брянский фронт). Оп. 20. Д. 15. Л. 60-61; Ф. 208 (Западный фронт). Оп. 2572. Д. 38. Л. 51-52, 54-56; Ф. 236 (Воронежский фронт). Оп. 2694. Д. 2. Л. 84-85, 94 и др.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 63. Л. 296, 386.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 63. Л. 386.

¹⁴ Институт Российской истории (ИРИ) РАН. Ф. 2. Оп. 16. Д. 31. Л. 8-9.

Обращения побуждали бойцов и командиров (начальников) тыловых частей и учреждений к героизму, стойкости, добросовестному выполнению своих должностных обязанностей.

«Я обязуюсь добиться образцовой работы питательных пунктов, — заявил, например, техник-интендант 1 ранга Шаров¹ после выхода обращения Военного совета и политотдела 6-й гвардейской армии «Остановить и разгромить врага»². Воины тыла в ответ на призыв демонстрировали образцы самоотверженного труда. Так, электросварочная бригада 11-го армейского ремонтно-восстановительного батальона выполнила задания на 280–300%, ежедневно с ремонта выходило 10 автомашин. А личный состав 1-й роты 16-го отдельного дорожно-строительного батальона в период наступления работал по 18 часов в сутки³.

Важную роль в идейно-политическом воспитании воинов тыла играло кино. В тыловых частях и учреждениях, как правило, были кинопередвижки и стационарные киноустановки. Начальники политотделов тыла, выполняя указания ГлавПУ РККА и Военных советов фронтов и армий о кинообслуживании личного состава на фронтах⁴, лично планировали распределение и демонстрацию кинофильмов, обращали особое внимание на тщательный подбор кинолент, чтобы кино было не только развлекательным видом искусства, но и воспитывающим, требовали от политработников и агитаторов организации коротких выступлений перед началом кинофильма о главной его идее и героях. Так, политуправление Центрального фронта в помощь политработникам и агитаторам стало выпускать памятки для разъяснения сути каждого демонстрируемого фильма. В памятке о кинофильме «Александр Пархоменко» говорилось: «Кинофильм... должен быть широко использован для воспитания у бойцов стойкости, мужества и умения побеждать врага. В нем показан один из самых сложных периодов гражданской войны на Украине. Задача агитатора — помочь зрителю разобраться в этих событиях, понять их политическое значение»⁵.

Характер и масштаб этой работы можно представить по следующим данным. Демонстрация кинофильмов осуществлялась два-три раза в неделю, а в некоторых частях — госпиталях — ежедневно⁶. Личному составу чаще всего показывались военно-патриотические кинофильмы, такие как: «Дочь Родины», «Александр Пархоменко», «Партбилет», «Степан Разин», «Суворов», «Богдан Хмельницкий», «Как закалялась сталь», «Партизаны в степях Украины», «Ленинград в огне», «Непобедимые»⁷ и др. В 20 госпиталях МЭП⁸ № 92 Воронежского фронта, например, в течение июня 1943 г. было показано 213 кинокартин с общим количеством сеансов — 538, на которых присутствовало 32 тыс. человек⁹.

Большое значение в идейно-политическом воспитании придавали политорганы наглядной агитации, которая решала те же задачи, что и в целом вся политико-воспитательная работа, но делала это своими специфическими изобразительными средствами — словом и образом. Воспитательную роль наглядной агитации высоко оценивал Ф. Энгельс, который писал: «А что больше способствует сохранению революционной энергии в среде рабочих, чем плакаты, превращающие угол каждой улицы в большую газету, из которой проходящие рабочие узнают о событиях дня

¹ Инициалы не указаны. — Авт.

² ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 48. Л. 7 об.

³ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 48. Л. 8, 10.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 15. Л. 124.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 63. Л. 365.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 10. Л. 716.; ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 20. Д. 25. Л. 366.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 53. Л. 119; Д. 63. Л. 386.; Ф. 7 ОЖДБр. Оп. 40008. Д. 34. Л. 51.; АВММ. Ф. 38. Оп. 24332. Д. 1. Л. 114., 132.

⁸ Местный эвакуопункт.

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 11. Л. 127 об.

и об их значении, по которой они знакомятся с различными взглядами и возражениями против этих взглядов, около которой они встречаются одновременно людей разных классов и разных мнений, людей, с которыми они могут обсуждать содержание плакатов; короче говоря, плакат для рабочих одновременно и газета, и клуб, и все это совершенно бесплатно!» [6, с. 478].

Политотделы проявляли постоянную заботу о том, чтобы наглядная агитация всегда была лаконичной, эмоционально выразительной, воздействовала на чувства красноармейцев и офицеров тыла и вызывала у них стремление к активным и немедленным действиям, к беспощадной борьбе с фашизмом.

В качестве наглядной агитации использовались фотовитрины, фотомонтажи, «Окна ТАСС», плакаты, панно, газетные и книжные витрины, стенгазеты, боевые листки, листовки-молнии и др.

Наглядная агитация оформлялась в частях, учреждениях и подразделениях, на военно-автомобильных дорогах, на объектах строительства: автомобильных и железных дорогах и т. д. Особенно большое внимание наглядной агитации уделялось в дорожных войсках, так как они предназначались не только для личного состава военно-автомобильных дорог, но и для войск фронта. На ВАД-7, например, было установлено 224 плаката¹.

Содержание средств наглядной агитации было весьма разнообразным. Но наиболее впечатляющими были те, которые вызывали в душах советских бойцов огромное чувство ненависти к врагу. Так, политуправление Центрального фронта подготовило и разослало для фотовитрин частей снимки «Немцы сжигают пленных красноармейцев: Рассказ бойца Николая Батурина». На них показаны трупы зверски замученных советских военнопленных, обнаруженных нашими частями в одном из населенных пунктов. Под снимками был помещен текст, который заканчивался словами: «Бить, на каждом шагу бить немцев! Никакой пощады иродам!»².

Значительную помощь политорганам фронтов в обеспечении средствами наглядной агитации оказывало ГлавПУ РККА. Например, в политуправления фронтов ГлавПУ РККА отправило большое количество снимков с изображениями заколотой фашистскими штыками семьи Медынского: жены Ольги и сыновей (Вите — 5 лет, Коле — 2,5 года), а также расстрелянных немцами членов семьи Любиных: Клавдии Петровны и двух мальчиков — восьми месяцев и 14 лет. «Товарищ боец! — говорилось в пояснительном тексте. — Запомни эти снимки зверски замученных... наших женщин и детей. Это сделали людоеды-немцы. Весь их кровавый путь отмечен виселицами, расстрелами, разрушениями, везде следы чудовищных зверств немцев. Истребляй немецких гадов! Гони с родной земли проклятых захватчиков! Смерть немецким оккупантам!»³.

Большая роль в идейно-политическом воспитании воинов тыловых частей и подразделений принадлежала печати, которая всегда играла и играет важную роль в формировании у трудящихся и их вооруженных защитников высоких морально-политических и боевых качеств в решении всех важнейших задач, стоящих перед государством.

Широко освещать в армейской и фронтовой печати опыт и инициативу лучших бойцов и командиров тыла, взять под «обстрел» недостатки — так нацеливал Совет военно-политической пропаганды при ГлавПУ РККА Военные советы фронтов и армий и политорганы⁴.

¹ ЦАМО РФ. Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 118.

² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 63. Л. 127.

³ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 63. Л. 390.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 174. Л. 11.

Фронтовые и армейские газеты на своих страницах, разъясняя роль и значение тыла в Курской битве, популяризировали вдохновляющие и поучительные примеры из боевой деятельности воинов тыла, призывали всех солдат и офицеров равняться на передовиков, всячески помогать командирам, политработникам и тыловым службам устранять встречающиеся недостатки в обеспечении войск.

С этой целью газеты публиковали передовые, пропагандистские и другие статьи. Вот только некоторые из них: «Любовно устраивать быт фронтовика» (передовая), «К смотру боевого коня», «Тылы не должны отставать от наступающих войск», «Военторг или захудалая канцелярия?», «Любовь и заботу раненому воину» (передовая), «Четко снабжать войска всем необходимым» (передовая), «По-суворовски заботиться о быте и питании бойцов» (передовая), «Ремонт танка — боевая задача» (передовая)¹.

Также помещались специальные разделы: «Врач, медсестра, санитар — верные друзья раненого воина!», «Мастера своего дела», «По фронтовым дорогам», «Грузы фронту — без задержки», «Забота о бойце — забота о победе!», «Быт фронтовика»² и др.

В одном из номеров газета 6-й гвардейской армии Воронежского фронта «Боевой натиск» писала: «Каждый повар, каждый хозяйственник должны понять, что постоянная забота о воине — это почетная, благородная обязанность, это, в конечном счете, забота о победе над врагом»³.

Крупным мероприятием государства, направленным на улучшение работы фронтовой печати, явилось постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 г. «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет»⁴. Учитывая возросшее значение военной печати, государство потребовало от политорганов «...укрепить и улучшить фронтовые, армейские и дивизионные газеты, всемерно повысить их роль в политическом, военном и культурном воспитании личного состава Красной Армии и сделать их важнейшим центром политической работы»⁵.

Требования государства об улучшении работы печати положительно сказались на ее деятельности: газеты стали больше уделять внимания тыловому обеспечению войск и воспитанию воинов. Газета Центрального фронта «Красная Армия», например, за пять месяцев (апрель–август) 1943 г. поместила 174 материала, посвященных работе тыловых частей и подразделений⁶, а армейская газета «Боевой натиск» (шестая гвардейская армия) за тот же период — 71 материал⁷.

Кроме того, тираж многих газет был значительно увеличен. Так, тираж газеты Брянского фронта «На разгром врага» увеличился в июле 1943 г. с 24 тыс. до 30 тыс. экземпляров, позднее — в августе — он составил 35 тыс.; газеты «За честь Родины» (Воронежский фронт) — соответственно с 25 тыс. до 34 тыс.; газеты Юго-Западного фронта «Советский воин» — с 25 тыс. до 35 тыс. экземпляров⁸.

В августе того же года только Степной фронт выпускал две фронтовые, четыре армейские, четыре корпусные, 22 дивизионные газеты общим тиражом 86 тыс. экземпляров [3, с. 233].

¹ Красная Армия. 1943. 12 апреля; 19, 23 мая; 20 июня; 15 июля; На разгром врага. 1943. 28 мая; 1 июня; Ленинское знамя. 1943. 1 апреля.

² Боевой натиск. 1943. Апр.–авг.; За счастье Родины. 1943. Апр.–авг.; Красная Армия. 1943. Апр.–авг.; Сын Родины. 1943. Апр.–авг.

³ Карпов Л. О плохом и хорошем хозяйственнике // Боевой натиск. 1943. 27 мая.

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М. : Политиздат, 1985. Т. 7 (1938–1945). С. 410–411.

⁵ Там же. С. 411.

⁶ Подсчитано автором. Красная Армия. 1943. Апрель–август.

⁷ Подсчитано автором. Боевой натиск. 1943. Апрель–август.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 8. Л. 18, 48.

«Хотел бы особо подчеркнуть ту огромной важности патриотическую и пропагандистскую роль, которую сыграла советская печать в годы Великой Отечественной войны, — отмечал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. — Героически, в первых рядах, в самых опасных и сложных фронтовых условиях действовали спецкоры, корреспонденты центральных и фронтовых газет, бесстрашные и вездесущие фотокорреспонденты, работники радио и кино» [2, с. 282].

Военные советы и политорганы фронтов и армий постоянно изучали состояние политико-воспитательной работы в тыловых частях и подразделениях и добивались ее активизации и более тесной связи с конкретными задачами тылового обеспечения действующей армии. Только на Брянском фронте за четыре месяца (с 14 апреля по 12 августа) 1943 г. были изданы один приказ командующего войсками фронта и три директивы политуправления фронта по вопросу улучшения политической работы в частях тыла¹. Кроме того, Военным советом фронта была издана директива № 19206 от 9 июня 1943 г. о создании агитколлективов в войсках фронта².

Все это свидетельствовало о том, что Военные советы и политорганы не упускали из поля зрения идейно-политическое воспитание личного состава тыла.

Таким образом, в период Курской битвы проводилась активная и целеустремленная идейно-воспитательная работа с бойцами и командирами частей и подразделений тылового обеспечения войск.

Главная задача Военных советов и политорганов фронтов и армий заключалась в том, чтобы твердо и последовательно проводить государственную политику в действующей армии, укреплять политико-моральное состояние и дисциплину личного состава, мобилизовать воинов частей и подразделений тыла на обеспечение боевой деятельности войск. Они настойчиво добивались, чтобы каждый красноармеец и офицер тыла глубоко понимал свои задачи, сознательно относился к исполнению воинского долга. «Что ты сделал сегодня для тылового обеспечения войск?» — этот вопрос пронизывал всю деятельность органов военного управления.

Выдающееся место не только в Великой Отечественной войне, но и во всей Второй мировой войне занимает Курская битва, которая по своим итогам и значению после победы советских войск под Москвой и Сталинградом стала важным этапом на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. Если Сталинградская битва предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой. Красная Армия разгромила 30 вражеских дивизий, в том числе семь танковых; Вермахт потерял более 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий, свыше 3,7 тыс. боевых самолетов [1, с. 282; 4, с. 41].

«Поражение фашистской Германии в Курской битве показало всему миру, что Советский Союз, его Вооруженные Силы вполне в состоянии самостоятельно, без посторонней помощи выиграть войну» [5, с. 245.].

Тыл действующей армии успешно справился с поставленными задачами, внес значительный вклад в дело Победы советских войск в битве под Курском, «...которую мы вправе называть Великой битвой...» [4, с. 5].

«Огромную работу в период Курской битвы выполнил тыл Красной армии, обеспечивавший войска всеми видами вооружения и боевой техники, боеприпасами и горючим, продовольствием и снаряжением» [4, с. 41].

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 56. Л. 302-304; Ф. 202. Оп. 20. Д. 15. Л. 94, 143; Д. 18. Л. 12–13.

² ЦАМО РФ. Ф.202. Оп. 20. Д.18. Л. 3.

«Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах, организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немислимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций», — говорил М. В. Фрунзе [2, с. 41.]

«Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, армий и соединений. К сожалению, у нас очень мало пишут о тылах, работниках тыловой службы, которые своим трудом, своей творческой инициативой помогли войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-исторической победой. Вообще без хорошо организованного и четко работающего тыла современные сражения успешно проводить нельзя. Отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения войск в процессе операции неизбежно приводит к неудачам» [2, с. 40–41].

В достижении победы на Курской дуге большую роль сыграла политико-воспитательная работа. Особенность ее заключалась в том, что она велась в условиях преднамеренного перехода советских войск к стратегической обороне, длительных сроков ее подготовки.

Главным результатом идейно-воспитательной работы органов военного управления в частях и подразделениях тылового обеспечения явился высокий моральный дух личного состава, дисциплина и организованность личного состава тыловых частей и подразделений, успешное выполнение поставленных перед ними задач.

Опыт Курской битвы свидетельствует, что целеустремленность, конкретность и действенность политико-воспитательной работы достигается в том случае, если она ведется непрерывно, дифференцированно, с учетом специфики задач и особенностей тыловых частей и различных категорий личного состава тыла.

Битва под Курском наглядно подтвердила ту истину, что идея советского патриотизма явилась могучей движущей силой в борьбе Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков. Она была одним из источников массового героизма советских людей. Формирование у воинов тыла патриотизма было одной из важнейших задач политико-воспитательной работы. Эта задача актуальна и в наши дни.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, обращаясь к молодому поколению, писал: «Вы надежда нашего народа, будущие защитники своего Отечества. Поэтому должны быть компетентными и физически выносливыми». Современная армия оснащена сложнейшей боевой техникой. Следовательно, «новейшая техника по силам всесторонне подготовленным и хорошо образованным людям. Учитесь!» [2, с. 348].

Литература

1. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 5-е изд. М. : Воениздат, 1984. 496 с. Военные мемуары.
2. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. Т. 3. 7-е изд. М. : Изд-во Агентства печати Новости, 1986. 351 с. Военные мемуары.
3. *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945:* В 6 т. М. : Воениздат, 1961. Т. 3. 659 с.
4. *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М. : Наука, 1985. 528 с. Военные мемуары.
5. *Устинов Д. Ф.* Во имя победы. М. : Воениздат, 1988. 320 с. Военные мемуары.
6. *Энгельс Ф.* Дебаты по поводу закона о плакатах // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1957.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор: valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Vasilevsky A. M. The whole life's work. 5th ed. Moscow: Voenizdat, 1984. 496 p. Military memoirs. (in Rus).
2. Zhukov G. K. Memories and reflections: In 3 vols. 3. 7th ed. Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency, 1986. 351 p. Military memoirs. (in Rus).
3. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945: In 6 vols. Moscow: Voenizdat, 1961. Vol. 3. 659 p. (in Rus).
4. Konev I. S. Notes of the front commander. 1943–1945. Moscow: Nauka, 1985. 528 p. Military memoirs. (in Rus).
5. Ustinov D. F. In the name of victory. Moscow: Voenizdat, 1988. 320 p. Military memoirs. (in Rus).
6. Engels F. Debates about the law on posters // Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 6. Moscow, 1957. (in Rus).

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of the Department of Social Sciences, RANEPА St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Historical Sciences (History), Professor; valerijgridnev@yandex.ru

Актуальность внеинституциональных способов политизации молодежи

Векшин В. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vekshin_photo@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье рассматриваются внеинституциональные механизмы политизации молодежи. **Целью** данной статьи является анализ актуальности внеинституциональных механизмов вовлечения молодежи в политические процессы. **Методы.** Для достижения поставленной цели использован метод анализа научной литературы. **Результаты.** Рассмотрены основные механизмы политизации, дан теоретический обзор институтов и их роли в политической жизни. Дано описание внеинституциональных форматов политизации. **Выводы.** В результате исследования сделаны выводы об актуальности внеинституциональных способов политизации молодежи в современных условиях и показано их преимущество над институциональными. Кроме того, в работе утверждается, что использование онлайн-платформ является важным способом охвата молодежи и вовлечения ее в политические процессы. Статья предназначена для специалистов и организаций, занимающихся молодежной политикой.

Ключевые слова: политизация, институционализм, внеинституциональные форматы, молодежь

Для цитирования: Векшин В. О. Актуальность внеинституциональных способов политизации молодежи // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 158–166.

Relevance of Extra-Institutional Modes of Politicisation Young People

Vladislav O. Vekshin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; vekshin_photo@mail.ru

ABSTRACT

This article examines extra-institutional mechanisms of youth politicisation. The aim of this article is to analyse the relevance of extra-institutional mechanisms of youth involvement in political processes. Methods. The method of scientific literature analysis was used to achieve the set goal. Results. The main mechanisms of politicisation are considered, a theoretical review of institutions and their role in political life is given. A description of extra-institutional formats of politicisation is given. Conclusions. The study draws conclusions about the relevance of extra-institutional modes of youth politicisation in modern conditions and shows their advantage over institutional ones. In addition, the paper argues that the use of online platforms is an important way to reach young people and engage them in political processes. The paper is intended for professionals and organisations involved in youth policy.

Keywords: politicisation, institutionalism, extra-institutional formats, youth

For citing: Vekshin V. O. Relevance of Extra-Institutional Modes of Politicisation Young People // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 158–166.

Введение

Участие молодежи в политическом процессе является одним из важных условий существования демократии и гражданского общества. Молодежь является одной

из наиболее многочисленных социальных групп в обществе. Согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» к молодежи относится возрастная группа от 14 до 35 лет¹. По состоянию на 2021 г. она насчитывает приблизительно 35 млн человек, являясь одной из самых многочисленных групп населения [11] и ее участие в политической жизни страны имеет большое значение для ее будущего. Однако участие молодежи в общественно-политической сфере в России находится на низком уровне. М. С. Комарова отмечает, что «российская молодежная когорта пока еще недостаточно инвестирует свой потенциал в общественно-политическую сферу российского общества» [8]. В то же время, политическую активность можно называть значимой характеристикой современной молодежи, на что указывает ряд исследований [5; 9; 10].

Существует ряд причин низкого уровня участия молодежи в общественно-политической жизни России. Одна из них заключается в том, что государственные структуры, муниципальные органы власти и институты гражданского общества неэффективно вовлекают молодежь. Другая причина в том, что сами молодые люди зачастую апатичны по отношению к политике [7]. Им может казаться, что их голос не имеет значения, или они не знают о том, как можно участвовать в политическом процессе.

Цель статьи: проанализировать эффективность механизмов вовлечения молодежи в политические процессы.

Перед написанием статьи была выдвинута следующая гипотеза: внеинституциональные форматы политизации молодежи обладают высокой эффективностью.

Материалы и методы

В исследовании проведен обзор литературы по политизации молодежи, чтобы определить различные форматы политизации и механизмы, способствующие активному участию молодежи в политической жизни.

Информационные ресурсы

В выбранный список вошли следующие периодические издания: American Political Science Review, электронное периодическое издание для студентов и аспирантов «Огарев-online», Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. Издания были подобраны так, чтобы раскрыть политический и социальный аспект работы с молодежью.

Затем были сделаны следующие запросы в научной электронной библиотеке eLibrary:

- политизация молодежи;
- внеинституциональная политизация;
- институционализм;
- politicisation of youth;
- extra-institutional politicisation.

Результаты

В результате изучения источников была составлена теоретическая база, необходимая для понимания институтов в контексте исследования, а также изучены современные форматы политизации.

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

Определим теперь само понятие политизации. Ссылаясь на исследование А. Н. Савельева [14], можно выделить следующие сущностные характеристики политического: «наличие претензии на установление влияния, публичность заявки на определенную меру власти, утверждение своей значимости среди прочих действующих субъектов, некое противостояние, то есть напряженность, но не конфликт». Исходя из этого мы рассматриваем политизацию как открытое и конкурентное притязание субъектом на те ресурсы, которые могут использоваться для влияния на жизнь общества. Субъект при этом должен быть оформлен и, по Д. А. Томильцевой, обладать следующими качествами [15]: «проницаемость большинства общностей, цифровой характер коммуникации, высокий уровень мобильности молодежи, отсутствие жестких социальных связей заставляют уходить от представления о политическом субъекте как о традиционном устойчивом институте или организации». Необходимо также определить актуальное понимание институциональности. С появлением новых средств коммуникации, разнообразие форм и способов политизации растет, делая прежние классификации неполными.

Институционализм — это подход, который подчеркивает роль институтов в формировании социального поведения. Институты определяются как относительно стабильные социальные структуры, которые обеспечивают рамки для социального взаимодействия. Они могут быть формальными, например, правительства и предприятия, или неформальными, например, социальные нормы и обычаи¹.

Дж. И. Лэйн и С. Эрссон выделяют институты в широком и узком смыслах слова [22]. В узком смысле институты рассматриваются как аналитически отличные от других факторов, формирующих поведение. Другими словами, институты рассматриваются отдельно от индивидов, которые в них участвуют. Эта концепция института часто используется в экономике, где институты рассматриваются как правила игры, регулирующие экономическое поведение. Институты в широком смысле можно рассматривать как совокупность правил и жизненной практики. Это означает, что институты — это не только правила, но и модели поведения, которые возникают на основе этих правил [21, с. 22]. В статье далее используется широкое понимание институтов.

Институты являются традиционной средой вовлечения в политическую жизнь. Они могут политизировать молодежь несколькими способами. Во-первых, институты обеспечивают основу для гражданского взаимодействия. Эти рамки определяют роли, которые играют люди, правила, которым они должны следовать, и ожидания, которые они возлагают друг на друга. Во-вторых, институты являются источником смысла и легитимности деятельности. Они дают людям ощущение цели и принадлежности, а также делают взаимодействия более предсказуемыми и упорядоченными. В-третьих, институты могут использоваться для поощрения или подавления определенных типов поведения [19, с. 71].

В институциональной политизации важную роль играют политические институты [18]. Э. Гидденс определяет их как «особый тип институтов, которые устанавливают и поддерживают ограничения на доступ к ресурсам, избегают конфликтов и кризисов, а также определяют отношения власти». Одной из основных их задач является установление границ для успешного и безопасного взаимодействия внутри общества [25, с. 157]. Соблюдение этих границ обеспечивается возможностями политических институтов осуществлять легальное физическое воздействие на нарушителей. Именно эта санкционная способность делает их носителями власти. Существуют различные способы формирования власти, такие как выборы, назначение или сила.

¹ Российская социологическая энциклопедия. Норма-Инфра М. М., 1998. С. 113.

Говоря об институциональных форматах политизации, можно выделить следующие их характеристики [13]:

- 1) они обычно связаны с управлением общественными ресурсами. Сюда входят выборы, государственные учреждения и общественные институты. Эти форматы призваны обеспечить справедливое и равноправное использование общественных ресурсов;
- 2) институциональные форматы имеют тенденцию реагировать на общественные потребности. Это означает, что они предназначены для вовлечения граждан и предоставления им возможности участвовать в политическом процессе. Например, выборы призваны дать гражданам право голоса в отношении того, кто ими управляет;
- 3) характеризуются стабильными нормами и моделями поведения. Это помогает обеспечить их упорядоченность и предсказуемость;
- 4) находятся под влиянием традиций и истории. Это означает, что они отражают ценности и нормы общества, в котором существуют. Например, избирательная система в США основана на британской системе правления;
- 5) обычно имеют профессиональных организаторов. К ним относятся политики, правительственные чиновники и политические активисты. Эти профессионалы обладают знаниями и опытом, чтобы обеспечить эффективное функционирование;
- 6) институциональные форматы политизации имеют иерархию и распределение ролей. Это помогает обеспечить их эффективность и действенность. Например, на выборах существуют различные роли для избирателей, кандидатов и сотрудников избирательных комиссий.

В своей книге «Социология» Энтони Гидденс утверждает, что социальная структура основывается на индивидуальных установках [18, с. 516]. Он считает, что по мере того, как люди становятся более индивидуализированными, они с большей вероятностью выходят за рамки структурированности традиционных институтов. Это приводит к появлению новых, внеинституциональных форматов социальной организации [25]. Также внеинституциональной является культура «Сделай сам», обладающая в том числе политизирующим потенциалом [24].

Новые форматы являются структурно инновационными, поскольку позволяют индивидам соединяться друг с другом способами, которые были невозможны ранее. Они могут быть радикальными или консервативными, в зависимости от контекста, в котором они возникают [23]. Например, сети могут использоваться для организации социальных движений или для продвижения корпоративных интересов. Рои могут использоваться для координации коллективных действий или для распространения дезинформации. Множества могут использоваться для выражения политического несогласия или для потребительской активности.

Результат использования этих новых форматов в конечном итоге определяется контекстом, в котором они возникают. В одних случаях они могут привести к большей свободе и равенству для отдельных людей. В других случаях они могут привести к новым формам социального контроля.

Обсуждение

Традиционные политические институты часто построены по принципу «сверху вниз» и из-за иерархичности могут казаться труднодоступными для молодежи. Внеинституциональные же инициативы, с другой стороны, часто являются горизонтальными и, за счет этого, более привлекательными.

Они также характеризуются децентрализацией, мобильностью, экономичностью, отсутствием формальных внутригрупповых норм и стандартов, ситуативностью, нестабильностью и динамичностью.

Практически отсутствующая задержка между призывом к действию и самим действием, а также наглядность и осязаемость результатов позволяют таким инициативам создавать ощущение свободы у тех, кто эти инициативы реализует. Этому способствует и их горизонтальность, предполагающая быструю обратную связь, ощущение незаменимости каждого участника и тесные и неформальные связи между ними. Кроме того, может появляться чувство исключительности происходящего.

Все эти особенности очень привлекательны для молодых людей, которые ищут способы выразить себя. Кроме того, по А.Ш. Дубиной, молодежь «отличается от других социально-демографических групп высокой динамикой изменения своих политических предпочтений и жизненных ориентаций» [6, с. 36]. Внеинституциональные инициативы позволяют молодежи оказывать личное влияние на окружающий их мир, чего зачастую не хватает в традиционных политических институтах [16].

Также такие инициативы предлагают высокую скорость обратной связи, что означает, что молодые люди могут относительно быстро увидеть результаты своих действий. Это может выступать дополнительным мотивирующим фактором, что, в свою очередь, может помочь создать чувство воодушевления и импульс для участия в политической жизни.

Наконец, внеинституциональные форматы дают ощущение эксклюзивности [20, с. 215], что означает, что молодые люди чувствуют себя частью особой группы людей, которая что-то меняет. Это может придавать силы и способствовать укреплению солидарности и общности между людьми. Субкультура DIY (do it yourself) в этом смысле является уникальной и дает ощущение эксклюзивности не за счет причастия к особой группе, а за счет максимальной самостоятельности и побуждает к деятельности не только в политической, но и во многих других сферах жизни [26].

Наиболее благоприятной площадкой для стимулирования внеинституциональной политизации молодежи являются социальные сети. Цифровая среда сформировала принципиально новые условия социальной идентификации, самовыражения и стиля жизни молодежи, а «твиттер-революции» показывают, что она имеет значительный политический вес [2]. Они позволяют делать информацию одновременно массовой и личной. Кроме того, интернет стоит на первом месте по влиянию на мнение молодежи [12, с. 371]. Поэтому, нужно рассмотреть основные способы вовлечения молодежи в политические процессы с помощью соцсетей [17]:

- 1) вовлечение через лидеров мнений;
- 2) использование технологий « сетевого маркетинга ».

Следует понимать, что использование лидеров мнений имеет свои особенности. Частое использование публичных лиц в рекламных целях снизило доверие молодежи, к их призывам. В этой связи часто рассказ о государственных программах, политических движениях и о выборах со стороны лидеров мнений кажется искусственным и оплаченным. Реклама «в лоб» неодобрительно воспринимается молодежью, что можно проследить на следующих примерах. «В 2017 году депутат от ЛДПР Василий Власов выступил с инициативой создать Совет блогеров при Госдуме. Было проведено первое собрание, на которое не пришло большинство приглашенных», — сообщает РБК. Те же, кто принял участие, подверглись насмешкам в интернете и понесли репутационные потери среди своей аудитории¹. Похожий эффект был вызван предвыборными акциями 2018 г., которые повлекли за собой массовые отписки от блогеров. Одна из них — проект издания Lenta.ru «Кто твой

¹ Большинство популярных блогеров проигнорировало Совет блогеров в Госдуме [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2017/5947e6469a794764344b7a27> (дата обращения: 06.07.2023).

кандидат?», в рамках которого блогеры призывали участвовать в выборах [3]. Летом того же года ряд блогеров из агентства WildJam выпустили ролики в поддержку С.С. Собянина¹. Причинами таких провалов является устаревший подход к использованию лидеров мнений, при котором они открыто продвигают явно оплаченную информацию.

Более эффективными могут оказаться принципы сетевого маркетинга, которые описываются механизмом «сарафанного радио». Сетевой маркетинг основан на вовлечении в процесс рекламы рядовых граждан, частый лозунг «приведи друга и получи скидку». С точки зрения вовлечения в политику, сетевой маркетинг эффективно работает с использованием локальных лидеров мнений: микроблогеров, активистов, а также через подталкивание к горизонтальным инициативам [1]. Здесь делается ставка на внеинституциональный формат вовлечения, что, как было показано выше, близко молодежи. Такие форматы, как правило, выражаются в инициативах по сбору средств, акциях протеста, проведении небольших тематических мероприятий (дебат-клубы, квизы, читательские клубы). Использование этого потенциала крайне важно для начальных вовлечений молодежи в политические процессы.

Заключение

В заключение следует отметить, что не существует единого «лучшего» способа вовлечения молодежи в политику. Наиболее эффективный подход будет зависеть от конкретного контекста. Однако, обратившись к следующим внеинституциональным форматам вовлечения, можно успешно повысить уровень политического участия молодежи:

- использование локальных лидеров мнений. Используя сетку таких лидеров для пропаганды политического участия, можно охватить широкую аудиторию молодых людей;
- создание горизонтальных инициатив. Такие форматы участия зачастую более привлекательны для молодежи, чем институциональные. За счет горизонтальности инициативы можно дать молодым людям возможность почувствовать себя хозяевами положения, дать чувство контроля над политическим процессом;
- использование цифровых технологий. С помощью цифровых технологий, в частности интернета, можно охватить наиболее широкий пласт молодежи и вовлечь ее в политические дискуссии. Кроме того, в интернете реализуемы принципы сетевого маркетинга для вовлечения молодежи в политику, которые могут стать эффективным способом донесения политических идей до большого количества людей.

Таким образом, внеинституциональные форматы являются актуальным и перспективным механизмом политизации молодежи.

Литература

1. *Абрамов А. В., Федорченко С. Н.* Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1. С. 13–19.
2. *Аничкина В. В.* Факторы формирования политической культуры молодежи // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5. С. 56–68.

¹ Российский YouTube стал площадкой политического пиара, но его еще надо научиться делать [Электронный ресурс]. URL: <https://tjournal.ru/internet/73916-rossiyskiy-youtube-stal-ploshchadkoj-politicheskogo-piara-no-ego-eshche-nado-nauchitsya-delat> (дата обращения: 06.07.2023).

3. *Анонишнев В. М.* Социальная структура, социальные институты и процессы: монография. М. : ООО НИЦ «Инженер», 2013.
4. *Астафьева Л. В.* Роль новых медиа в избирательных кампаниях кандидатов в президенты РФ 2018 года: сравнительный анализ / Л. В. Астафьева, С. Ю. Волков // Электронное периодическое издание для студентов и аспирантов «Огарев-online». 2020. № 7. С. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/rol-novykh-media-v-izbiratelnykh-kampaniyakh-kandidatov-v-prezidenty-rf-2018-goda-sravnitelnyj-analiz> (дата обращения: 15.09.2023).
5. *Бродовская Е. В., Хуанг Т.* Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18.
6. *Дубина А. Ш.* Политико-правовые ценности современной молодежи Пензенского региона // Динамика современного общества: трансформация жизненных миров и структур: Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, Волгоград, 17–18 декабря 2020 года / отв. ред. Н. А. Скобелина. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2021. С. 35–41.
7. *Жабчик С. В.* Влияние политики на молодежь / С. В. Жабчик, С. И. Хушт // Социально-гуманитарный вестник : Всерос. сб. науч. трудов. Вып. 23. Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2018. С. 67–68. EDN YOPTON.
8. *Комарова М. С.* Участие молодежи в политическом процессе российского общества: поиск приоритетов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 279–284.
9. *Милорава А. Р.* Политическая активность российской молодежи на современном этапе // Молодой ученый. 2017. № 14. С. 572–573.
10. *Молодежное политическое лидерство в ценностно-когнитивном пространстве Северо-Западных и Южно-Сибирских регионов России.* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019.
11. *Росстат:* Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.02.2023).
12. *Рожкова Л. В., Влазнев С. А., Дубина А. Ш.* Политические ориентации и электоральная активность современной молодежи // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: матер. междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г. / под ред. Г. В. Ковалевой. СПб. : ФГБОУВО «СПбГУПТД». 2019. С. 369–374.
13. *Симонова И. А.* Между DIY и институтами: социально-философский анализ форматов // Вопросы управления. 2019. № 6 (61). С. 45–52.
14. *Савельев А. Н.* Непонимание политического // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Мат. Междунар. науч. конф. (23–24 апреля 2009 г.). М., 2009.
15. *Томильцева Д. А.* Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 4 (83). С. 25–35.
16. *Хорунжий С. Н.* Лоббизм как внеинституциональная структура публичной власти // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, Москва, 28 апреля 2016 года / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Концепция, 2016. С. 465–467.
17. *Engaging Young People in Open Government (A communication guide)* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/mena/governance/Young-people-in-OG.pdf> (дата обращения: 02.07.2023).
18. *Giddens A.* Sociology. Cambridge, 1989.
19. *Hanks M.* Youth, voluntary-associations and political-socialization // Soc. Forces. 1981. Vol. 60. P. 211–223. DOI: 10.2307/2577941.
20. *Hooghe M., Stolle D., and Stouthuysen P.* Head start in politics the recruitment function of youth organizations of political parties in Belgium (Flanders) // Party Politics. 2004. Vol. 10. P. 193–212. DOI: 10.1177/1354068804040503.
21. *Lane J.-E., Ersson S.* The New Institutional Politics: Performance and Outcomes, London and New York : Routledge, 2000.
22. *March J. G., Olsen J. P.* The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. 1984. N 78. P. 734–749.
23. *Thacker E.* Networks, Swarms, Multitudes. Part One // CTheory [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=422> (дата обращения: 06.07.2023).

24. Wolf M., Mcquitty S. Understanding the do-it-yourself consumer: DIY motivations and outcomes // *AMS Review*, 2011.
25. Wehr K. *DIY: The Search for Control and Self-Reliance in the 21st Century* // *Framing 21st Century Social Issues*. Routledge, 2013.
26. Zang M. S. *DIY: How internationalization shifts the locus of indigenous innovation for Chinese firms* // *Journal of World Business*. 2016. Vol. 51. N 5. P. 662–674.

Об авторе:

Векшин Владислав Олегович, аспирант факультета государственного и муниципального управления, направления подготовки «Политические институты, процессы и технологии» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vekshin_photo@mail.ru

References

1. Abramov A. V., Fedorchenko S. N. Politicization of modern Russian society and patriotism of citizens: content analysis of social networks // *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"* [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»]. 2016. N 1. P. 13–19 (in Rus).
2. Anichkina V. V. Factors of formation of political culture of youth // *Questions of political science* [Voprosy politologii]. 2021. Vol. 11. N 5. P. 56–68 (in Rus).
3. Anonishnev V. M. *Social structure, social institutions and processes: monograph*. M. : LLC SIC "Engineer", 2013 (in Rus).
4. Astafyeva L. V. The role of new media in the electoral campaigns of the candidates for the president of Russia 2018: a comparative analysis / L. V. Astafyeva, S. Y. Volkov // *Electronic periodical for students and postgraduates "Ogarev-online"*. 2020. N 7. P. 1–8 [Electronic source]. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/rol-novykh-media-v-izbiratelnykh-kampaniyax-kandidatov-v-prezidentskoye-2018-goda-sravnitelnyj-analiz> (accessed: 15.09.2023) (In Rus).
5. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes* [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2019. N 5. P. 3–18 (in Rus).
6. Dubina A. S. Political and legal values of modern youth of the Penza region // *Dynamics of modern society: transformation of life worlds and structures: Materials of the International scientific and practical online conference*. Volgograd, December 17–18, 2020 / ed. N. A. Skobelina. Volgograd : Volgograd State University, 2021. P. 35–41 (in Rus).
7. Zhabchik S. V. The influence of politics on youth / S. V. Zhabchik, S. I. Khusht // *Socio-humanitarian bulletin: All-Russian collection of scientific papers* / ed. chief N. P. Kuruskanova. Is. 23. Krasnodar : Krasnodar Center for Scientific and Technical Information, 2018. P. 67–68 (in Rus).
8. Komarova M. S. Participation of youth in the political process of Russian society: search for priorities // *State and municipal Administration. Scientific notes of SKAGGS* [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGGS]. 2016. N 2. P. 279–284 (in Rus).
9. Milorava A. R. Political activity of Russian youth at the present stage // *Young scientist* [Molodoi uchenyi]. 2017. N 14. P. 572–573 (in Rus).
10. *Youth political leadership in the value-cognitive space of the North-Western and South Siberian regions of Russia: brochure*. Barnaul : Publishing House of Altai University, 2019 (in Rus).
11. Rosstat: Distribution of the population by age groups [Electronic source]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed: 20.02.2023) (in Rus).
12. Rozhkova L. V., Vlazneva S. A., Dubina A. S. Political orientations and electoral activity of modern youth. Social activity of youth as a necessary condition for the development of society: mater. international scientific and practical conf. St. Petersburg, November 21–23, 2019 / ed. G. V. Kovaleva. SPb. : FGBOUVO "SPbGUPTD". 2019. P. 369–374 (in Rus).
13. Simonova I. A. Between DIY and institutions: socio-philosophical analysis of formats // *Questions of management* [Voprosy upravleniya]. 2019. N 6 (61). P. 45–52 (in Rus).
14. Savel'ev A. N. Understanding the political // *Russian policy of the XXI century: political non-political potential: Proceedings of the International Scientific Conference (23–24 April 2009)*. M., 2009 (in Rus).
15. Tomislav D. A. Historical and political responsibility: the coincidence of the boundaries of the problem field // *Politics: Analysis. Chronicle. Forecast* [Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz]. 2016. N 4 (83). P. 25–35 (in Rus).

16. Khorunzhiy S. N. Lobbying as an extra-institutional structure of public power / S. N. Khorunzhiy // Human and citizen rights and freedoms: theoretical aspects and legal practice: materials of the Annual International Scientific Conference in Memory of Professor Felix Mikhailovich Rudinsky, Moscow, April 28, 2016 / general ed. D. A. Pashentsev. M. : Concept, 2016. P. 465–467 (in Rus).
17. Engaging Young People in Open Government (A communication guide) [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/mena/governance/Young-people-in-OG.pdf> (accessed: 02.07.2023).
18. Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989.
19. Hanks M. Youth, voluntary-associations and political-socialization // Soc. Forces. 1981. Vol. 60. P. 211–223. DOI: 10.2307/2577941.
20. Hooghe M., Stolle D., and Stouthuysen P. Head start in politics the recruitment function of youth organizations of political parties in Belgium (Flanders) // Party Politics. 2004. Vol. 10. P. 193–212. DOI: 10.1177/1354068804040503.
21. Lane J.-E., Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes, London and New York : Routledge, 2000.
22. March J. G., Olsen J. P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. 1984. N 78. P. 734–749.
23. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes. Part One // CTheory [Electronic source]. URL: <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=422> (accessed: 06.07.2023).
24. Wolf M., Mcquitty S. Understanding the do-it-yourself consumer: DIY motivations and outcomes // AMS Review, 2011.
25. Wehr K. DIY: The Search for Control and Self-Reliance in the 21st Century // Framing 21st Century Social Issues. Routledge, 2013.
26. Zang M. S. DIY: How internationalization shifts the locus of indigenous innovation for Chinese firms // Journal of World Business. 2016. Vol. 51. N 5. P. 662–674.

About the author:

Vladislav O. Vekshin, Postgraduate Student of the Faculty of Public and Municipal Administration, training area “Political Institutions, Processes and Technologies” of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); vekshin_photo@mail.ru

Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке

(на примере экологических и экокультурных конфликтов)*

Галустов К. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; k.galustov@yahoo.com

РЕФЕРАТ

Цель: Выявление особенностей влияния городского режима на использование городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке.

Методы: Количественные и качественные методы социологических исследований (проведение экспертного опроса, контент-анализ СМИ, кейс-анализ); математическое моделирование (перевод данных о конфликтах в количественные показатели, расчет системы баллов и составление пространственно-временных моделей влияния динамики городского режима на трансформацию городского пространства); картографирование; типологизация.

Результаты и обсуждение: На основании пространственно-временных моделей получен эмпирический материал, показывающий особенности городских трансформаций в условиях влияния изменений городского режима в Санкт-Петербурге. Установлена трансформация городского режима от режима роста к прогрессивному режиму среднего класса, выявлен переходный городской режим ситуативной (тактической) координации. На основе картосхем проанализированы локальные проявления городского режима и его влияния в разных районах города.

Выводы: Экологические и экокультурные конфликты являются релевантным индикатором влияния городского режима и изменения городского пространства. Определены такие особенности, как расширение конфликтных зон взаимодействия акторов от центра Санкт-Петербурга к восточной полупериферии и периферии. Вместе с тем, исследуемые процессы имеют сложную, мозаичную пространственную структуру.

Ключевые слова: городские режимы, городские политические режимы, трансформация городского пространства, городская трансформация, экологический конфликт, экокультурный конфликт

Для цитирования: Галустов К. А. Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов) // Управленческое консультирование. 2023. № 12. С. 167–191.

Impact of the Urban Regime on the Urban Spatial Transformation of Saint Petersburg in the 21st Century (On the Example of Ecological and Eco-Cultural Conflicts)

Kirill A. Galustov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС, а также при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-27-00034, <https://rscf.ru/project/23-27-00034/>

and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; k.galustov@yahoo.com

ABSTRACT

Aim: Identification of the features of the impact of the urban regime dynamics on the transformation of the urban space of Saint Petersburg in the 21st century.

Methods: Quantitative and qualitative methods of sociological research (expert survey, media content analysis, case analysis); math modeling (conversion of the conflict base into quantitative indicators, calculation of the scoring system and spatio-temporal models of the impact of the urban regime dynamics on the urban spatial transformation); mapping; typology.

Results & Discussion: Empirical material was obtained on the basis of spatio-temporal models. It demonstrates the features of urban changes in the context of the urban regime dynamics in Saint Petersburg. The urban regime transformation goes from the growth to the progressive regime of the middle class, there was identified new transitional urban regime of situational (tactical) coordination. Urban regime and its impact in different city parts were investigated on the basis of maps.

Conclusions: Ecological and eco-cultural conflicts are relevant indicators of the urban regime dynamics and changes of the urban space. Such features are identified as the expansion of conflict zones of interaction between actors from the center of St. Petersburg to the eastern semi-periphery and periphery. At the same time, the studied processes have a complex, mosaic spatial structure.

Keywords: urban regimes, urban political regimes, transformation of the urban space, urban transformation, ecological conflict, eco-cultural conflict

For citing: Galustov K. A. Impact of the urban regime on the urban spatial transformation of Saint Petersburg in the 21st century (on the example of ecological and eco-cultural conflicts) // Administrative consulting. 2023. N 12. P. 167–191.

Введение

Пространство Санкт-Петербурга традиционно притягивает к себе интерес общества, инвесторов, туристов, здесь реализуются крупные инвестиционные проекты и проводятся спортивные мероприятия. Здесь разбиваются новые парки, набережные, проводится реновация депрессивных территорий.

С развитием институтов бизнеса, гражданского общества и в условиях реформирования политической системы быстро меняются интересы основных акторов городского развития — власти, бизнеса и общества [18; 19]. Это часто ведет к тому, что между акторами возникают серьезные конфликты, которые в значительной степени изменяют характер использования городского пространства. Как отмечал Анри Лефевр, все акторы в той или иной мере борются за право производства пространства и его изменения в своих интересах [24]. Согласно Коськину и др. [8], любое самовольное изменение пространства в городе уже само по себе способно порождать конфликт интересов.

Закономерности и эффективность взаимодействий основных городских акторов — носителей особых интересов, анализирует так называемая «теория» (или концепция) городских политических режимов (или городских режимов) Кларенса Стоуна [9; 28]. Именно ее мы выбрали в качестве основной теоретической рамки, так как она максимально полно объединяет в себе пересекающиеся интересы акторов в городском пространстве [10; 28]. Существует три основных типа городских режимов (по К. Стоуну): статус-кво, режим «роста» и прогрессивный режим среднего класса. При статус-кво акторы максимально заинтересованы в сохранении баланса и не вносят никаких идей по изменению городского пространства. Для режима роста характерен компромисс интересов власти и крупного строительного бизнеса вокруг задачи быстрого экономического роста в городе. Прогрессивный режим «среднего класса» возникает на экономически развитых территориях, где

общество начинает всерьез противостоять издержкам, возникающим на ниве идей «роста» [20; 21].

Некоторые исследователи отмечают, что в Санкт-Петербурге начала XXI в. сложился именно второй случай — режим «роста» [11; 12]. Возникают типичные для быстро растущего города проблемы, связанные со способностью города принять экономический рост в любых его формах [13]. Вместе с тем при этом возникает все больше конфликтных взаимодействий между акторами вокруг использования городского пространства [1; 14]. В условиях существования городского «режима роста» обществу приходится объединяться и защищать свое «право на город» [12; 22]. Более того, по мнению Д. Тева [11], в тех городах, где у власти находятся так называемые «коалиции роста» (компромисса интересов власти и крупного строительного бизнеса), основное место в повестке занимает рациональное, эффективное использование городской недвижимости и неосвоенного пространства [25; 26]. Именно по этой причине мы остановились на экокультурном и экологическом аспекте, так как именно здесь происходит визуально заметное столкновение интересов властей, секторов бизнеса и общественности за доминирование над городским пространством. Также именно такого рода конфликты во многом связаны с образом города и городской идентичности [4].

Временной ряд исследования включает конфликты с 2006 г. по настоящее время. Такие рамки избраны по двум причинам. В 2005 г. был принят один из ключевых нормативных актов, обеспечивших доминирование режима роста в Петербурге, связанный с либерализацией границ охранной зоны города, позволившим застроить множество территорий. Это привело к усилению строительного бизнеса в историко-культурном ядре Петербурга [11]. Затем по мотивам данной либерализации в следующем 2006 г. разгорается крупнейший конфликт вокруг строительства бизнес-центра «Газпром-Сити» («Охта-центр»), ставший самым крупным экокультурным конфликтом последних лет [17]. История со строительством «Охта-центра» стала известна не только в Петербурге, но даже стала предметом общественных обсуждений в других регионах. Отмена строительства и перенос административного здания «Газпрома» в Лахту существенно трансформировал дальнейшую политику использования городского пространства.

Основной целью настоящего исследования автор видит выявление особенностей влияния городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI в. Для достижения предлагаемой цели обосновывается роль экологических и экокультурных конфликтов как индикаторов воздействия городского режима в Санкт-Петербурге и составляются пространственно-временные модели влияния городского режима на трансформацию городского пространства. Особенностью данного исследования является сочетание междисциплинарных подходов географии, геоурбанистики, социологии и политологии для исследования городского пространства.

Методы

В качестве метода оценки влияния городского режима используется методика построения пространственно-временных моделей влияния городского режима на трансформацию городского пространства, которая уже была апробирована на примере экологических протестов [2], но с тех пор была несколько усовершенствована. Для создания пространственно-временных моделей на основе контент-анализа средств массовой информации (в первую очередь, региональной прессы) и опросов жителей была составлена информационная база экологических и экокультурных конфликтов по шести основным категориям:

- 1) итог конфликта (кто из акторов победил);

- 2) масштаб территории конфликта;
- 3) уровень решения/освещения проблемы (федеральный, региональный и т. д.);
- 4) длительность конфликта;
- 5) местоположение конфликта (в системе «центр-периферия»);
- 6) упоминания о конфликте в СМИ (контент-отклик).

Выборка включает в себя городские экологические и экокультурные конфликты, происходившие с начала 2006 г. В нее входят рекреационные зоны (зеленые насаждения) и объекты, способные изменить экокультурный фон городского пространства (объекты культурного наследия, исторические здания, территории реновации и т. п.). В дальнейшем была составлена количественная оценка каждого из критериев. Например, уровень решения проблемы: федеральный — 4 балла, региональный — 3 балла, муниципальный — 2 балла. На следующем этапе исследования был проведен экспертный опрос для верификации оценки веса критериев исследуемых конфликтов, на основе которого получилась итоговая система баллов. На основе данной оценки каждый конфликт получил определенное количество баллов и был нанесен на картосхему Санкт-Петербурга. С деталями и принципами данной методики можно ознакомиться дополнительно (Приложение 1).

В нашем исследовании конфликт рассматривается с помощью двухакторной модели с двумя полюсами интересов — «машина роста» (власть + бизнес) и общество. Такой подход используется, так как в каждом отдельном конфликте не всегда очевидно напрямую, кто является единственным выгодополучателем от итогов конфликта, очень часто интересы власти и бизнеса сливаются воедино. Общая для власти и бизнеса «политика роста» встречает усиление протеста и сопротивление экологических организаций, противников уплотнительной застройки и защитников историко-культурного наследия [16].

Более того, кто бы ни был катализатором конфликта, мы исходим из предпосылки, что протестный активизм является непосредственной инициативой общественности (сообществ). Поэтому в исследовании для удобства мы используем условные параметры, обозначая итог разрешения конфликта с позиции общества (победа — победа общественности, поражение — победа власти/бизнеса).

Результаты

По итогам обобщающего анализа и суммирования условных баллов конфликтов был смоделирован итоговый агрегированный показатель, который рассчитан для каждого конфликта и нанесен на картосхемы г. Санкт-Петербурга (рис. 1–3). Именно его можно определить как **пространственно-временные модели влияния городского режима на трансформацию городского пространства**, которые построены на основе анализа итогов экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге. Ниже представлена картосхема пространственно-временных моделей.

На рис. 1 представлены пространственно-временные модели городского режима на трансформацию городского пространства, составленные на основе индикативных экологических и экокультурных конфликтов (Приложение 2). Как уже было сказано выше, мы в исследовании опирались на двухакторную схему, поэтому модели разделены на 3 основные категории — победа общественности (серый цвет), промежуточное решение или компромисс (штриховка) и поражение общественности, то есть победа власти или бизнеса (белый цвет).

Размер кружка означает число баллов конфликта в абсолютных единицах, где 1 балл — это 2 мм. Максимальное число баллов имеет конфликт вокруг строительства «Охта-центра» (23 балла). Этот кейс завершился победой общества, был решен с помощью вмешательства глобальных и федеральных акторов, продолжал-

ся в течение 4 лет и имеет максимальное количество публикаций. Второе и третье место соответственно набрали Конюшенное ведомство (22 балла) и Тучков буян (21 балл). Также по 20 баллов получили конфликты вокруг Баболовского парка, Военно-медицинской академии им. Кирова, парка «Малиновка», горельефа Мефистофеля на ДOME Лишнеvского, Блокадной подстанции и парка на Смоленке. Более подробно информация о суммарных баллах конфликтов представлена в Приложении 2.

Исходя из данных таблицы и картосхемы, мы получили следующую картину — из 94 конфликтов в выборке 34 завершились победой общества, 30 промежуточным решением, 9 компромиссом и лишь 21 поражением. В относительных показателях большинство конфликтов завершились победой общественности (36%), 32% закончилось промежуточным решением, 10% компромиссом, тогда как 23% сложилось в пользу власти/бизнеса.

Белый цвет кружка указывает на доминирующий режим роста — успешность коалиции власти и бизнеса, неспособность общества отстаивать свой интерес, либо

Рис. 1. Пространственно-временные модели влияния городского режима на трансформацию городского пространства (на примере итогов экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге)

Fig. 1. Spatial-temporal models of the influence of the urban regime on the transformation of urban space (using the example of the results of environmental and ecocultural conflicts in St. Petersburg)

Источник: составлено автором на основе Приложения 2.

слабость его сопротивления. Заметно большее количество пространственно-временных моделей серого цвета указывает на значительные успехи общества. Заштрихованные кружки говорят о многочисленных случаях невозможности принятия решения в точности в ту или иную сторону, характерен поиск консенсуса, затягивание конфликта. Власть и бизнес вынуждены слышать общество, но еще вполне в силе отстаивать и собственную точку зрения на изначальный проект. Такие ситуации являются косвенным признаком прогрессивного режима среднего класса.

Данная картосхема (рис. 2) фокусируется на аспекте вовлеченности власти в конфликт, что позволяет дифференцировать роль разных уровней власти в разрешении конфликтов. Уровни власти мы разделили на 3 категории — «глобальный» (чёрные кружки), «федеральный» (серые кружки) и «региональный/ муниципальный» (белые кружки). В связи с тем, что не все муниципальные конфликты попадают во внимание прессы, а также их малой значимостью, разделением на региональный и муниципальный уровни вмешательства на картосхеме представляется возможным пренебречь (подробные данные указаны в Приложении 1). Размер кружка обозначает сумму баллов конфликтов, как и в предыдущей картосхеме.

Как видно из картосхемы, большинство из городских конфликтов разрешаются на региональном, либо муниципальном уровне. Конфликты федерального уровня

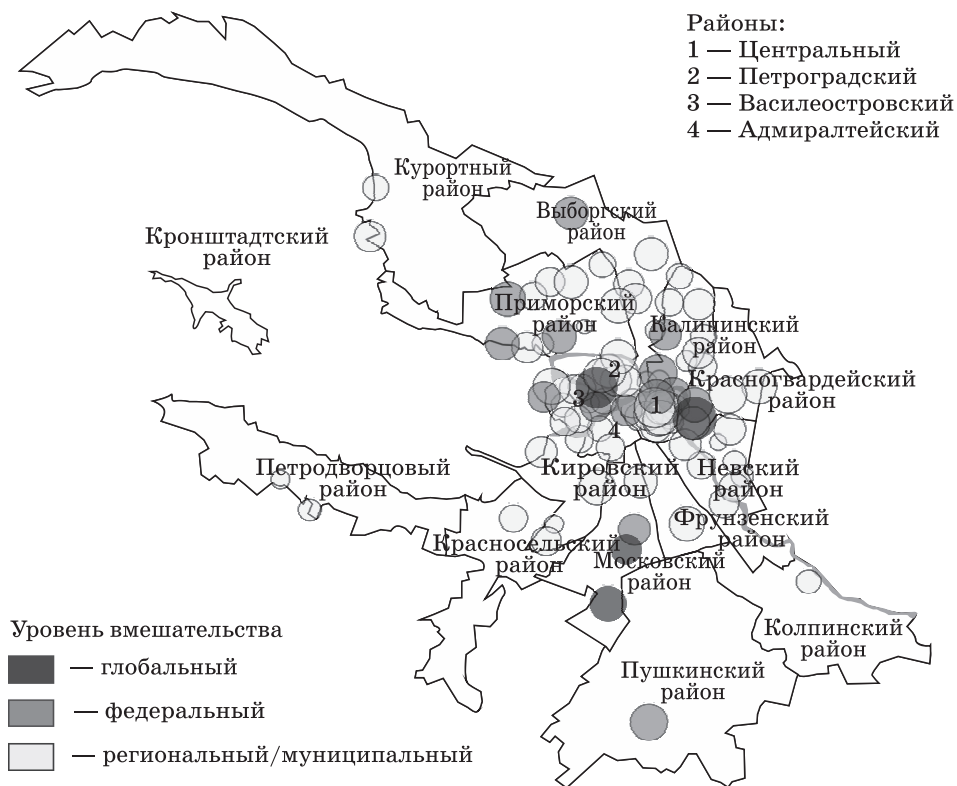

Рис. 2. Вмешательство власти в экологические и экокультурные конфликты в Санкт-Петербурге

Fig. 2. Interference of the authorities in environmental and ecocultural conflicts in St. Petersburg

Источник: составлено автором на основе Приложения 2.

уже представляют заметно более интересный предмет для анализа. К глобальному вмешательству мы относим участие ЮНЕСКО и других международных организаций в разрешении конфликта. В 3 из 4 случаев это участие оказалось критичным и привело к изменению изначального проекта («Охта-центр», Тучков буян, Пулковская обсерватория). Вмешательство ЮНЕСКО в конфликты фактически сделало эту организацию новым, глобальным актором городского пространства, с интересами которой также приходится считаться. Из 14 случаев федерального вмешательства в конфликты, 6 закончились победой общества, 4 промежуточным решением, 2 компромиссом и всего 2 поражением. Это во многом позволяет говорить о том, что федеральное и глобальное вмешательство во многом способствует консенсусу и в значительной степени учету интереса общества.

Следующая картосхема (рис. 3) выполнена в смешанном формате картограммы и картодиаграммы, где картограмма отображает относительный показатель (процент побед общественности), а картодиаграмма — абсолютный (общее число конфликтов). Процент побед отнормирован по следующей шкале «от 50% и выше», «25–50%», «менее 25» и «недостаточно данных». В свою очередь, размер кружка отражает абсолютный показатель числа конфликтов на район, где 1 балл = 2 мм. Проанализировав процент побед общественности по районам Санкт-Петербурга, мы получили самые высокие показатели в Калининском районе (60%), Красногвар-

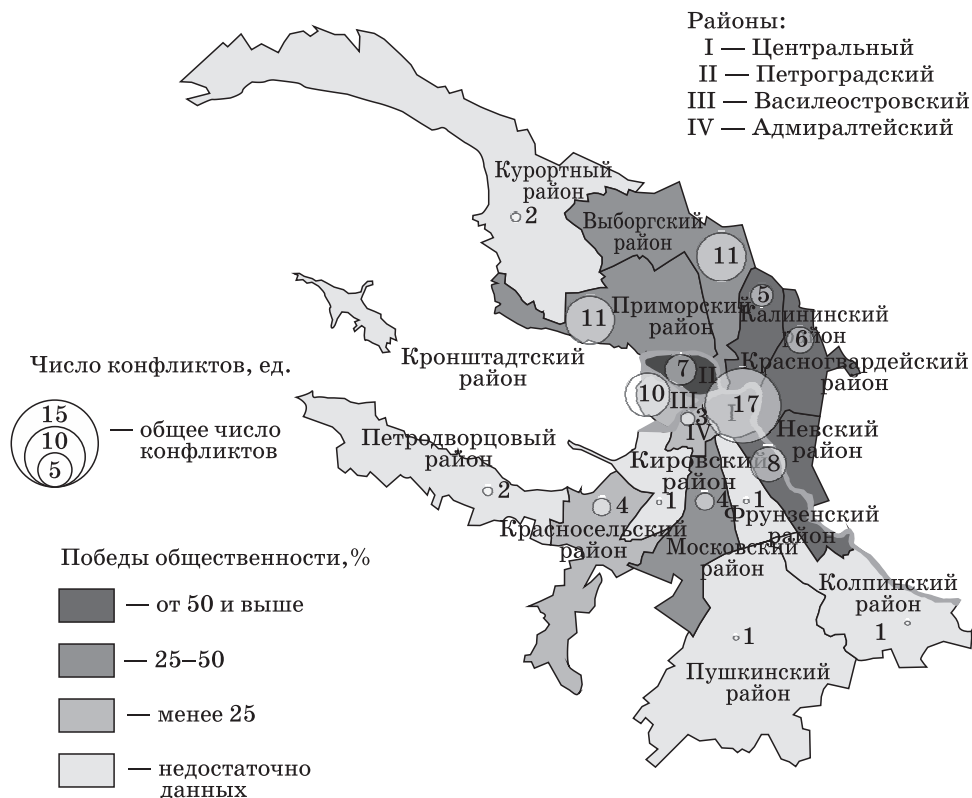

Рис. 3. Итоги побед актора «общество» в районах Санкт-Петербурга, %
 Fig. 3. Results of victories of the “society” actor in the districts of St. Petersburg, %

Источник: составлено автором на основе Приложения 2.

дейском, Невском и Петроградском (все по 50%). На второй ступени по количеству побед оказались Центральный, Московский, Приморский и Выборгский районы. При этом максимальное число конфликтов обнаружено в Центральном районе (17), а также в Приморском (11), Выборгском (11), Василеостровском (10). В остальных районах число конфликтов оказалось статистически так незначительно, что для целей исследования ими принято решение пренебречь.

Исходя из полученных результатов, видно, что наиболее серьезных успехов общество добилось на восточной периферии города, а также в Петроградском районе. Это может говорить о сильных местных сообществах и отсутствии однозначных географических закономерностей в пользу центра Санкт-Петербурга. При этом дальние периферийные районы (Пушкинский, Петродворцовый, Курортный, Колпинский) являются практически бесконфликтными территориями, как мы предполагаем, в силу значительных неосвоенных пространств и отсутствия тесных, сплоченных городских сообществ. Однако также достаточно бесконфликтными оказались и приближенные к центру Фрунзенский, Кировский районы. Районы быстрого освоения (Приморский и Выборгский) по-прежнему обладают выраженными чертами режима роста, количество успехов власти и бизнеса здесь заметно выше, чем на менее быстро развивающейся восточной периферии. Из анализа подтверждается, что различия в местоположении конфликтов оказывают существенное влияние на общественное отношение к ним [2; 23].

Обсуждение

Подчеркнем, что по итогам настоящего анализа можно сказать, что экологические и экокультурные конфликты являются индикаторами городского режима. В этой связи важно также добавить, что конфликты в центральной и полупериферийной части города, в основном, имеют экокультурный характер, тогда как на периферии — экологический. В зависимости от результатов конфликта на территории возникают или не появляются новые проекты развития и речедевелопмента.

С помощью применения модели «центр-периферия» и ее проецирования на городское пространство мы определили местоположение как важнейший фактор, который отражает локальную трансформацию городского режима. Различия в местоположении конфликтов оказывают значительное влияние на общественное отношение к ним, что, как мы отмечали выше, в дальнейшем усложняет структуру использования городского пространства [23]. Количество конфликтов в центре и прилегающей к нему полупериферии заметно концентрированнее, чем на периферии. Наиболее значимыми для горожан становятся конфликты, которые тяготеют к центру города, к зоне культурного наследия [2; 15]. Именно на этой территории наблюдается средняя наибольшая продолжительность конфликта, максимальная концентрация промежуточных решений конфликтов и компромиссов [12]. Во многом объекты культурного наследия притягивают внимание более значительных слоев городской общественности, чем на периферии.

На наш взгляд, наблюдаемые явления действительно отражают изменение городского режима, влияние общества в результатах конфликтов значительно растет. Общее количество побед общественности и уступок со стороны власти и бизнеса может говорить о кризисе обоснованного в литературе режима «машины роста» и становлении нового режима, переходного к прогрессивному. Такую ситуацию можно было бы охарактеризовать как «переходный режим тактической (ситуативной) координации» власти с бизнесом и обществом вокруг использования городского пространства. Эта ситуация в перспективе может привести к полному транзиту режима роста в прогрессивный режим среднего класса.

Рост коллективной мобилизации горожан, активно включающихся в процессы противостояния нежелательному городскому развитию, начинается именно на локальном уровне [3; 7; 16]. Горожане, несмотря на трудности доступа к процессам принятия решений, тем не менее, начинают вмешиваться и участвовать, иногда вопреки желанию коалиций роста — власти и бизнеса [5]. Несправедливое с точки зрения общества вмешательство в локальную городскую среду в конечном счете оказывает влияние на коллективную мобилизацию населения [6], а значит и на изменение городского режима в целом.

Следует отметить, что локальные городские режимы не подчиняются строгим административно-территориальным закономерностям протекания. Однако в нескольких центральных и восточных районах Санкт-Петербурга сложилась ситуация, максимально похожая по форме на сложившийся прогрессивный режим среднего класса. Несмотря на критическое количество конфликтов в центре города, столкновения акторов вокруг использования городского пространства становятся все сильнее за пределами историко-культурного ядра города, в районах значительной уплотнительной застройки советского и нового времени.

Также важно подчеркнуть, что повышение внимания к конфликту тесно связано с ростом числа публикаций в медиа, количеством информационных поводов, связанных с конфликтом. В ходе первичного анализа мы приходим к выводу о том, что конфликты, вызывающие крупный общественный резонанс, имеют существенно больше шансов завершиться в пользу общества. Разрозненная позиция власти и бизнеса значительно увеличивает вероятность победы общественности.

Вместе с тем, заметно меняется и характер трансформации городского пространства. Появляются территории, где первоначальный план редевелопмента не смог быть реализован, что видоизменило структуру использования городского пространства. Примеры: Охта-центр, Конюшенное ведомство, парк на Смоленке. Некоторые из планируемых проектов были сохранены, но перепроектированы для другой локации.

Под воздействием городского режима в Санкт-Петербурге сохранено значительное количество городских зеленых зон (например, парк «Малиновка», Муринский парк, Лопухинский сад, Ржевский лесопарк, многие другие, см. Приложение 1). Появились новые проекты по изменению использования городского пространства, например, часть территории Тучкова буяна была отдана под реализацию проекта парковой зоны вместо изначальных проектов застройки территории. В рамках существования режима роста размеры и количество существующих зеленых зон неуклонно сокращались (скверы на 9-й линии В.О., на Долгоозерной улице, парк Воинской славы).

Тот же вывод можно применить и в отношении объектов культурного наследия, которые при прежней конфигурации городского режима подвергались заметно более значительным и противоречивым реконструкциям (примеры: Дом на Невском, 112 («Стокманн»), Дом Рогова), которые стали приобретать более «мягкую» форму при переходной трансформации к прогрессивному режиму среднего класса в 2010-е гг. Объекты исторического центра стали реконструироваться с заметно большей культурно-исторической точностью (примеры: Аракатеевские казармы, Дом Штакеншнейдера, отмена реконструкции Конюшенного ведомства).

Заключение

На примере экологических и экокультурных конфликтов XXI в. мы продемонстрировали, что в Санкт-Петербурге в последние годы происходило влияние городского режима на разных локальных уровнях. Обоснованная ранее в литературе [11; 12] модель односторонней кооперации власти и бизнеса («машины роста»), по нашему мнению, уже не отвечает сложившимся реалиям, связанным с новым витком активности общества после массового сопротивления строительству «Охта-

центра» в 2006–2010 гг. и последующих за ним конфликтов [17]. Данное событие, имевшее большой общественный резонанс далеко за пределами России, по нашему мнению, фактически стало началом демонтажа городского режима «машины роста» в Санкт-Петербурге, что демонстрируют исходы большинства городских конфликтов в пользу общества. Рост усиления гражданского участия связан с улучшением экономического благосостояния по итогам 2000-х гг., увеличением потребности общества в комфортной городской среде. Рост числа побед протестующих в экологических и экокультурных конфликтах также является одним из важнейших маркеров роста среднего класса. Поэтому к 2010-м гг. в городе на смену режиму роста постепенно приходят элементы «прогрессивного режима среднего класса», который дает обществу возможность стать значимым и самостоятельным актором с серьезными инструментами влияния на изменение использования городского пространства. Избранные экологические и экокультурные конфликты в полной мере являются индикаторами изменений городских режимов, так как позволяют наглядно увидеть результаты деятельности разных акторов непосредственно в городском пространстве.

В этой связи мы полагаем, что в 2010-е гг. в Петербурге складывается особый **переходный режим ситуативной (тактической) координации** акторов с переходом от режима роста к прогрессивному режиму среднего класса. Он предопределяется слабой, но все же усиливающейся ролью городских сообществ, крупным масштабом города, сложной экономической моделью и критическим количеством объектов культурного наследия.

В городском пространстве Санкт-Петербурга также появились такие новые трансформационные особенности, как расширение конфликтных зон взаимодействия акторов от центра (Центральный, Петроградский районы) к восточной полупериферии и периферии Санкт-Петербурга (Калининский, Красногвардейский, Невский районы). Таким образом, столкновения акторов вокруг использования городского пространства становятся все острее за пределами историко-культурного ядра города, в районах низкой мобильности населения и значительной уплотнительной застройки. Происходит увеличение числа общественных пространств в городе по отношению к коммерческим и административным пространствам. Также, благодаря изменению городского режима, в Петербурге было сохранено значительное количество зеленых зон, объектов культурного наследия. В целом можно отметить, что все перечисленные процессы и явления имеют сложную, мозаичную пространственную структуру и не подчиняются однозначным административно-территориальным закономерностям.

Исследования в области городского развития являются быстро развивающимся направлением в географических и социальных науках. С точки зрения практических перспектив исследования мы полагаем, что результаты данного исследования позволяют внести вклад в снижение конфликтности пространства Санкт-Петербурга, гармонизацию отношений разных акторов, достижение социальной сплоченности, что влияет на решение проблем в различных сферах городской жизни. Все это в совокупности позволяет улучшать планирование решений по развитию городского пространства. Данное исследование может быть использовано как рекомендательный материал для органов власти, представителей бизнеса, урбанистов, политиков, географов, социологов, экономистов, других представителей научного сообщества.

Благодарности

Автор благодарит за постоянную помощь в работе своего научного руководителя профессора Константина Эдуардовича Аксенова. Также отдельная благодарность за идеи исследования директору Института страноведения им. Лейбница

профессору Себастиану Ленцу, докторам Института страноведения им. Лейбница Надиру Киносяну и Владимиру Сгибневу, доценту Северо-Западного института управления РАНХиГС Сергею Андреевичу Хрущеву. Автор высоко ценит вклад экспертов исследования — Бориса Вишневецкого, Марианны Алферовой, Светланы Дубровской, Натальи Сивохиной и Михаила Амосова. Выражаем признательность Центру городских технологий и пространственного развития и Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС за материально-техническое обеспечение исследования, а также Фонду развития научных исследований и прикладных разработок и лично Павлу Савельеву и Михаилу Демидову за мотивацию и поддержку исследования. Также выражаем благодарность докторанту Арктического университета Норвегии Эдуарду Хачатрянцу за ценные идеи по оформлению картографических материалов.

Литература

1. Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. Горожане и девелоперы: стратегические взаимодействия в городских конфликтах // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х ч. Ч. 1. Вологда, 2020. С. 99–104.
2. Галустов К. А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда — Санкт-Петербурга // Вестник СПбГУ. Сер. 7. География. 2016. № 3. С. 163–176.
3. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71–304.
4. Желнина А. А. Трансформация пространств потребления в современном российском городе на примере Санкт-Петербурга: автореф. дис. канд. социол. наук. Моск. высш. школа соц. и экон. наук. СПб., 2011.
5. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–184.
6. Закирова М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2. С. 217–240.
7. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. С. 299–305.
8. Коськин А. А., Красс В. М., Манеров М. Р. Экокультурный городской протест в Санкт-Петербурге в параметрах теории городских политических режимов: анализ конфликта вокруг здания медико-санитарной части № 1 Завода имени Калинина // Дневник науки. 2021. № 1. С. 19. EDN DXGIBI.
9. Ледаев В. Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32–60.
10. Саматарева К. А. Методология исследования городского политического режима // Политическая концептология. 2017. № 4. С. 252–256.
11. Тев Д. Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // ПОЛИТЭКС. 2006. № 2. С. 99–121.
12. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–253.
13. Ускова Т. В., Лукин Е. В., Воронцова Т. В., Смирнова Т. Г. Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН, Litres, 2019. 240 с.
14. Черепанов К. А. Градостроительные конфликты: определение, причины и следствия, участники, разрешение // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 7. С. 18–25.
15. Чернышева Л. А., Хохлова А. М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 223–238.

16. *Aidukaite J., Fröhlich C.* Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2015. N 35 (7/8). P. 565–580.
17. *Dixon M.* Gazprom versus the Skyline: Spatial Displacement and Social Contention in Saint Petersburg // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2010. Vol. 34. Is. 1. P. 35–54.
18. *Dowding K.* Explaining urban regimes // *International Journal of Urban and Regional Research*. Oxford, Cambridge, 2001. Vol. 25. N 1. P. 7–19.
19. *Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y.* Regime Politics in London Local Government // *Urban affairs rev.* Chicago, 1999. Vol. 34. N 4. P. 515–545.
20. *Elkin S.* City and Regime in the American Republic. Chicago, 1987. 227 p.
21. *Fainstein S.* City Builders: Property, Politics and Planning in New York and London. Oxford, 1994. 312 p.
22. *Harvey D.* The Right to the City // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. N 4. P. 939–941.
23. *Hillier B. and Hanson J.* The Social Logic of Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
24. *Lefebvre H.* La production de l'espace // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2, N 3. С. 27–29.
25. *Logan J. R., Molotch H. R.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkley: University of California Press, 1987.
26. *Molotch H.* The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82 (2). P. 309–332.
27. *Papadopoulos A. G.* Urban Regimes and Strategies: Building Europe's Central Executive District in Brussels, 1996, 290 p.
28. *Stone C. N.* Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence, 1989. 328 p.

Об авторе:

Галустов Кирилл Артемович, научный сотрудник Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Master of Science (MSc); k.galustov@yahoo.com

References

1. Bederson V. D., Shevtsova I. K. Citizens and developers: strategic interactions in urban conflicts // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Vologda, 2020. P. 99–104 (in Rus).
2. Galustov K. A. Spatio-temporal models of the influence of ecological and eco-cultural protest on the use of urban space on the example of Leningrad-St. Petersburg // *Vestnik of Saint Petersburg State University. Ser. 7. Geology. Geography [Vestnik SPbGU. Ser. 7. Geologiya. Geografiya]*. 2016. N 3. P. 163–176 (in Rus).
3. Gladarev B. Historical and cultural heritage of St. Petersburg: the birth of the public from the spirit of the city / Ed. By O. Kharkhordin // *From public to public*. SPb. : Publishing house EUSPb, 2011. P. 71–304 (in Rus).
4. Zhelnina A. A. Transformation of consumption spaces in a modern Russian city on the example of St. Petersburg : Abstract of the PhD Thesis in Sociology. M. : Higher school of social and economic sciences. Saint Petersburg, 2011 (in Rus).
5. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia // *Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii]*. 2019. N 22 (1). P. 162–184 (in Rus).
6. Zakirova M. "Here you can see everything!": self-presentation of the urban social movement // *Journal of Social Policy Research [Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki]*. 2008. N 2. P. 217–240 (in Rus).
7. Clement K., Miryasova O., Demidov A. From the inhabitants to the activists: emerging social movements in modern Russia. M. : Three squares, 2010. P. 299–305 (in Rus).
8. Koskin A. A., Krass V. M., Manerov M. R. Ecocultural urban protest in St. Petersburg in the parameters of the theory of urban political regimes: analysis of the conflict around the building of the medical and sanitary unit N 1 of the Kalinin Plant // *Diary of Science [Dnevnik Nauki]*. 2021. N 1. P. 19. EDN DXGIBI (In Rus).

9. Ledyayev V.G. Urban Political Regimes: Theory and Experience of Empirical Research // Political Science [Politicheskaya Nauka]. 2008. N 3. P. 32–60 (in Rus).
10. Samataryova K.A. Methodology for the study of the urban political regime // Political Conceptology [Politicheskaya kontseptologiya]. 2017 N 4. P. 252–256 (in Rus).
11. Tev D.B. Political economy approach in the analysis of local authorities. On the question of the coalition ruling in St. Petersburg // POLITEKS. 2006. N 2. P. 99–121 (in Rus).
12. Tykanova E.V., Khokhlova A.M. The urban political regime in Saint Petersburg: the role of real and imagined “Growth Machines” in the struggle for urban space // Journal of Social Policy Research [Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki]. 2015. N 2. P. 241–253 (in Rus).
13. Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. Problems of economic growth of the territory. Vologda : ISEDT RAS, Litres, 2019. 240 p.
14. Cherepanov K.A. Town-planning conflicts: definition, causes and consequences, participants, resolution // Fundamental and Applied Research: Problems and Results [Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezultaty]. 2013. N 7. P. 18–25 (in Rus).
15. Chernysheva L.A., Khokhlova A.M. Creating value and authenticity: urban conflicts around historical buildings // Journal of Social Policy Research [Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki]. 2021. Vol. 19. N 2. P. 223–238 (in Rus).
16. Aidukaite J., Fröhlich C. Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. N 35 (7/8). P. 565–580.
17. Dixon M. Gazprom versus the Skyline: Spatial Displacement and Social Contention in Saint Petersburg // International Journal of Urban and Regional Research. 2010. Vol. 34. Is. 1. P. 35–54.
18. Dowding K. Explaining urban regimes // International Journal of Urban and Regional Research. Oxford, Cambridge, 2001. Vol. 25. N 1. P. 7–19.
19. Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y. Regime Politics in London Local Government // Urban affairs rev. Chicago, 1999. Vol. 34. N 4. P. 515–545.
20. Elkin S. City and Regime in the American Republic. Chicago, 1987. 227 p.
21. Fainstein S. City Builders: Property, Politics and Planning in New York and London. Oxford, 1994. 312 p.
22. Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. Vol. 27. N 4. P. 939–941.
23. Hillier B. and Hanson J. The Social Logic of Space. Cambridge : Cambridge University Press, 1984.
24. Lefebvre H. La production de l'espace // Sociological review. 2002. Vol. 2, N 3. P. 27–29.
25. Logan J.R., Molotch H.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkley: University of California Press, 1987.
26. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82 (2). P. 309–332.
27. Papadopoulos A.G. Urban Regimes and Strategies: Building Europe's Central Executive District in Brussels, 1996, 290 p.
28. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence. 1989. 328 p.

About the author:

Kirill A. Galustov, Researcher of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); PhD student of Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Master of Science (MSc); k.galustov@yahoo.com

Приложение 1. Таблица экологических и экокультурных конфликтов с 2006 года

№	Наименование конфликта	Район	Итог протеста	Масштаб территории конфликта	Уровень решения проблемы / осуждения проблемы	Длительность конфликта	Место-положение конфликта	Упоминания в конфликте (контент-отклик)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Английский парк	Петродворцовый	Победа	Средний	Муниципальный	2 мес.	Периферия	200
2	«Аракчеевские казармы», дома на Шпалерной ул.	Центральный	Победа	Малый	Региональный	1 год	Центр	25 тыс.
3	Баболовский парк	Пушкинский	Победа	Крупный	Федеральный	7 лет	Периферия	29 тыс.
4	Биржа на Большом пр. В. О.	Василеостровский	Компромисс	Малый	Региональный	2 года	Полупериферия	80 тыс.
5	Блокадная подстанция	Центральный	Победа	Малый	Региональный	7 лет	Центр	120 тыс.
6	Больница Св. Марии Магdalины	Василеостровский	Поражение	Малый	Региональный	7 лет	Центр	3 тыс.
7	Бульвар на ул. Крыленко	Невский	Компромисс	Средний	Региональный	7 лет	Периферия	20 тыс.
8	БЦ «Монблан»	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	6 месяцев	Полупериферия	20 тыс.
9	Военно-медицинская академия им. Кирова	Выборгский	Победа	Крупный	Федеральный	3 года	Полупериферия	73 тыс.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	Воскресенская церковь, пос. Металлострой	Колпинский	Поражение	Средний	Региональный	5 лет	Периферия	2500
11	Гаванские бани	Василеостровский	Компромисс	Малый	Региональный	2 месяца	Полупериферия	35 тыс.
12	ГМП «Исаакиевский собор»	Центральный	Победа	Малый	Федеральный	1 год	Центр	380 тыс.
13	Деминский сад	Невский	Победа	Малый	Региональный	9 лет	Полупериферия	900
14	Дом Art View House на наб. р. Мойки, 102	Адмиралтейский	Поражение	Малый	Региональный	1 год	Центр	170 тыс.
15	Дом Абазы	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	9 лет	Центр	60 тыс.
16	Дом Басевича	Петроградский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Центр	86 тыс.
17	Дом Книги	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	6 месяцев	Центр	120 тыс.
18	Дом Литераторов (Невский пр., 68)	Центральный	Компромисс	Малый	Региональный	2 года	Центр	300 тыс.
19	Дом Лишневого, горельеф «Мефистофель»	Петроградский	Победа	Малый	Региональный	7 лет	Центр	150 тыс.
20	Дом на Невском, 112 «Стокманн»	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	2 года	Центр	90 тыс.
21	Дом на пр. Бакунина, 33	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	2 месяца	Центр	25 тыс.

Продолжение прилож. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
22	Дом Рогова	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	8 лет	Центр	450 тыс.
23	Дом Чубакова	Василеостровский	Компромисс	Малый	Федеральный	1 год	Центр	30 тыс.
24	Дом Шагина (Зыкова)	Адмиралтейский	Промежуточное решение	Малый	Федеральный	10 лет	Центр	33 тыс.
25	Дом Штакеншнейдера	Центральный	Победа	Малый	Региональный	6 лет	Центр	7 тыс.
26	Дом Юргенса	Центральный	Победа	Малый	Региональный	2 года	Центр	120 тыс.
27	ЖК «Аврора»	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	3 месяца	Полупериферия	15 тыс.
28	Здание ВНИИБ (2-й Муринский пр.)	Выборгский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Периферия	27 тыс.
29	Здание медсанчасти № 1 завода им. М. И. Калинина	Василеостровский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Полупериферия	40 тыс.
30	Конюшенное ведомство	Центральный	Победа	Средний	Федеральный	11 лет	Центр	155 тыс.
31	«Лахта-центр»	Приморский	Поражение	Крупный	Федеральный	5 лет	Полупериферия	380 тыс.
32	Лопухинский сад	Петроградский	Победа	Средний	Региональный	10 лет	Центр	68 тыс.
33	Луговой парк	Петродворцовый	Промежуточное решение	Средний	Муниципальный	2 мес.	Периферия	140

1	2	3	4	5	6	7	8	9
34	Мартыновский сквер	Приморский	Победа	Крупный	Региональный	5 лет	Периферия	20 тыс.
35	Матвеевский сад	Петроградский	Победа	Средний	Муниципальный	2 года	Центр	3 тыс.
36	Митрофаньевское кладбище	Московский	Победа	Крупный	Региональный	6 лет	Периферия	19 тыс.
37	«Морской фасад»	Василеостровский	Поражение	Крупный	Федеральный	2 года	Полупериферия	800 тыс.
38	Музей Достоевского	Центральный	Победа	Малый	Региональный	2 года	Центр	607 тыс.
39	Муринский парк	Калининский	Победа	Средний	Региональный	1 год	Периферия	160 тыс.
40	Мусорный полигон на Левашовском ш.	Выборгский	Компромисс	Крупный	Федеральный	3 года	Периферия	30 тыс.
41	Намывной остров в Сестрорецке	Курортный	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	22 тыс.
42	Некрасовский сад (Греческая церковь)	Центральный	Промежуточное решение	Средний	Региональный	8 лет	Центр	35 тыс.
43	Обуховская больница	Адмиралтейский	Поражение	Средний	Региональный	2 года	Центр	20 тыс.
44	Опочининский сад	Василеостровский	Победа	Средний	Региональный	2 года	Полупериферия	400
45	Орловский карьер и Новоорловский заказник	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	2 года	Периферия	700
46	«Охта-центр»	Красногвардейский	Победа	Малый	Глобальный	4 года	Полупериферия	2,5 млн

Продолжение прилож. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
47	Памятники Охтинского мыса	Красногвардейский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Полупериферия	105 тыс.
48	Парк «Александрино» (березовая роща)	Красносельский	Поражение	Средний	Региональный	3 месяца	Периферия	54 тыс.
49	Парк «Заросли»	Василеостровский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	1 год	Полупериферия	23 тыс.
50	Парк «Малиновка»	Красногвардейский	Победа	Средний	Региональный	9 лет	Периферия	68 тыс.
51	Парк 300-летия Санкт-Петербурга	Приморский	Поражение	Крупный	Региональный	5 лет	Периферия	1 млн 100 тыс.
52	Парк 30-летия Октября	Невский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Периферия	10 тыс.
53	Парк Академика Сахарова	Калининский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	15 тыс.
54	Парк Воинской славы	Невский	Поражение	Средний	Муниципальный	10 мес.	Периферия	100
55	Парк имени Есенина	Невский	Победа	Средний	Муниципальный	4 месяца	Периферия	1 тыс.
56	Парк Интернационалистов	Фрунзенский	Победа	Крупный	Региональный	1,5 года	Периферия	420 тыс.
57	Парк на Смоленке	Василеостровский	Победа	Средний	Региональный	6 лет	Полупериферия	930 тыс.
58	Парк у Серебряного пруда	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	4 года	Периферия	20 тыс.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
59	Парк «Гучков Буян»	Петроградский	Промежуточное решение	Крупный	Глобальный	9 лет	Центр	24 тыс.
60	Площадь Мужества	Выборгский	Победа	Средний	Федеральный	3 года	Периферия	10 тыс.
61	Подковыровский сад	Петроградский	Победа	Малый	Региональный	3 года	Центр	25 тыс.
62	Пулковская обсерватория — ЖК «Планетоград»	Московский	Компромисс	Крупный	Глобальный	3 года	Периферия	200 тыс.
63	Ржевский лесопарк	Красногвардейский	Победа	Крупный	Региональный	7 лет	Периферия	80 тыс.
64	Сад Ивана Фомина	Выборгский	Победа	Малый	Региональный	4 года	Периферия	180 тыс.
65	Сад на Неве	Центральный	Промежуточное решение	Средний	Федеральный	1,5 года	Центр	460 тыс.
66	Сестрорецкий курорт	Курортный	Поражение	Крупный	Региональный	2 года	Периферия	27 тыс.
67	Сквер 2А и 2Г в Улянке	Красносельский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	8 лет	Периферия	10 тыс.
68	Сквер Бенуа	Калининский	Победа	Крупный	Региональный	1 год	Периферия	900
69	Сквер на 6-й Советской ул.	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	10 лет	Центр	70 тыс.
70	Сквер на 9-й линии В. О. (бизнес-центр «Соверен»)	Василеостровский	Поражение	Малый	Муниципальный	2 года	Центр	200
71	Сквер на Долгоозерной ул.	Приморский	Поражение	Средний	Региональный	2 года	Периферия	25 тыс.

Продолжение прилож. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
72	Сквер на Канонерском острове	Кировский	Победа	Средний	Региональный	4 года	Периферия	4 тыс.
73	Сквер на Комендантском пр., д. 40	Приморский	Победа	Малый	Региональный	1 год	Периферия	210 тыс.
74	Сквер на пр. Энгельса	Выборгский	Победа	Средний	Региональный	2,5 года	Периферия	30 тыс.
75	Сквер на ул. Верности	Калининский	Победа	Средний	Муниципальный	2 года	Периферия	50
76	Сквер на ул. Гастелло (Чесменский дворец)	Московский	Поражение	Малый	Глобальный	5 лет	Полупериферия	30 тыс.
77	Сквер на ул. Демьяна Бедного	Выборгский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	10 мес.	Периферия	26 тыс.
78	Сквер на ул. Савушкина 112 (МФЦ «Астана»)	Приморский	Победа	Средний	Федеральный	6 лет	Периферия	7 тыс.
79	Сквер на ул. Савушкина, 145	Приморский	Промежуточное решение	Малый	Муниципальный	1,5 года	Периферия	7 тыс.
80	Сквер на Школьной ул.	Приморский	Поражение	Малый	Муниципальный	1 год	Периферия	150
81	Сквер Подводников	Калининский	Поражение	Средний	Региональный	1 год	Периферия	7 тыс.
82	Сквер у Большеохтинского пр. (дома Верховного суда РФ)	Красногвардейский	Промежуточное решения	Крупный	Федеральный	2 года	Полупериферия	120 тыс.
83	Сквер у СКК «Петербургский»	Московский	Промежуточное решение	Крупный	Федеральный	2 года	Полупериферия	42 тыс.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
84	«Собаچه сердце», дом в Десярном пер.	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	2 мес.	Центр	800
85	Старонаголовский массив (пр. Мориса Тореза)	Выборгский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	3 года	Периферия	13 тыс.
86	Технопарк «Ингрия», Кудровский лес	Невский	Компромисс	Крупный	Муниципальный	7 мес.	Периферия	130
87	Удельный парк	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	9 лет	Периферия	70 тыс.
88	Фабрика Мельцера	Петроградский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Центр	19 тыс.
89	Фарфоровское кладбище	Невский	Победа	Средний	Региональный	1 год	Периферия	80 тыс.
90	Храм на Матисовом канале	Красносельский	Компромисс	Малый	Региональный	5 лет	Периферия	45 тыс.
91	Широтная магистраль (ВСД)	Красногвардейский/Невский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	242 тыс.
92	Южно-Приморский парк	Красносельский	Промежуточное решение	Крупный	Муниципальный	4 года	Периферия	2 тыс.
93	Юнтоловский заказник	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Федеральный	12 лет	Периферия	160 тыс.
94	Яблоновский сад	Невский	Победа	Средний	Региональный	3 года	Периферия	32 тыс.

**Баллы конфликтов для построения
пространственно-временных моделей влияния городского режима**

№	Наименование конфликта	Итог протеста	Масштаб территории конфликта	Уровень решения/освещение проблемы	Длительность конфликта	Местоположение конфликта	Упоминания конфликта (контент-отклик)	Сумма баллов
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	«Охта-центр»	5	2	5	4	2	5	23
2	Конюшенное ведомство	5	2	4	4	3	4	22
3	Парк «Тучков Буян»	3	3	4	4	3	4	21
4	Баболовский парк	5	3	4	4	1	3	20
5	Военно-медицинская академия им. Кирова	5	3	4	2	2	3	20
6	Парк «Малиновка»	5	2	4	4	1	4	20
7	Парк на Смоленке	5	2	3	4	2	4	20
8	Блокадная подстанция	5	1	3	4	3	4	20
9	Дом Лишневского, горельеф «Мефистофель»	5	1	3	4	3	4	20
10	Митрофаньевское кладбище	5	3	3	4	1	3	19
11	Удельный парк	5	3	3	4	1	3	19
12	Парк Интернационалистов	5	3	3	3	1	4	19
13	Ржевский лесопарк	5	3	3	4	1	3	19
14	Лопухинский сад	5	2	3	4	3	2	19
15	Подковыровский сквер	5	1	3	4	3	3	19
16	«Аракчеевские казармы», дома на Шпалерной ул.	5	1	3	4	3	3	19
17	Дом Юргенса	5	1	3	3	3	4	19
18	Музей Достоевского	5	1	3	3	3	4	19
19	Юнтоловский заказник	3	3	4	4	1	4	19
20	Сквер у Большеохтинского пр. (дома Верховного суда РФ)	3	3	4	3	2	4	19
21	Пулковская обсерватория — ЖК «Планетоград»	3	3	5	3	1	4	19
22	Сад на Неве	3	2	4	3	3	4	19
23	Мартыновский сквер	5	2	3	4	1	3	18

1	2	3	4	5	6	7	8	9
24	Сквер на ул. Савушкина, д. 112 (МФЦ «Астана»)	5	2	4	4	1	2	18
25	Сад Ивана Фомина	5	1	3	4	1	4	18
26	Мусорный полигон на Левашовском шоссе	3	3	4	4	1	3	18
27	Широтная магистраль (ВСД)	3	3	3	4	1	4	18
28	Памятники Охтинского мыса	3	2	3	4	2	4	18
29	Некрасовский сад (Греческая церковь)	3	2	3	4	3	3	18
30	«Лахта-центр»	1	3	4	4	2	4	18
31	Матвеевский сад	5	2	2	3	3	2	17
32	Сквер на пр. Энгельса	5	2	3	3	1	3	17
33	Яблоновский сад	5	2	3	3	1	3	17
34	Площадь Мужества	5	2	4	3	1	2	17
35	Муринский парк	5	2	3	2	1	4	17
36	Сквер на Канонерском острове	5	2	3	4	1	2	17
37	ГМП «Исаакиевский собор»	5	1	4	3	3	4	17
38	Деминский сад	5	1	3	4	2	1	17
39	Намывной остров в Сестрорецке	3	3	3	4	1	3	17
40	Парк Академика Сахарова	3	3	3	4	1	3	17
41	Сквер у СКК «Петербургский»	3	3	4	3	1	3	17
42	Фабрика Мельцера	3	2	3	3	3	3	17
43	Дом Басевича	3	1	3	4	3	3	17
44	Дом Шагина (Зыкова)	3	1	3	4	3	3	17
45	Дом Литераторов (Невский пр., 68)	3	1	3	3	3	4	17
46	Парк 300-летия Санкт-Петербурга	1	3	3	4	1	5	17
47	«Морской фасад»	1	3	4	3	2	4	17
48	Фарфоровское кладбище	5	2	3	2	1	3	16
49	Опочининский сад	5	2	3	3	2	1	16
50	Сквер на Комендантском пр., д. 40	5	1	3	2	1	4	16
51	Сквер 2А и 2Г в Ульянке	3	3	3	4	1	2	16
52	Старопарголовский массив (пр. Мориса Тореза)	3	3	3	3	1	3	16
53	Бульвар на ул. Крыленко	3	2	3	4	1	3	16
54	Здание медсанчасти № 1 завода им. М. И. Калинина	3	1	3	4	2	3	16
55	Дом Чубакова	3	1	4	2	3	3	16
56	«Дом Книги»	3	1	3	2	3	4	16
57	Дом Штакеншнейдера	3	1	3	4	3	2	16

1	2	3	4	5	6	7	8	9
58	Дом Рогова	1	1	3	4	3	4	16
59	Сквер на ул. Гастелло (Чесменский дворец)	1	1	5	4	2	3	16
60	Сквер Бенуа	5	3	3	2	1	1	15
61	Южно-Приморский парк	3	3	2	4	1	2	15
62	Сквер на Долгоозерной ул.	3	2	3	3	1	3	15
63	Парк 30-летия Октября	3	2	3	3	1	3	15
64	Парк «Заросли»	3	2	3	2	2	3	15
65	Биржа на Большом пр. В. О.	3	1	3	3	2	3	15
66	«Дом Абазы»	3	1	3	4	3	1	15
67	Храм на Матисовом канале	3	1	3	4	1	3	15
68	Здание ВНИИБ	3	1	3	4	1	3	15
69	Обуховская больница	1	2	3	3	3	3	15
70	Сквер на 6-й Советской ул.	1	1	3	4	3	3	15
71	Сквер на ул. Верности	5	2	2	3	1	1	14
72	Орловский карьер и Новоорловский заказник	3	3	3	3	1	1	14
73	Сквер на ул. Демьяна Бедного	3	2	3	2	1	3	14
74	Дом на пр. Бакунина, 33	3	1	3	1	3	3	14
75	Сестрорецкий курорт	1	3	3	3	1	3	14
76	Дом Art View House на наб. р. Мойки, 102	1	1	3	2	3	4	14
77	Дом на Невском, 112 «Стокманн»	1	1	3	3	3	3	14
78	Больница Св. Марии Магдалины	1	1	3	4	3	2	14
79	Гаванские бани	3	1	3	1	2	3	13
80	Воскресенская церковь, пос. Металлострой	1	2	3	4	1	2	13
81	Парк у Серебряного пруда	1	1	3	4	1	3	13
82	Парк имени Есенина	5	2	2	1	1	1	12
83	Луговой парк	3	2	2	1	1	3	12
84	Сквер на ул. Савушкина, 145	3	1	2	3	1	2	12
85	«Собачье сердце», дом в Дегтярном пер.	3	1	3	1	3	1	12
86	БЦ «Монблан»	1	1	3	2	2	3	12
87	Технопарк «Ингрия», Кудровский лес	3	3	2	2	1	1	12
88	Сквер Подводников	1	2	3	2	1	2	11
89	Сквер на 9-й линии В. О. (бизнес-центр «Соверен»)	1	1	2	3	3	1	11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
90	ЖК «Аврора»	1	1	3	1	2	3	11
91	Английский парк	3	2	2	1	1	1	10
92	Парк «Александрино» (березовая роща)	1	2	3	1	1	2	10
93	Парк Воинской славы	1	2	2	2	1	1	9
94	Сквер на Школьной ул.	1	1	2	2	1	1	8

Цифровизация социальной сферы: новые подходы и решения

Козырева Л. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kozyreva-ld@ranepa.ru

Digitalization of the Social Sphere: New Approaches and Solutions

Larisa D. Kozyreva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; kozyreva-ld@ranepa.ru

В ноябре 2023 года состоялся Международный научно-практический семинар по теме «Цифровизация социальной сферы жизни общества в России и Китае», проводимый в рамках научно-исследовательского проекта РАНХиГС Санкт-Петербург и Шанхайского административного института (КНР) «Влияние внедрения системы социального кредита на институты общества».

Взаимовыгодное и успешное сотрудничество Северо-Западного института управления (СЗИУ) РАНХиГС и Шанхайского административного института (ШАИ) продолжается почти 20 лет. За это время осуществлены десятки проектов, опубликованы сотни статей, монографии, состоялись дружественные визиты, проведены международные мероприятия различного формата.

Выступивший на семинаре заместитель директора СЗИУ А. А. Азаров, отметил «уникальность партнерского исследовательского проекта», подчеркнул тот факт, что в период нестабильности Россия и Китай готовы оказывать твердую взаимную поддержку по вопросам, касающимся основных интересов друг друга. В этом отношении еще больше возрастает значимость взаимных исследований важнейших сфер жизни общества.

Китайский коллега Ма Сихен, являющийся директором департамента социологии и руководителем проекта со стороны ШАИ, подчеркнул важность и плодотворность российско-китайского научного сотрудничества, которое постоянно развивается и углубляется. Он пожелал участникам встречи плодотворных дискуссий.

Проблемы цифровизации партийно-политической сферы, которые в Китае трактуются как «умное партийное строительство», были представлены в выступлении профессора Пан Хуньянь. Интерес к этой проблеме у китайских коллег не случаен.

Отметим, что проблема партийного строительства была актуализирована решениями XVIII съезда Коммунистической партии Китая и идеями Си Цзиньпина по построению «долговременной правящей марксистской партии». Коллега из ШАИ заострила внимание на двух аспектах поставленной проблемы: почему нужно продвигать «умное» партийное строительство и как это сделать? Она убедительно доказала, что цифровизация делает партию более конкурентоспособной, является современным и мощным средством расширения партийных рядов на местах, роста партийного авторитета. Таким образом, цифровизация оказывается насущным требованием времени. Однако на пути цифровизации в Китае столкнулись с целым рядом трудностей, обусловленных разнородностью китайского общества, наличи-

ем социальных слоев с различными потребностями и особенностями восприятия информации; большой мобильностью общества, значительной частью сельского населения и пожилых людей, для которых блага цифровизации остаются труднодоступными и т. д. В настоящее время китайское партийное руководство предпринимает шаги, направленные на преодоление этих трудностей цифровизации и создания современного высокоиндустриального общества, во главе которого стоит самая крупная в мире политическая партия со столетней историей.

Логическим продолжением идей, содержащихся в выступлении китайского коллеги, стал доклад доцента кафедры социальных технологий СЗИУ И. С. Буриковой, посвященный проблеме психологического измерения цифровизации. Было отмечено, что цифровизация, основанная на достижениях Четвертой промышленной революции, изменила лицо всего современного мира, привела к перестройке информационно-психологической среды. Цифровизация разделила людей по доступности цифровых услуг и информационных технологий, привела к поляризации мнений и настроений в обществе и т. д. Цифровизация угрожает возможностью потери контроля над цифровыми потоками, распространением и усвоением значительными массами некачественной, недостоверной информации и т. д. В завершении был поставлен вопрос, предполагающий специальную дискуссию: каким будет человек, сформировавшийся под воздействием цифровизации?

Как осуществляется цифровая трансформация управления в мегаполисе? Ответ на этот вопрос участники научной дискуссии получили в выступлении Лю Чжунци, профессора ШАИ. Было отмечено, что цифровизация затронула все сферы жизни общества, в том числе и городское управление. Китайские коллеги разработали «проект 2522», в рамках которого изучали влияние цифровизации на жизнь горожан, прежде всего населения, проживающего в Шанхае. В основу проекта была положена идея «умного города», который управляется интеллектуальными системами и должен быть удобным и безопасным для людей. Важное место было уделено услугам, которые оказываются особым группам населения (социально незащищенным, маломобильным, с низким уровнем жизни). В настоящее время социологи ШАИ осуществляют мониторинг продвижения проекта.

Анализу российского опыта коммуникации органов власти с населением было посвящено выступление К. Ю. Огаркова, аспиранта кафедры социальных технологий СЗИУ. Молодой ученый на значительном эмпирическом материале анализа российских социальных сетей (с использованием онлайн-сервиса POPSTERS для аналитики контента и интересов аудитории в сообществах социальных сетей) показал, что отечественные органы исполнительной власти активно используют сети «ВКонтакте», «Одноклассники». Пользователи (подписчики) — массовая аудитория в возрасте 25–44 года. Совершенно естественно, больше всего аудиторию интересует информация (новостные материалы) Министерства обороны. Отметим тот факт, что К. Ю. Огарков поделился результатами самых последних исследований — сентября 2023 года.

Результатам исследований еще одного объекта социальной сферы — системы здравоохранения и ее цифровизации — было посвящено выступление доцента ШАИ Хэ Сяолинь. В проекте, разработанном и реализованном китайскими коллегами, акцент был сделан на медицинском обслуживании в отдаленных (периферийных) территориях Шанхая (это 9 районов с 7 млн человек, в основном сельское население). Исследование обнаружило весьма очевидный факт существования социального неравенства в сфере здравоохранения. Если в центральных районах мегаполиса уровень медицинского обслуживания был относительно высоким, то в изучаемом регионе — оказался ниже среднего. Опросы показали, что 20% населения крайне редко обращаются к врачам (из-за недоступности высокотехнологичных медицинских услуг, значительного времени на ожидание приема врача, высокой

стоимости услуг и т. д.). Китайские коллеги разработали предложения, направленные на совершенствование системы медицинского обслуживания населения отдаленных районов, представив ее как многоуровневую, дистанционную, с дифференцированной диагностикой и лечением. Такая система медицинских услуг приведет к экономии времени и средств, транспортных расходов. А главное — приблизит высокотехнологичные и высококачественные услуги к потребителю.

Завершилась международная дискуссия выступлением профессора Президентской академии Л. Д. Козыревой. Она показала многомерность понятия «цифровизация», подчеркнув ее глобальный характер. В результате цифровизации формируется мировое цифровое пространство, в котором сосуществуют, конкурируя и борясь за лидерство, государства-нации. В этих условиях государство выступает одним из главных выгодополучателей от реализации преимуществ цифровизации, которые были раскрыты в выступлении. Однако цифровизация несет серьезные вызовы и риски в политико-административной сфере: выступает значимым конфликтогенным фактором, связанным с повышением уровня контроля за гражданами, частичным ограничением их прав в целях безопасности. Появляется и углубляется цифровое неравенство, влекущее целый ряд социальных последствий. В выступлении была обоснована необходимость формирования в обществе социального иммунитета, который обеспечит невосприимчивость к дестабилизации.

Таким образом, резюмируя результаты обсуждения, можно сказать, что всестороннее российско-китайское сотрудничество, основанное на политическом взаимодововерии наших лидеров, продолжает расширяться и углубляться. И примером тому являются плодотворные итоги очередного этапа научного сотрудничества РАНХиГС Санкт-Петербург и ШАИ.

Об авторе:

Козырева Лариса Дмитриевна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kozyreva-ld@ranepa.ru

About the author:

Larisa D. Kozyreva, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Philosophy), Professor; kozyreva-ld@ranepa.ru

Новости

Делегация РАНХиГС Санкт-Петербург приняла участие в XXV Всемирном Русском Народном Собрании

Делегация РАНХиГС Санкт-Петербург во главе с научным руководителем Владимиром Шамаховым приняла участие в крупнейшем российском общественном форуме — XXV Всемирном Русском Народном Собрании.

Главной темой для обсуждения в этом году стало сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Основными спикерами мероприятия выступили представители Русской православной церкви из всех регионов нашей страны. Также в форуме приняли участие представители органов государственной власти, федеральные министры, сенаторы Совета Федерации и депутаты Государственной думы, губернаторы регионов, руководители различных ведомств, представители крупного бизнеса, видные общественные деятели, известные философы, ученые, благотворители и меценаты.

Ключевыми и главными участниками стали Президент РФ Владимир Путин и председатель Русской православной церкви Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл.

Члены делегации петербургского кампуса Президентской академии приняли участие в работе двух секций, посвященных вопросам образования и экономики.

Выступление научного руководителя РАНХиГС Санкт-Петербург В. А. Шамахова было посвящено важнейшей проблеме воспитания подрастающего поколения и знаковой роли в этом процессе будущего Царскосельского лицея.

Как отметил В. А. Шамахов, возрождение Царскосельского лицея, с его духовным смыслом и ценностными ориентирами, является актуальной задачей для качественного преобразования нашего государства и дальнейшего его поступательного развития.

На фото: выступление научного руководителя РАНХиГС Санкт-Петербург В. А. Шамахова

В Петербурге состоялся Международный форум «Арктика: настоящее и будущее»

7–8 декабря 2023 года в конгрессно-выставочном комплексе «Экспофорум» состоялся XIII Международный форум «Арктика: настоящее и будущее». Участие в пленарных заседаниях, лекциях и круглых столах принимали представители науки, бизнеса и государственного сектора. Форум традиционно представил наиболее масштабную деловую программу по арктической тематике. В течение двух дней в ходе 50 сессий по 11 тематическим направлениям более 500 спикеров из числа представителей органов власти, бизнеса, деловых кругов, науки и некоммерческих организаций вырабатывали решения по развитию одного из самых значимых макрорегионов страны.

Петербургский кампус Президентской академии на форуме представляла делегация сотрудников и преподавателей под руководством директора РАНХиГС Санкт-Петербург А. Д. Хлуткова.

«Арктическую зону РФ можно назвать индикатором эффективности управленческой системы всей страны. Поэтому по-настоящему эффективное развитие арктических территорий станет возможным только тогда, когда мы на системном уровне достигнем полной зрелости в отношении вопросов устойчивого развития. Именно для этих целей и нужны такие масштабные тематические площадки для диалога, как форум „Арктика: настоящее и будущее“», — отметил директор РАНХиГС Санкт-Петербург А.Д. Хлутков.

На фото: делегация РАНХиГС Санкт-Петербург

День рождения РАНХиГС Санкт-Петербург

16 декабря 2023 года Северо-Западный институт управления РАНХиГС отметил свой 32-й день рождения.

16 декабря 1991 года в стенах Таврического дворца появился Северо-Западный кадровый центр. Позже он был переименован в Северо-Западную академию государственной службы. Учебное заведение вошло в систему Российской академии государственной службы при Президенте РФ, а в 2010 году институт стал частью Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Вуз ежегодно становится лидером приемной кампании среди высших учебных заведений Санкт-Петербурга и СЗФО. Институт продолжает планомерное развитие и модернизацию инфраструктуры. Открываются новые направления подготовки, особое внимание уделяется качеству образовательного процесса, мотивации и творческому развитию студентов, преподавателей и работников.

Директор РАНХиГС Санкт-Петербург А.Д. Хлутков и научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург В.А. Шамахов поздравили преподавателей, сотрудников, студентов и выпускников с этим событием: «...непростой путь, пройденный институтом за довольно короткий для истории промежуток времени, говорит нам о высокой сложности устройства и функционирования управленческой деятельности. Особенно это касается масштабов государства, где цена каждого принимаемого решения очень высока. Поэтому в нашем деле находится место только качественно подготовленным профессионалам, благодаря самоотверженному труду которых, сегодня мы с гордостью продолжаем заложенные традиции, регулярно усиливая их лучшими современными практиками, технологиями и решениями. Именно этот симбиоз обеспечивает нам устойчивые лидерские позиции в области управленческого образования.

Дорогие друзья, мы от всей души благодарим вас за плодотворную совместную работу! Отдельное спасибо сегодня мы говорим коллегам — за ответственный подход к делу, студентам — за тягу к знаниям, выпускникам — за поддержание высокой марки и, конечно же, партнёрам — за доверие и готовность к сотрудничеству».

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2023 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

- Хлутков А. Д.* Изменчивость и постоянство системы управления. Взгляд экономиста № 1, с. 9
- Хлутков А. Д.* Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области: взгляд экономиста № 2, с. 7
- Хлутков А. Д.* Экономика Санкт-Петербурга в новых внешних условиях развития № 3, с. 9
- Хлутков А. Д.* Региональное управление в особых условиях. Взгляд экономиста № 4, с. 9
- Хлутков А. Д.* Планирование развития Санкт-Петербурга. Взгляд экономиста № 5, с. 9
- Хлутков А. Д.* Эффективность управления. Взгляд экономиста № 6, с. 9
- Хлутков А. Д.* Эффект колеи и проблемы управления. Взгляд экономиста № 7, с. 9
- Хлутков А. Д.* Образование для государственной службы: некоторые замечания и опыт 2022–2023 учебного года № 8, с. 8
- Хлутков А. Д.* Кризис управления и кризис управленцев № 9, с. 8
- Хлутков А. Д.* Государственное и муниципальное управление: новые вызовы и старые проблемы № 10, с. 8
- Хлутков А. Д.* Пределы управленческих эффектов: российский и европейский опыт 2023 года № 11, с. 8
- Хлутков А. Д.* Парадоксы цифровизации и эффективность государственного управления № 12, с. 8
- Шамахов В. А.* Изменчивость и постоянство системы управления. Взгляд историка № 1, с. 8
- Шамахов В. А.* Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области: взгляд историка № 2, с. 6
- Шамахов В. А.* Ленинград — Петербург: история преодоления географии № 3, с. 8
- Шамахов В. А.* Региональное управление в особых условиях. Взгляд историка № 4, с. 8
- Шамахов В. А.* Планирование развития Санкт-Петербурга. Взгляд историка № 5, с. 8
- Шамахов В. А.* Эффективность управления. Взгляд историка № 6, с. 8
- Шамахов В. А.* Эффект колеи и проблемы управления. Взгляд историка № 7, с. 8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Дудникова В. А. Совершенствование публичного администрирования через реорганизацию территориальных органов государственной власти: кейс Министерства труда и социального развития Новосибирской области № 6, с. 10

Семенов В. А., Ерешкин В. В. Коррупциогенные факторы в местном самоуправлении (на примере г. Санкт-Петербурга) № 3, с. 10

Семенов В. А., Ерешкин В. В. Современные вызовы становлению эффективного функционирования органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга) № 2, с. 8

Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Санкт-Петербург: к вопросу о стратегии развития муниципалитетов в условиях экономической и политической неопределенности № 10, с.

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Баранов А. В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности № 1, с. 10

Бахлова О. В., Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г. Роль органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в формировании и реализации политики патриотического воспитания № 9, с. 18

Ван Дань. Обеспечение верховенства закона в системных реформах Китая № 4, с. 10

Иванов Д. Ю., Волков В. А. Политические аспекты цифровизации и сетевизации государства № 10, с. 19

Казеян Х. А., Арутюнян Г. Э. Проблемы применения искусственного интеллекта в военном управлении № 6, с. 34

Каминченко Д. И. Роль местных интернет-сообществ в реализации государственной и муниципальной политики: мнение молодой аудитории № 12, с. 34

Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства № 11, с. 9

Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д. Санкции: глобальное содержание — региональные последствия. К вопросу о последствиях санкций для Санкт-Петербурга № 9, с. 9

Панова Е. В. Социально-коммуникативная технология работы с общественным мнением в условиях экологического инцидента № 2, с. 24

Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Левочкина М. В. Дискурсивные и нарративные практики шотландских властей в рамках реализации повестки национально-территориального самоопределения Шотландии № 1, с. 24

Уткин С. Р., Стихин И. В., Тулаева С. А. Экологическая повестка в предвыборных программах российских политических партий № 8, с. 24

Фролов А. А., Соколов А. В., Егоров Д. В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике № 2, с. 46

Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года № 6, с. 27

Чжан Юйин. Цель и движущая сила правовых реформ: опыт правовых реформ КНР № 3, с. 28

Шумилов М. М. Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США (Часть 1) № 11, с. 25

- Шумилов М. М.* Вовлечение европейских стран в реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США (Часть 2) № 12, с. 9
- Шумилов М. М., Гуркин А. Б.* Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) № 7, с. 10
- Шумилов М. М., Шмидт О. И.* Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) № 8, с. 9

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- Аргатов М. А., Десятниченко О. Ю.* Диспетчеризация таможенных деклараций: новые возможности и проблемы для участников ВЭД и ФТС России № 8, с. 74
- Аргатов М. А., Десятниченко О. Ю.* Новые возможности и новые вызовы для участников ВЭД, возникающие в процессе цифровизации системы электронного документооборота ФТС России № 11, с. 69
- Барцаев А. В., Ворона А. А.* Проблемы и перспективы развития международного таможенного сотрудничества в условиях цифровизации № 6, с. 56
- Бойко И. В.* Глобальная экономика: переход от стандартизированной к нестандартизированной модели развития № 8, с. 41
- Борщевский Г. А.* Оценка документов стратегического планирования на Дальнем Востоке № 12, с. 50
- Гамидуллаева Л. А., Зинченко С. В.* Развитие туристической индустрии в регионе: цифровые инструменты принятия решений на основе геоаналитических данных № 12, с. 64
- Гетман А. Г.* Развитие теории и практики расчета стоимости логистических услуг как элемента управления таможенно-логистическими рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности № 12, с. 85
- Гетман А. Г., Лин Илань.* Технология Deepfake: угрозы или возможности для таможни № 4, с. 30
- Ермакова Н. А., Каримова Л. А.* Вопросы формирования кластеров Восточной Германии № 1, с. 63
- Журавлев Д. М., Чаадаев В. К.* Стратегирование национальной и экономической безопасности № 4, с. 16
- Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Новый этап инновационного развития Израиля: прогресс или потеря лидерства? № 5, с. 18
- Ильясов Р. Х., Плотников В. А.* Макрорегиональный анализ углеродоемкости экономики № 7, с. 42
- Колесник Е. А.* Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект № 5, с. 40
- Конников Е. А., Родионов Д. Г.* Моделирование системных импульсов развития онлайн-торговли в условиях пандемии COVID-19 № 11, с. 60
- Конягина М. Н., Сагитов Д.* Тенденции реализации ESG-повестки горнодобывающими компаниями в России № 8, с. 64
- Куклина Е. А., Дементьев К. И.* ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки № 7, с. 53
- Лапыгин Ю. Н., Караман К. С.* Стратегия экономической безопасности муниципального образования с позиций ESG-принципов № 6, с. 46

- Лапыгин Ю. Н., Талов Р. К.* Экономическая безопасность в документах стратегического планирования № 2, с. 66
- Лю Яи, Вертакова Ю. В.* Оценка межрегиональной дифференциации в Китае № 10, с. 33
- Медведева Н. В., Маслюк Н. А.* Новый формат взаимодействия органов публичной власти по реализации регионального инвестиционного стандарта № 10, с. 80
- Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д.* К вопросу о региональной экономической безопасности в современных условиях (на примере Северо-Западного федерального округа) № 1, с. 34
- Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А.* Стратегические цели и текущие задачи развития Санкт-Петербурга в контексте экономической истории № 5, с. 10
- Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д.* Между отраслью и странством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе № 2, с. 56
- Минаев Д. В.* Подходы к проектированию и актуализации компетентностных моделей образовательных программ на основе интеллектуального анализа вакансий работодателей № 10, с. 45
- Нигай Е. А., Наумченко А.А.* От SPoD к BANi: цифровая трансформация бизнес-модели организации сферы недвижимости № 5, с. 63
- Орлов Е. В., Косарева В. А., Смирнова Е. С.* Определение направлений повышения эффективности расходования средств муниципальных бюджетов № 6, с. 65
- Плотников В. А., Анисимова Я. А.* Экономика совместного потребления: понятие, особенности, перспективы развития № 1, с. 42
- Плотников В. А., Погодина В. В., Смирнов А. А.* Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности № 9, с. 35
- Подольская Е. А., Мисько О. Н.* Развитие туристического кластера Санкт-Петербурга в рамках создания новых факторов притягательности гостиничной сети за счет апартаментов среднего класса № 5, с. 28
- Сафонова Т. Ю.* Трансформация рынков сбыта российской нефти с учетом санкционного давления № 1, с. 52
- Тимирьянова В. М.* Высокочастотные данные, характеризующие розничную торговлю: интересы государства, предприятий и научных организаций № 3, с. 34
- Тяпухин А. П.* К вопросу о концепции управления цепями создания ценностей № 11, с. 46
- Ушаков В. Н.* Оценка роли региональных налогов в динамике доходов бюджета Иркутской области: современные реалии дотационности № 3, с. 57
- Фадеев А. М., Спиридонов А. А.* Стратегические подходы к обеспечению технологического суверенитета в энергетической отрасли № 9, с. 67
- Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и киберриски № 7, с. 28
- Хворостяная А. С.* Стратегирование национальных брендов молодежной инновационной экосистемы креативной экономики (опыт Южной Кореи) № 3, с. 46
- Цацулин А. Н.* О двух методах анализа деятельности предприятий реального сектора экономики на товарном рынке № 9, с. 45

- Цыганкова И. В.* Изменения в социально-трудовой сфере под влиянием развития «зеленой» экономики № 8, с. 52
- Шабаева С. В., Шабаев А. И.* Инструменты реализации стратегий в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий № 10, с. 69
- ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ**
- Александров В. Б.* О возможности научного социализма. С. Н. Булгаков против К. Маркса № 8, с. 96
- Александров В. Б.* Русские философы о понятии научного мировоззрения № 2, с. 90
- Александрова О. А., Минина М. В.* Умный город как элемент устойчивого развития мегаполиса № 12, с. 109
- Антонов Е. Н.* Культурно-образовательная элита в поле политики: понимание, структура, анализ российского кейса № 9, с. 135
- Байер Ю. П., Романов В. Д.* Актуальные исследования ценностей молодежи Европы и России в контексте теории социокультурных ментальностей Питирима Сорокина № 8, с. 105
- Балабейкина О. А., Гаврилова К. С., Межевич Н. М., Янковская А. А.* Роль церкви Дании в борьбе с пандемией COVID-19 и значение этого опыта для Российской Федерации № 3, с. 73
- Болгов Р. В.* Политика в сфере искусственного интеллекта как область исследования: предварительные результаты библиометрического анализа № 9, с. 118
- Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б.* Исторические законы в системе современных знаний о прошлом человеческого общества № 2, с. 132
- Григорьев В. Ю.* Методика формирования сбалансированного набора устойчивых индикаторов оценки регионального профессионального образования № 6, с. 90
- Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю.* Анализ регионального СПО: что в приоритете? № 12, с. 118
- Гришанин Н. В., Миневич Я. В.* Ценности молодежи как ресурс разработки внутрикорпоративной идеологии компании: глобализация и патриотизм № 6, с. 105
- Гришанин Н. В., Миневич Я. В., Меркушева А. С.* Корпоративная культура в формировании ценностного и информационного пространства города и компании № 5, с. 83
- Дзгоева Д. Т., Романов И. С.* Общественное участие в бюджетном процессе: теория и методология № 11, с. 114
- Доронин А. Н.* Направления и перспективы развития публичного управления № 10, с. 113
- Евсеев А. Ю.* Влияние властных элит Северного Кавказа на процессы национального дискурса № 5, с. 76
- Евсеев А. Ю.* Динамика медиаобраза главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова в контексте политической медийной коммуникации России № 1, с. 91
- Елсуков М. Ю., Исаев А. П.* Трансформация подходов к оценке инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов России № 11, с. 82
- Зарецкий А. А., Козырев А. А.* Стратегическое проектное управление социально-экологическим развитием Арктической зоны РФ № 12, с. 131

- Зеленцов В. В.* Проблемы и перспективы совершенствования территориальной организации местного самоуправления (на примере муниципальных образований Республики Тыва) № 10, с. 120
- Иванов Д. Ю., Волков В. А.* Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти и общества в условиях цифровизации государственного управления № 9, с. 107
- Иванова О. Э.* Социальное партнерство как механизм решения сложных проблем № 1, с. 78
- Кашина М. А.* Популярность к-поп культуры в России: благо или зло? Кейс BTS № 8, с. 116
- Кашина М. А., Педченко А. А.* Fanfiction как новое социальное медиа, или почему молодежь пишет и читает непрофессиональную литературу № 10, с. 137
- Ким М. Н., Пак Е. М.* Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции № 7, с. 72
- Ким М.Н.* Инновационные практики в работе мультимедийных журналистов № 4, с. 72
- Ковалев С. П., Яшина Е. Р., Турзин П. С., Лукичев К. Е.* Современное состояние системы управления процессом снижения нетрудоспособности работающего населения регионов страны № 12, с. 96
- Ковалев С.П., Яшина Е.Р., Турзин П.С., Лукичев К.Е.* Снижение нетрудоспособности работников: актуальные организационные, медицинские и социально-экономические направления деятельности № 4, с. 37
- Корецкий А. С.* Применение программно-целевого метода при формировании стратегии опережающего развития современной библиотеки № 3, с. 101
- Котов А. И., Лихтин А. А.* Урбанистика и городское планирование: симбиоз знаний и практики на службе у человека № 2, с. 81
- Кугай А. И.* Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них № 2, с. 122
- Марченко Г. В., Чимаров С. Ю., Бял В. С.* Деятельность военно-политических органов силовых структур: историческая ретроспектива и современные приоритеты № 3, с. 86
- Минина М. В., Рехаккайнен Д. А.* Роль Генерального плана в развитии современных городов на примере Санкт-Петербурга № 7, с. 82
- Нго Ван Жанг.* Формирование материалов для смешанного обучения вьетнамских студентов академическому английскому языку в целях улучшения их навыков письма № 6, с. 118
- Никитина О. О.* Использование нестандартных методов продвижения в event-индустрии в условиях ограниченных ресурсов № 7, с. 94
- Палий К. Р., Палий Р. Р.* Государственная политика зарубежных стран в области сохранения архитектурного наследия № 9, с. 124
- Палий К. Р., Палий Р. Р.* Ревитализация индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга № 8, с. 138
- Пань Хуньянь, Чжан Чэнь.* Как построение системы социального кредита в контексте цифровизации может усилить низовой уровень управления? — Тематическое исследование «Морального банка» города Юяо в провинции Чжэцзян № 8, с. 86
- Пирогова О. Е., Мустафина А. В., Гамидова А. Э.* Инклюзивный туризм: понятие и сущность № 6, с. 81

- Селезнева Е. В., Демидов С. А.* Современный российский руководитель в представлениях государственных служащих № 9, с. 81
- Семенов В.А., Ерешкин В.В.* Культурное наследие и местное самоуправление (на примере МО Светлановское, г. Санкт-Петербург) № 4, с. 48
- Серова Е. Г., Воробьев П. Ф., Файнштейн Е. М.* Влияние пандемии COVID-19 на ресторанный бизнес: рекомендации на основе экспертного интервью № 2, с. 99
- Фролов А. А., Соколов А. В., Палагичева А. В.* «Россия — страна возможностей» как экосистема создания равных стартовых возможностей для граждан № 10, с. 98
- Чечулин А.В., Бабенко В.А., Степанова Е.А., Иванова В.М.* Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации № 4, с. 81
- Чэнь Юйтин, Ши Шолинь.* Роль управления социальным кредитом Китая в системе социалистической рыночной экономики № 9, с. 96
- Яфасов А. Я., Кибальников С. В., Меркулов А. А., Посконный Д. А.* Цифровые технологии в экономике туризма: проект «Путь Ломоносова» № 11, с. 96

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Гриднев В. П.* Борьба Петра I с коррупцией в России № 1, с. 100
- Гриднев В. П.* Деятельность органов военного управления по мобилизации военных строителей на создание непреодолимой обороны на Курской дуге № 5, с. 95
- Гриднев В. П.* Мужество и героизм советских воинов в битве под Курском № 7, с. 103
- Гриднев В. П.* Политико-воспитательная работа в частях тылового обеспечения на Курской дуге № 12, с. 145
- Гуркина Н.К.* Ушинский и советская школа (из исторического опыта создания отечественной системы образования) № 11, с. 122
- Гуркина Н. К.* Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей) № 5, с. 101
- Лушин А. И.* Антисоветские выступления периода хрущевской оттепели как один из результатов непросчитанных управленческих решений властей № 5, с. 113
- Стариков Н.В., Шамахов В.А.* Курская битва — взгляд 80 лет спустя № 8, с. 147

A LINEA

- Бородин С. Н.* Прогнозирование направлений государственной политики региона на основе кластерного анализа показателей социально-экономического развития его муниципальных образований № 10, с. 157
- Ван Ясинь.* Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике № 3, с. 131
- Векшин В. О.* Актуальность внеинституциональных способов политики молодежи № 12, с. 158
- Галустов К. А.* Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов) № 12, с. 167
- Герелишин Р.И.* Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества № 4, с. 93

<i>Горынцева Е. А.</i> Проблема всеобщей цифровизации в зеркале российских аудиовизуальных православных СМИ (на примере телеканала «Спас»)	№ 7, с. 142
<i>Гринев С. А.</i> Феномен чрезвычайности в социально-экономическом и стратегическом аспектах	№ 7, с. 109
<i>Груничев М. М.</i> «Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции «Smart City» и участие субъектов гражданского общества в принятии политических решений	№ 6, с. 130
<i>Дементьев К. И.</i> Анализ мирового опыта применения искусственного интеллекта для оптимизации бизнес-процессов предприятий	№ 1, с. 107
<i>Зорина И. А.</i> Наставничество как социальный институт и его виды в современных реалиях	№ 10, с. 179
<i>Зорина И. А.</i> Роль наставника в современном обществе: обзор социологических исследований	№ 11, с. 140
<i>Ляликов А. А.</i> Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности	№ 11, с. 149
<i>Мамытов У. Э.</i> Была ли политика Бернанке в 2008 году благотворной для США и всей мировой финансовой системы?	№ 3, с. 112
<i>Мамытов У. Э.</i> О слабости кыргызского экспорта на фоне японских торговых компаний в контексте индустриальной организации по Чандлеру	№ 9, с. 144
<i>Мамытов У. Э.</i> Феномен японских главных банков как фактор конкурентоспособности японского бизнеса	№ 10, с. 188
<i>Межевич А. Н., Ситов И. П.</i> Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях	№ 6, с. 137
<i>Мисько О. Н., Дарвиш А. Ш.</i> Совершенствование энергетического сектора и возобновляемых источников энергии в Египте (проблемы, достижения и наиболее важные проекты)	№ 11, с. 132
<i>Савельчев Л. А.</i> Взаимообогащение или «утечка мозгов»? Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии	№ 7, с. 121
<i>Савельчев Л. А.</i> О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета	№ 5, с. 129
<i>Фесянова О. А.</i> Теоретические основы стратегической мотивации в трудах нобелевских лауреатов	№ 3, с. 121
<i>Фу Синьсинь.</i> Сотрудничество Китая и России в области охраны окружающей среды в Арктике: современное состояние и перспективы	№ 5, с. 120
<i>Шалимов М.Б.</i> Проблемы повышения эффективности государственных программ и национальных проектов на примере сферы здравоохранения	№ 4, с. 108
<i>Шевченко К.В.</i> Концепция региональной стратегии развития занятости населения Амурской области	№ 4, с. 121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Карнаух В.К.* Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» № 4, с. 138
- Кашина М.А.* Пятая международная научно-практическая конференция «Женщины на государственной службе»: классика в новых реалиях № 4, с. 133
- Козырева Л. Д.* Цифровизация социальной сферы: новые подходы и решения №12, с. 192
- Степанов А.В.* Настоящие герои времени — люди труда. О книге А. Ф. Измайлова «Востребованный временем. Очерки о Г. В. Романове, советском партийном и государственном деятеле» № 1, с. 121
- Четвериков А. О.* Международное право и политическая журналистика в борьбе с радикализацией информационного пространства. Рецензия на монографию «Глобальный индекс экстремизма» № 5, с. 146

2023. № 12(180) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.11.2023.
Подписано к печати 29.12.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,61. Тираж 50 экз.
Заказ № 12/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72